

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

Е. Б. Гришина

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Монография

Орел
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2015

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
Г85

Рецензенты:

Е. Г. Сахарова, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации расследования
преступлений и судебных экспертиз ФГКОУ ДПО
«Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России»

В. В. Певцов, заместитель начальника УМВД России
по г. Орлу – начальник Следственного управления
УМВД России по г. Орлу

Гришина Е. Б.

Г85 **Особенности формирования показаний в уголовном судопроизводстве России : монография / Е. Б. Гришина. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. – 125 с.**
ISBN 978-5-88872-110-0

В работе рассматриваются особенности получения показаний участников уголовного судопроизводства с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства, обобщается практический опыт формирования и соотношения показаний с иными видами доказательств.

Монография предназначена для преподавателей, слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России.

Текст публикуется в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

Оглавление

Введение	4
Глава I. Понятие показаний и особенности процессуальной формы показаний участников уголовного судопроизводства	6
§ 1. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве	6
§ 2. Особенности формирования показаний подозреваемого и обвиняемого	31
§ 3. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля	43
§ 4. Особенности формирования показаний эксперта и специалиста	57
Глава II. Соотношение показаний с иными видами доказательств	73
§ 1. Соотношение показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве	73
§ 2. Соотношение показаний с протоколами следственных и судебных действий	85
§ 3. Соотношение показаний с заключением эксперта и заключением специалиста	93
Заключение	103
Библиография	111

Введение

Доказательственное право представляет собой подотрасль уголовно-процессуального права, регламентирующую основное содержание уголовного судопроизводства – познавательную деятельность. В то же время нормативные требования способны обеспечить эффективность познания в уголовном судопроизводстве лишь если зиждутся на гносеологических закономерностях. Очевидно, что таким закономерностям должен подчиняться и институт доказательств, в частности их понятие, виды, процессуальная форма.

Нельзя с полной убежденностью сказать, что используемая законодателем, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации терминология из области теории доказывания не порождает существенных как теоретических, так и практических проблем. Так, до настоящего времени отсутствует ясность в вопросе о соотношении доказательства, его источника и процессуальной формы (ч. 1, 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, п. 5, 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК). Дискуссионным является само понятие видов доказательств, поскольку категориям, обозначенным в ч. 2 ст. 74 УПК, законодательная дефиниция не дана.

В системе видов доказательств особое место занимают сведения, существующие в форме показаний. Во-первых, в связи с их очевидной наибольшей распространенностью в качестве доказательств. Согласно различным оценкам распространенность показаний среди иных видов информации в доказательственной базе составляет до 70 %², тогда как вся вербальная информация доказательственной базы по уголовным делам³ – 85-90 %. Таким образом, даже среди вербальных источников информации сведения, существующие в форме показаний, очевидно преобладают. Во-вторых, формирование показаний как с гносеологических позиций, так и с позиций процессуальной формы достаточно выражено отличается от формирования иных видов информации. Это связано с сочетанием устности и письменности речи, что актуализирует при получении показаний проблему и устной, и письменной речи, адекватности передаваемых образов и т. д.

Несмотря на то, что сведения, содержащиеся в показаниях, являются наиболее распространенными доказательствами по подавляющему большинству уголовных дел, понятие показаний ни в уголовно-процессуальной теории, ни в современном законодательстве четко не определено.

Причин такого положения несколько. Прежде всего, четкому определению показаний препятствует непрекращающаяся дискуссия относительно соотношения понятий «доказательство», «источник доказатель-

¹ В дальнейшем, если иное не оговорено, – УПК.

² См.: Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 4.

³ См.: Тишутина И. В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18.

ства», «источник сведений о фактах», «виды доказательств». В многочисленных научных работах показания толкуются и как доказательства, и как форма доказательств, и как содержание доказательств, применительно к показаниям используются такие обобщающие категории как «вид доказательств», «вид источников доказательств», «вид источника фактических данных», «вид процессуальной формы доказательства».

Кроме того, законодатель не всегда дает четкое определение другим видам информации, используемой в доказывании. Так, не в полной мере ясно содержание протоколов следственных и судебных действий (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК, ст. 83 УПК), в частности спорен вопрос о том, входят ли в содержание этого понятия протоколы допросов, очных ставок. Понятие иных документов (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК, ст. 84 УПК) также достаточно неопределенно и не позволяет, например, решить вопрос о правовой природе материалов опроса защитником лица с его согласия; объяснений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, результатов применения технических средств фиксации хода и результатов допроса, очной ставки.

Определенные проблемы порождены и законодательной техникой. Так, закрепление показаний эксперта в одном пункте с заключением эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК), а показаний специалиста в одном пункте с заключением специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК) нередко вызывает отношение к показаниям этих участников как к несамостоятельным доказательствам, являющимся лишь элементом неких доказательственных комплексов.

Таким образом, в работе назрела необходимость добиться большей определенности в вопросах о понятии показаний, процессуальных способах их получения, соотношении с иными видами доказательств.

Проблема понятия показаний и некоторые аспекты их соотношения с иными видами доказательств исследовались в науке отечественного уголовного судопроизводства как в рамках общих проблем уголовно-процессуального доказывания, так и специально.

Данным вопросам посвятили свои труды такие авторы, как Горский, В. Н. Григорьев, А. А. Давлетов, Т. Н. Добровольская, В. Я. Дорохов, А. В. Дулов, Н. В. Жогин, В. И. Зажицкий, Е. А. Зайцева, Р. В. Костенко, Н. П. Кузнецов, В. А. Лазарева, О. В. Левченко, А. Е. Леднев, А. М. Ларин, И. М. Лузгин, П. А. Лупинская, Я. О. Мотовиловкер, С. А. Новиков, Ю. К. Орлов, Н. Е. Павлов, И. Л. Петрухин, А. В. Победкин, Д. В. Попов, Н. И. Порубов, А. Р. Ратинов, Р. Д. Рахунов, А. Б. Соловьев, Ф. Н. Фаткуллин, Г. П. Химичева, М. А. Чельцов-Бебутов, С. А. Шейфер, М. М. Шейфер, Н. Г. Шурухнов, А. А. Эйсман, П. С. Элькинд, М. Л. Якуб, Н. А. Якубович и другие ученые.

Специальных исследований, посвященных взаимосвязи показаний различных участников уголовного судопроизводства между собой и их ме-

сту в системе иных видов доказательств в условиях действующего УПК, не проводилось.

Глава 1. Понятие показаний и особенности процессуальной формы показаний участников уголовного судопроизводства

§ 1. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве

Сведения, содержащиеся в показаниях, являются наиболее распространенными доказательствами по подавляющему большинству уголовных дел, однако, понятие показаний ни в уголовно-процессуальной теории, ни в современном законодательстве четко не определено.

Прежде всего, бесспорному определению показаний препятствует непрекращающаяся дискуссия относительно соотношения понятий «доказательство», «источник доказательства», «источник сведений о фактах», «виды доказательств». В многочисленных научных работах показания толкуются и как доказательства, и как форма доказательств, и как содержание доказательств, применительно к показаниям используются такие обобщающие категории, как «вид доказательств»¹, «вид источников доказательств»², «вид источника фактических данных», «вид процессуальной формы доказательства»³.

Очевидно, что без ясности в вопросе о понятии доказательства уяснить сущность показаний в уголовном судопроизводстве невозможно.

К современному понятию доказательств, закрепленному в ч. 1 ст. 74 УПК, законодатель пришел не сразу. Этому понятию предшествовала перманентная научная дискуссия и различные варианты законодательного понимания доказательств.

Эволюцию взглядов по вопросу о понятии доказательств в науке российского уголовного процесса можно условно разделить на три этапа: 1) воззрения русских дореволюционных юристов; 2) советский период с 1917 по 1991 гг.; 3) современные точки зрения российских авторов⁴.

С предложенной классификацией можно согласиться. Однако следует учитывать, что она проведена не по критерию содержания понятия доказательства, а по критерию политического режима и формы правления.

¹ Шейфер С. А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство. 2005. № 1. С.126.

² Петуховский А. А., Шурухнов Н. Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий: учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, 2002. С. 23.

³ Карпенко В. М. Понятие доказательств по УПК РФ // Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 70.

⁴ См.: Костенко Р. В. Понятия и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 5.

Обе эти категории, несомненно, связаны с развитием уголовно-процессуального законодательства и влияют на понятие доказательств. Однако корреляция здесь не жесткая. Так, второй этап (советский период с 1917 по 1991 гг.) характеризовался, с одной стороны, заимствованием научных подходов дореволюционного периода, с другой – в зависимости от преобладающего содержательного подхода включает в себя несколько этапов, равно как и точки зрения современных российских ученых во многом повторяют взгляды, обоснованные в советское время.

На первом этапе наиболее известной является формулировка понятия доказательств И. Я. Фойницкого. С его точки зрения понятие доказательств имеет два значения: во-первых, это средства, данные нам и служащие для того, чтобы при помощи их сделать заключение о неизвестном, искомом; во-вторых, это умственный процесс, с помощью которого обстоятельство искомое ставится в связь с обстоятельством известным, данным и показывается им¹. В. К. Случевский считал, что доказательствами являются те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе, в отношении преступного посягательства, убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица².

Таким образом, на первом этапе понятие доказательств лишь начинает подвергаться научному осмыслению, однако приведенные точки зрения заложили основы понимания доказательств и в советский, и в современный период (логическое и информационное понимание доказательств, понимание доказательств как фактических данных).

В последующем преобладающей становится позиция, согласно которой доказательства в уголовном процессе – это «факты», «фактические данные», при помощи которых устанавливается совершенное преступление. В частности, к такому мнению пришли В. И. Громов, С. В. Познышев, А. Я. Вышинский, М. А. Чельцов, С. А. Голунский и др.³ Учитывая известные сложности обоснования понятия доказательств как фактов, М. С. Строгович предложил так называемое двойственное понятие доказательств: во-первых, доказательства – это «факты», во-вторых, доказательства – это «источники доказательств», с помощью которых устанавливаются эти факты – показания, заключения и т. д.⁴ Собственно с этого периода времени применительно к процессуальной форме (показаниям, заключениям и т. д.) и стал традиционно применяться термин «источник доказательств». Однако применение его в этот период вполне оправданно, поскольку в качестве доказательств понимались «факты», которые действи-

¹ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 162.

² См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Изд. 3-е. СПб., 1910. С. 41-42.

³ См.: Костенко Р. В. Указ. соч. С. 7.

⁴ См. об этом: Шейфер С. А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство. 2005. № 1. С. 121.

тельно устанавливались сведениями, выраженными в определенной процессуальной форме, в том числе и в форме показаний.

В дальнейшем наибольшее распространение и признание среди ученых получила концепция понятия доказательств, предложенная В. Я. Дороховым. Согласно ей, доказательства представляют собой фактические данные (сведения о фактах, информацию о фактах, но не сами факты), содержащиеся в законно установленном источнике¹. Немного позднее ряд авторов высказывались за разграничение фактических данных как доказательств и источников доказательств².

Такая трактовка понятия доказательств во многом связана с законодательным определением в тексте закона (УПК РСФСР 1960 г.) понятия доказательств. Доказательствами признавались любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР). В ч. 2 указанной статьи закреплялось, что эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами. Формулировка «эти данные устанавливаются» давала основу для рассмотрения указанных в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР категорий как источников доказательств. Однако и в это время категории, обозначенные в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, большинством процессуалистов рассматривались как форма фактических данных, являющаяся составной частью доказательства³.

Предложенная законодателем конструкция также порождала различное понимание. «Фактический» буквально означает «отражающий действительное состояние чего-нибудь, соответствующий фактам», а термин «данные» – сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения⁴. Отсюда термин «фактические данные» позволял понимать доказательства или как сведения о реально существующих фактах (такое понимание чревато рассмотрением в качестве доказательств только достоверных фактов), или как факты, или как сведения об обстоятельствах, входящих в предмет

¹ См.: Дорохов В. Я. Понятие доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 227-267.

² См.: Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 20-32.

³ См.: Кокорев Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. Лупинская П. А. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1966. Шейфер С. А. Собираение доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986.

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1985. С. 130, 736.

доказывания по делу. Так Н. А. Громов справедливо полагал, что «фактические данные» логически и этимологически правильнее выразить иначе: «данные о фактах». Данные – это сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения. Таким образом, фактические данные есть сведения о фактах, т. е. о социальной действительности¹.

Вероятно, неоднозначность термина «фактические данные» послужила замене в действующем УПК термина «фактические данные» на термин «сведения», который явно отражает информационное содержание доказательств.

Это означает, что доказательствами являются не только те сведения, достоверность которых уже установлена, а все те сведения, которые собираются, проверяются и оцениваются как в досудебном производстве, так и в суде. В любом случае нельзя отождествлять доказательство и факт, так как под фактами понимают истинные, проверенные, вполне установленные на научном уровне знания об объективной действительности².

В период законодательного определения доказательств как фактических данных (если их понимать как сведения о фактах) в именовании процессуальной формы существования сведений о фактах «источником доказательств» становятся очевидными слабые места³. Действительно, если сведения существуют не в той процессуальной форме, которая обозначена ныне в ч. 2 ст. 74 УПК, то доказательства попросту не существует. Источник – понятие, обозначающее начало чего-либо, то, откуда исходит что-либо⁴. Процессуальная форма – неотъемлемый элемент доказательства, а не источник такового. На это обстоятельство резонно обращает внимание С. А. Шейфер⁵. Кроме того, с точки зрения С. А. Шейфера именование процессуальной формы существования и сохранения сведений о фактах «источниками доказательств» влечет отождествление понятия доказательств со способами их получения.

Как отмечает С. А. Шейфер, «источники доказательств» – это средства чувственного познания. Осмотр, допрос, обыск действительно явля-

¹ См.: Громов Н. А. Уголовный процесс России: учебное пособие. М.: Юристъ, 1998. С. 130.

² См.: Мачихин С. Г. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 32-33.

³ См.: Громов Н. А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 94; Власова Н. Перечень доказательств – это краткое изложение сведений, содержащихся в том или ином источнике // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 55; Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2004. С. 113 и др.

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 250.

⁵ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 67.

ются источниками (а точнее способами) получения доказательств. Но здесь речь идет лишь о конкретных формах получения сведений. Однако получение показаний, заключений и т. д. – это не начало, а завершение познавательного процесса. Кроме того, поскольку процессуальная форма неотделима от доказательства, нельзя именовать ее «источником доказательств», т. к. и доказательства не могут быть источником самих себя¹.

На первый взгляд, под источниками доказательств можно было бы понимать лиц, представивших сведения, ставшие доказательствами, а также материальные носители сведений. Однако, как верно замечено в литературе, понимание под источником доказательств лиц или предметов, представивших сведения или являющихся их носителями, – также небезупречно. Доказательства появляются лишь в результате соблюдения процессуальной формы, которая включает в себя порядок, процедуру совершения действий. В этой связи вряд ли верно определять источник без указания на такую процедуру. Кроме того, что касается лиц, участвующих в уголовном процессе, то они не могут быть источником доказательств, так как они представляют не собственно доказательства, только сообщают сведения, информацию. Готового показания какого-либо участника в природе не существует². В этой связи С. А. Шейфер предлагает следующее определение доказательств: «Доказательства – это сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму – в форму показаний, заключений и т. д.» Равнозначно и определение, начинающееся с формы: доказательствами являются показания, заключения и т. д., содержащие полученные законным способом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию³. Данное определение не вызывает возражений.

Однако в ходе дискуссии С. А. Шейфер приходит также к выводу о том, что показания, заключения и т. д. следует именовать «видами доказательств». Фактически С. А. Шейфер предлагает классифицировать на виды не доказательства, а лишь процессуальную форму сведений о фактах⁴. При данном подходе получается, что содержание осталось в ч. 1 ст. 74 УПК, а форма доказательств уже является самим доказательством, а точнее, его видом. Р. В. Костенко правильно замечает: «Наличие одного из компонентов доказательства не может подменять его самого»⁵. Представляется, что

¹ См.: Шейфер С. А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство. 2005. № 1. С. 120.

² См.: Шейфер М. М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 141-142.

³ См.: Шейфер С. А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство. 2005. № 1. С. 122.

⁴ См.: Костенко Р. В. Указ. соч. С. 26.

⁵ Там же. С. 20.

показания, заключения и т. д. следует именовать видами доказательств тогда, когда понятие доказательств не будет противоречить формуле: содержание плюс форма. Иначе говоря, необходимая процессуальная форма может наличествовать, однако не всегда наличествует содержание.

Термин источник доказательств используется как в уголовном процессуальном законе (ст. 87 УПК), так и в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹.

Очевидно, что в указанных случаях в понятие «источник доказательств» вкладывается разный смысл. В ст. 87 УПК речь идет о генезисе сведений (материальном источнике – лице, представившем информацию, предмете), в указанном Постановлении Пленума имеется в виду процессуальная форма сведений.

Поскольку элемент (форма) доказательства не может быть одновременно и его источником, ряд авторов рассматривают в качестве источника доказательств именно материальный субстрат, представивший или несущий информацию. Так, В. Я. Дорохов ограничивает круг источников доказательств только лицами: свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми, подозреваемыми, экспертами, а также следователями, понятыми (при получении вещественных доказательств)².

Таким образом, на настоящий момент стоит вопрос о том, каким термином обозначать категории, закрепленные в ч. 2 ст. 74 УПК: виды доказательств, виды процессуальной формы доказательств, виды источников доказательств; виды источников сведений о фактах?

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель и орган дознания в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Соответственно, исходя из формулировки закона, сущность понятия доказательств – сведения. Однако в ч. 2 ст. 74 УПК сказано, что в качестве доказательств допускаются (курсив – Е. Г.) 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показание эксперта; 3.1) заключение и показание специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы. На первый взгляд закон противоречит методологической посылке о том, что доказательство – это совокупность содержания (сведения, информация) и процессуальной формы. «Сведения о фактах рассматриваются в отрыве от их

¹ См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2004. № 5.

² См.: Дорохов В. Я. Понятие доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. М., 1973. С. 212-213.

процессуальной формы, при этом и то, и другое рассматривается как доказательство, то есть одним и тем же термином обозначаются различные категории»¹, – отмечается по этому поводу в литературе.

Полагаем, что в ч. 2 ст. 74 УПК речь идет не о доказательствах, а о процессуальной форме сведений. Иначе говоря, в качестве доказательств допускаются *не показания, а сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, существующие в форме показаний*.

В этой связи есть некоторые претензии к формулировке ст. 220 и ст. 225 УПК. В связи с вышеупомянутым Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 в указанные нормы внесены изменения, согласно которым в обвинительном заключении и обвинительном акте следует приводить не только перечень доказательств, подтверждающих обвинение или на которые ссылается сторона защиты, но и краткое изложение их содержания (п. 5, 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК). Полагаем, что законодатель некорректно изложил в указанных нормах позицию Пленума Верховного Суда России. Пленум разъяснил, что доказательствами являются сведения, поэтому в обвинительном заключении и обвинительном акте следует приводить не перечень источников доказательств (подразумевалась процессуальная форма сведений), а перечень самих доказательств, т. е. собственно сведения.

Современные редакции ст. 220 и 225 УПК не позволяют понять, что именно подразумевается под термином «перечень доказательств»: или сведения (ч. 1 ст. 74 УПК), или процессуальная форма сведений (ч. 2 ст. 74 УПК). Если речь идет о процессуальной форме сведений (поскольку законодатель требует указывать в обвинительном заключении и обвинительном акте еще и краткое содержание доказательств), то законодатель фактически именуется доказательствами указанную процессуальную форму, называя сведения лишь содержанием доказательств, очевидно, это противоречит тезису о единстве формы и содержания.

Следует отметить, что сущность показаний принципиально различается в предлагаемых определениях различных авторов. М. Л. Якуб, формулируя понятие показаний, делал акцент на процессуальной форме сведений о расследуемых событиях и действиях, сохранившихся в памяти людей, процессуальный источник, из которых следствие и суд устанавливают такие сведения². М. С. Строгович рассматривал показания как делаемые на допросе сообщения по существу дела, т. е. изложение фактов, рассказ об известных фактах и событиях³. В. А. Гладких, В. Я. Горжей под показаниями понимают устное сообщение лицом известных ему сведений по пово-

¹ См.: Григорьев В. Н., Победкин А. В. О методологии совершенствования доказательственного права // Государство и право. 2003. № 10. С. 58

² См.: Якуб М. Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 599.

³ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 414.

ду обстоятельств дела, сделанное на допросе и зафиксированное в установленном законом порядке (использование конструкции «устное изложение сведений» дает основание полагать, что имеется в виду процесс передачи сведений, а не сами сведения)¹. А. Макеев, М. Шалумов полагают, что это сведения, полученные в ходе допроса и облеченные в процессуальную форму². А. П. Рыжаков полагает, что «показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение и показания эксперта, заключения и показания специалиста... – это формы доказательств»³. Согласно мнению А. В. Победкина, показания – это сообщение лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанное в ходе допроса (очной ставки), зафиксированное в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых допрашиваемый сообщил в ходе допроса (очной ставки)⁴.

Б. Б. Булатов, П. В. Козловский придерживаются следующего определения: показания – это устные сведения, сообщенные при производстве следственных и других процессуальных действий, участвующими в уголовном судопроизводстве лицами в ходе досудебного производства или в суде⁵.

Причиной отсутствия четкости в определении доказательств, понимании их видов, процессуальной формы (а следовательно, и показаний) стала и законодательная техника в области доказательственного права современного законодателя. Исходя из формулировки закона показания – это сведения (ст. ст. 76, 77, 78, 79, 80 УПК). Однако доказательства также определяются законодателем через термин «сведения». Иначе говоря, законодатель определяет показания через содержание понятия доказательства. На основании этого можно было бы сделать вывод, что показания – это доказательства. Однако в данном случае возникает вопрос: можно ли считать показаниями собственно сведения, сообщенные в ходе допроса, очной ставки, однако не являющиеся доказательствами в силу неотности? Исходя из буквы закона, некоторыми авторами делается вывод о

¹ См.: Гладких В. К., Горжей В. Я. Новый УПК: больше вопросов, чем ответов // Рос. следователь. 2002. № 1. С. 18.

² См.: Макеев А. В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6; Шалумов М. Собираение и оценка доказательств по уголовному делу // Законность. 2005. № 3. С. 2.

³ См.: Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. 3-е изд. М., 2004. С. 217.

⁴ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М., 2005. С. 269.

⁵ См.: Булатов Б. Б., Козловский П. В. Совершенствование показаний как вида доказательств в уголовном процессе // Рос. следователь. 2012. № 9. С. 19-22.

том, что таких категорий, как показания, заключение и т. д. (ч. 2 ст. 74 УПК) просто не существует, если сведения о фактах, полученные и сохраненные в такой процессуальной форме, не являются относимыми¹.

Представляется, что такая позиция неоправданно смешивает относимость как фактическое свойство доказательств и допустимость как их правовое свойство. Процессуальная форма одинакова как для относимых, так и для неотносимых сведений. Следовательно, и то, и другое – показания (или другая, обозначенная в ч. 2 ст. 74 УПК, процессуальная форма).

Итак, в форме показаний могут существовать как относимые сведения (доказательства), так и сведения об обстоятельствах, не имеющих отношение к предмету доказывания. В последнем случае в форме показаний существуют сведения, не являющиеся доказательствами.

В этой связи в структуре понятия доказательств необходимо обозначить и соединить оба необходимых компонента, а именно: содержание и форму. Именно так и поступил Р. В. Костенко, предложив следующую формулировку ст. 74 УПК: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, содержащиеся в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, в заключении эксперта, в заключении специалиста, в предметах и вещах материального мира, в протоколах следственных и судебных действий, в иных документах, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»². Однако Р. В. Костенко не считает показаниями, равно как и другой процессуальной формой, обозначенной в ч. 2 ст. 74 – сведения, не пригодные для установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, например, вследствие неотносимости сведений³. Полагаем, что форма не в полной мере зависит от содержания, а определяется соблюдением процедуры получения сведений. В случае ее соблюдения показаниями (и др. категориями, обозначенными в ч. 2 ст. 74 УПК) следует считать и форму сведений, не являющихся доказательствами.

Решение вопроса о том, являются ли показаниями сведения об обстоятельствах, не имеющих значения для уголовного дела, однако полученные при безусловном соблюдении процессуальной формы, связано с проблемой предмета и содержания показаний.

Бесспорно, каждый вид показаний, определяемый особенностями процессуального положения допрашиваемого субъекта, характеризуется собственным предметом и содержанием. Однако интерес представляет

¹ См.: Костенко Р. В. Указ. соч. С. 20 и др.

² См.: Там же. С. 27-28.

³ Там же. С. 32.

рассмотрение предмета и содержания показаний как абстрактных процессуальных категорий¹. В противном случае определенные затруднения могут возникнуть с выявлением соотношения показаний, доказательств и сведений, сообщенных на допросе. Заметим, что выделять такие категории, как предмет и содержание, возможно лишь в случае, если показания рассматривать в качестве процессуальной формы как относимых, так и неотносимых сведений о фактах. В противном случае предмет и содержание показаний будут совпадать.

Предмет показаний составляют те обстоятельства, о которых допрашиваемый в рамках, определенных законодателем, может сообщить сведения о фактах. Исключение составляет ответ обвиняемого на вопрос о признании им своей вины. Поскольку закон (ч. 2 ст. 173 УПК) прямо предусматривает, что такой вопрос должен быть в обязательном порядке задан обвиняемому, следует считать, что ответ на этот вопрос входит в предмет показаний обвиняемого. «Предмет – это идеальная умозрительная конструкция, предположение того, о чем должен говорить допрашиваемый, по поводу чего следователь может задавать ему вопросы. Правильнее в данном случае речь вести о «предмете допроса». Этот термин более четко отражает сущность явления (т. е. то, о чем должен допрашиваться субъект, о чем ему должны задаваться вопросы следователем)»². Содержанием показаний могут быть любые сведения, сообщаемые на допросе³.

В ранее приведенном определении А. В. Победкина почву для дискуссий дает то, что автор определяет показания как сведения, в то же время называет показания «источником доказательств». Сведения не могут быть источником доказательств, даже если под таковыми термином понимать процессуальную форму, как это и делает А. В. Победкин⁴.

Понятие процессуальной формы – одно из самых остро дискуссионных понятий в науке уголовного процесса.

Существует мнение, что процессуальная форма – совокупность условий, установленных уголовно-процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности⁵.

¹ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 273.

² Там же. С. 274.

³ Там же.

⁴ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М., 2005. С. 204.

⁵ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 51.

Другие авторы трактуют процессуальную форму как регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные в целях достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников¹.

Имеют место и еще более широкие трактовки процессуальной формы, согласно которым процессуальная форма – регламентированные уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил, процедура и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом².

Таким образом, уголовно-процессуальная форма или определяется весьма близко к понятию уголовно-процессуального права (совокупность правил) либо как условия совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, либо как процедура, порядок действий. В некоторых определениях данные категории совмещаются.

Н. С. Алексеев, В. Г. Даев и Л. Д. Кокорев разграничивают понятие уголовного процесса как урегулированного правом порядка деятельности и понятие процессуальной формы как процедуры этой деятельности³.

Ряд авторов, признавая, что процессуальная форма является важнейшей процессуальной гарантией, и подчеркивая дискуссионность ее понятия, полагают, что практическая суть уголовно-процессуальной формы одна – необходимость строгого следования нормам уголовно-процессуального права, соблюдение всех процессуальных гарантий как единственно возможный путь решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством⁴.

В. Н. Протасов считает, что попытки познать сущность процессуальной формы непродуктивны, нет необходимости выходить за пределы ее простого определения, служащего для выражения общего назначения процесса⁵.

Представляется, что искать внутреннее содержание процессуальной формы – идея вряд ли продуктивная. Процессуальная форма – это внешнее

¹ Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. Вып. 29. С. 84.

² См.: Курс советского уголовного процесса: общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 121.

³ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 32.

⁴ См.: Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 60.

⁵ См.: Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 140 и далее.

выражение. Несомненно, любая форма неразрывно связана с содержанием и без него не существует. Отсюда содержанием, внешним выражением которого является уголовно-процессуальная форма, выступает уголовно-процессуальная деятельность. В. Г. Даев точно заметил, что если «содержанием уголовного процесса является сама деятельность по реализации уголовно-процессуальных отношений, то урегулированный законом порядок этой деятельности может быть назван процессуальной формой»¹.

Итак, совокупность установленных уголовно-процессуальных законом правил и требований, т. е. норм права – уголовно-процессуальное право; деятельность по их реализации – уголовно-процессуальная деятельность, внешним выражением которой является процессуальная форма – установленный уголовно-процессуальным законом порядок, процедура уголовно-процессуальной деятельности.

Представляется, что форма подразумевает внешнее выражение каких-либо явлений, процессов, движений, а не их условия и принципы. Следует согласиться, что условия совершения действий, принципы деятельности определяют процессуальную форму, но сами в ее содержание не входят². Однако следует иметь в виду, что принципы уголовного судопроизводства (глава 2 УПК) как идеи наибольшей степени общности предполагают конкретные правовые предписания, которые законодатель разместил в нормах, посвященных принципам уголовного судопроизводства. Порядок реализации таких предписаний (например, ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 11, ст. 18 УПК и др.) составляет процессуальную форму.

Как отмечалось выше, понятие «показаний» ряд авторов определяют через термин «сообщение», не уточняя, имеется ли в виду сам процесс передачи сведений или результат такой передачи – сведения. Между тем указанный термин можно рассматривать и как процесс передачи сведений, т.е. способ связи, и как результат такой передачи³. Отдельные авторы принципиально определяют показания как устную речь⁴.

Если определять показания как процессуальную форму сведений, а последнюю понимать как порядок процессуальной деятельности, то может быть сделан вывод о том, что показания – порядок, процедура получения сведений, а не результат использования такой процедуры. Вместе с тем очевидно, что для обоснования процессуальных решений используется не деятельность, а ее результат – сведения. В этой связи определение показа-

¹ См.: Даев В. Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом // Развитие и совершенствование процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 47.

² См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. С. 32.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 727.

⁴ См., например: Рыжаков А. П. Собираение (проверка) доказательств. Показания как средство доказывания: научно-практическое руководство. М.: Издательство «Экзамен», 2007. С. 98.

ний как процессуальной формы, т. е. как процедуры, порядка деятельности, внешнего выражения деятельности, не вполне корректно. Показания – не процессуальная форма сведений, а результат процессуальной формы получения сведений. В то же время это и не сами сведения, а их внешний облик, форма. В этой связи, упоминание в определении процессуальной формы только порядка, процедуры уголовно-процессуальной деятельности явно недостаточно, необходимо отразить и результат применения такой процедуры. Внешним выражением результата применения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры являются процессуальные акты. Кроме того, порядок производства в немалой степени определяется процессуальным статусом субъектов, участвующих в нем. В этой связи процессуальный статус участников судопроизводства, сообщающих сведения в процессуальной форме показаний, не может не учитываться при определении ее вида.

Поскольку существует необходимость определять через понятие процессуальной формы концептуальное понятие источников сведений, являющихся доказательствами, данное понятие в самом общем виде следует закрепить нормативно. С этой целью ст. 5 УПК предлагается дополнить п. 33¹ УПК следующего содержания: «процессуальная форма – установленный Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Кодексом, другими федеральными законами порядок производства процессуальных действий, принятия процессуальных решений, фиксации принятых решений, хода и результатов процессуальных действий, а также соответствующие процессуальные акты».

Данное определение станет логичным продолжением определения процессуального действия (п. 32 ст. 5 УПК), процессуального решения (п. 33 ст. 5 УПК), а сам термин «процессуальная форма» может быть использован для определения иных уголовно-процессуальных понятий.

Отсюда в ч. 2 ст. 74 УПК следует вместо: «в качестве доказательств допускаются» указать: «данные сведения могут существовать в процессуальной форме...» и далее перечислить виды процессуальной формы, в которую могут быть облечены сведения, являющиеся доказательствами.

Необходимо иметь в виду, что показания как процессуальная форма сведений, являющихся доказательствами, существует лишь в том случае, когда соблюдены все требования закона относительно получения данных сведений. Иначе говоря, употребление понятия «показания» дает основание полагать, что речь идет о допустимых сведениях (которые, однако, как указывалось выше, могут быть и неотносимыми).

Итак, показания должны характеризоваться особой процессуальной формой. Законодатель в определении показаний различных участников судопроизводства (ст. ст. 76-80 УПК) указывает на возможность их получения лишь в ходе такого следственного действия, как допрос. Несмотря на то, что цель очной ставки несколько отличается от цели допроса и пред-

ставляет собой выяснение причин существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц¹, эта цель может быть достигнута лишь после получения показаний от допрашиваемых в ходе очной ставки. Во-первых, очная ставка генетически производна от допроса. Во-вторых, определяя процессуальные правила производства очной ставки, законодатель использует понятия, характерные для получения показаний². Отсюда следует, что показания могут быть получены не только в ходе допроса, но и в ходе очной ставки.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о возможности получения показаний в ходе иных, кроме допроса и очной ставки, следственных действий.

По этой проблеме существует несколько основных точек зрения. Сущность первой заключается в возможности получения показаний исключительно в ходе допроса и очной ставки³. Другие авторы считают, что показания, кроме допроса и очной ставки, могут быть сформированы также и в ходе проверки показаний на месте и предъявления для опознания⁴. Третья позиция состоит в том, что показания могут быть получены в ходе любых процессуальных действий, если они позволяют получить вербальную информацию. Данный взгляд, проводится не вполне последовательно в работах Р. Д. Рахунова⁵, сегодня его активным проводником является В. Л. Будников, который полагает, что «нормативные определения показаний участников уголовного судопроизводства, предусматривающие возможность получения составляющих их сведений только в рамках одного следственного действия – допроса, сам же законодатель, по существу, не считает не подлежащими расширительному толкованию, коли допускает возможность представления вербальной информации и при производстве других следственных действий»⁶. А. А. Федоров также считает, что показания появляются в результате процессуальных действий, не относящихся к допросам, и закрепляются в материалах уголовного дела как элементы

¹ См.: Шейфер С. А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Государство право. 1995. № 10. С. 100.

² См. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 263.

³ См., например: Якуб М. Л. Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. С. 6-7; Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 263-265; Сидорова Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 6; Шалумов М. Собираение и оценка доказательств по уголовному делу // Законность. 2005. С. 2-3.

⁴ См., например: Новиков С. А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Рос. судья. 2002. № 6. С. 9.

⁵ См.: Рахунов Р. Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975. С. 13.

⁶ Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. С. 28.

различных протоколов следственных действий, протокола судебного заседания и иных протоколов¹.

Аргументы В. Л. Будникова сводятся к следующему. Во-первых, проверка показаний на месте и предъявление для опознания, хотя и носят «производный» по отношению к допросу характер, вполне аутентичны по процессуальной форме и фактическому содержанию, отсюда, показания могут быть получены и в ходе этих действий. «Полученная посредством дачи определенным человеком объяснения или его свободного рассказа информация – это, по существу, то же самое показание, только данное вторично, с учетом полученного ранее на допросе, а также в условиях максимального приближения к реальной обстановке наблюдавшегося ранее события, предмета или человека, по поводу которых получают фактические данные»². Во-вторых, аналогичный характер имеют сведения, полученные при производстве следственного эксперимента. Несмотря на то, что основная часть информации, в ходе этого действия является невербальной, часть информации, передается с помощью речевых сигналов, а потому это «с очевидностью свидетельствует о том, что сообщаемая участниками следственного эксперимента вербальная информация также должна признаваться показаниями»³. В-третьих, устное или письменное заявление о преступлении либо о явке с повинной также в большей степени соответствует показаниям, чем иным документам, в связи с чем необходимо п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК изложить в следующей редакции: «5) протоколы процессуальных действий»⁴. В-четвертых, «сведения о преступлении, получаемые сторонами обвинения и защиты с помощью опроса соответствующих лиц – носителей информации, ничем не отличаются по своей информационной природе от соответствующих фактических данных, получаемых во время допроса или иных следственных действий»⁵.

Законодатель, действительно, не исключает возможность получения вербальной информации в ходе иных процессуальных, в том числе и следственных действий. Однако это, на наш взгляд, не свидетельствует о возможности получения в ходе этих действий показаний, поскольку вербальная информация существует в различной процессуальной форме.

Относительно аргументов, приведенных В. Л. Будниковым, можно заметить, что все они сводятся к возможности получения в ходе различных процессуальных действий вербальной информации.

С. Б. Россинский при обсуждении этой проблемы придерживается позиции, согласно которой, «результатами предъявления для опознания и

¹ См.: Федоров А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 46.

² Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 34.

проверки показаний на месте следует одновременно расценивать и как показания, и как результаты невербальных следственных и судебных действий»¹.

Как отмечалось ранее, вид информационного сигнала не может являться единственным критерием решения вопроса о виде источника сведений о фактах. Решение этого вопроса не может существовать без учета процессуальной формы преобразования информационного сигнала. Она во взаимосвязи с используемым поисково-познавательным методом, физической природой информационного сигнала определяет вид источника доказательств. С этих позиций следует подходить к проблеме следственных действий, в ходе которых могут быть получены показания.

Вербальная информация может быть получена при производстве большинства процессуальных действий. Однако цель получения вербальной информации в качестве основного вида информации стоит при производстве допроса, очной ставки, назначении судебной экспертизы, предъявлении для опознания, запросе, требовании производства ревизий и документальных проверок, поручении на проведение специальных исследований, получении объяснений². При этом нельзя не учитывать, что получение устной вербальной информации, с одной стороны, и письменной вербальной информации с другой стороны, имеет существенные особенности в связи с различием физической природы информационного сигнала. Отсюда следует, что в качестве основной информации устная вербальная информация выступает лишь при производстве таких процессуальных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, получение объяснений. При этом следственными действиями, т. е. действиями, осуществляемыми в особой, относительно детальной процессуальной форме, являются лишь первые три. Итак, при производстве допроса, очной ставки, предъявлении для опознания основным поисково-познавательным методом является метод расспроса, получаемая информация – устная вербальная, процессуальная форма получения такой информации – относительно детально, обогащена рядом процессуальных гарантий и позволяет считать данные действия следственными. Изложенные характеристики (поисково-познавательный метод, природа информационного сигнала, процессуальная форма) дают основания рассматривать как аналогичный и результат таких действий – вид источника фактических данных, формируемый в ходе данных действий.

Не вполне ясна позиция С. И. Леонова, который считает, что показания могут быть сформированы лишь при отсутствии промежуточной познавательной деятельности между постановкой задачи в вербальной форме

¹ Будников С. Б. Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу: возможные варианты решения проблемы // Рос. следователь. 2013. № 17. С. 4-9.

² Там же. С. 53-54.

на воспроизведение информации и таким воспроизведением, на основании чего не относит к показаниям информацию, сообщенную опознающим в ходе предъявления для опознания¹. Полагаем, что предъявление для опознания – действие генетически производное от допроса². Действительно, опознающий, по сути, допрашивается по поводу результатов проведенного им отождествления. То обстоятельство, что он воспринял значимые обстоятельства (предъявленные для опознания объекты) и произвел действия по установлению тождества в рамках процессуального действия, а не вне уголовного процесса, не меняет приведенных выше характеристик полученной информации. Так, несмотря на то, что обладание информации о производстве процессуального действия участниками судопроизводства становится возможным в случае их участия в этих действиях, не исключается допрос этих лиц об обстоятельствах производства действия с целью решения вопроса о допустимости полученного доказательства³.

На основании изложенного полагаем возможным сделать вывод, согласно которому показания, как процессуальная форма сведений, могут быть получены при производстве допроса, очной ставки и предъявлении для опознания. В этой связи в текст УПК необходимо внести ряд изменений. Так, в ст. 76, ч. 1 ст. 77, ч. 1 ст. 78, ч. 1 ст. 79, ч. 2, 4 ст. 80 УПК следует указать, что показания – процессуальная форма сведений, полученных не только в ходе допроса, но и ходе очной ставки, а также предъявлении для опознания. В ст. 193 УПК ч. 7 изложить в следующей редакции: «Если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то опознающему предлагается дать показания о том, по каким приметам или особенностям он опознал данное лицо или предмет. Наводящие вопросы недопустимы». Предлагается следующая редакция ч. 9 ст. 193 УПК: «В протоколе указываются условия, результаты предъявления для опознания и по возможности дословно излагаются показания опознающего».

В результате реализации предложенной редакции закона станет понятным существующее в практической деятельности предупреждение опознающего свидетеля, потерпевшего об уголовной ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴.

Устные пояснения при производстве иных процессуальных действий должны рассматриваться как объяснения участников уголовного судопро-

¹ Там же. С. 123-125.

² См. об этом, например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 314; Советский уголовный процесс / под ред. И. Д. Перлова. М., 1962. С. 178 и далее.

³ См.: Лазарева В. А., Попов Д. В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 79-80.

⁴ В дальнейшем – УК.

изводства, право давать которые для потерпевшего и свидетеля УПК не предусмотрены. В этой связи следует согласиться с предложением закрепить такое право законодательно. Так, С. И. Ленов предлагает п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК изложить в следующей редакции: «давать показания и объяснения», п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК – «давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет»¹. С. А. Новиков считает необходимым расширить само понятие показаний за счет других следственных действий и предусмотреть в ч. 2 ст. 74 УПК РФ дополнительные сведения – объяснения². Полагаем, что показания в широком смысле также являются объяснениями, поэтому п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК следует изложить в следующей редакции: «давать показания и иные объяснения», п. 5 ч. 4 ст. 44 УПК – «давать показания, иные объяснения на родном языке», первое предложение п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК – «давать показания и иные объяснения по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи показаний», первое предложение п. 3 ч. 3 ст. 47 УПК – «возражать против обвинения, давать показания и иные объяснения по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний», п. 3 ч. 2 ст. 54 УПК – «давать показания и иные объяснения по существу предъявленного иска», п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК – «давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет».

Право давать объяснения для подозреваемого и обвиняемого вытекает соответственно из п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК, для гражданского истца и гражданского ответчика – соответственно из п. 3, 5 ч. 4 ст. 44, п. 3 ч. 2 ст. 54 УПК. Право потерпевшего и свидетеля давать объяснения законом не предусмотрено и не вытекает из содержания процессуальных норм. Однако устные сообщения потерпевшего и свидетеля при производстве проверки показаний на месте, следственного эксперимента, а также инициативные устные пояснения при производстве иных следственных действий (кроме допроса, очной ставки предъявления для опознания) должны именоваться объяснениями, право давать которые следует прямо сформулировать в ст. ст. 42 и 56 УПК. Так, п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК следует изложить в следующей редакции: «давать показания и объяснения», п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК – «давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет».

А. В. Победкин, определяя показания, считает необходимым разрешить вопрос о субъектах, которые могут быть подвергнуты допросу, очной ставке (на наш взгляд, также выступить в качестве опознающего при предъявлении для опознания). Хотя в определении показаний вполне достаточно в целом указать на «лиц, которые могут быть допрошены в ходе

¹ См.: Ленов С. И. Указ раб. С. 169.

² См.: Новиков С. А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Рос. юстиция. 2014. № 2. С. 41-44.

допроса, очной ставки, предъявлении для опознания», выявить содержание данного понятия необходимо.

В числе источников сведений о фактах законодатель указывает лишь на таких субъектов дачи показаний, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист (ч. 2 ст. 74 УПК). Вместе с тем п. 3 ч. 2 ст. 54 УПК предусматривает право дачи показаний для гражданского ответчика, а п. 5 ч. 4 ст. 44 УПК – для гражданского истца. При этом такое право сформулировано для указанных субъектов с использованием различной юридической техники. Гражданский истец, согласно п. 3 ч. 4 ст. 44 УПК, вправе давать объяснения по предъявленному иску», а в соответствии с п. 5 той же части – «давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет». Гражданский ответчик вправе «давать показания и объяснения по существу предъявленного иска (п. 3 ч. 2 ст. 54 УПК)».

Законодатель не указывает показания гражданского истца и показания гражданского ответчика в качестве самостоятельного вида доказательств, а также не закрепляет, посредством каких процессуальных действий они должны быть получены. В этой связи, если гражданский ответчик является одновременно и обвиняемым, то его показания согласно требованиям УПК необходимо расценивать только как показания обвиняемого. Если же гражданский ответчик – физическое лицо, не привлечённое в качестве обвиняемого (попечитель, родитель обвиняемого и т. д.), то он может быть допрошен по уголовному делу только в качестве свидетеля. Его показания в этом случае следует считать показаниями свидетеля.

Однако в юридической литературе сформулировано и иное мнение, выраженное Г. И. Загорским: «... ст.44 УПК фактически относит к доказательствам показания гражданского истца, в ст. 54 УПК – показания гражданского ответчика по существу заявленного в уголовном деле гражданского иска»¹. Таким образом, судя по всему, Г. И. Загорский выделяет помимо видов показаний, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК, два «дополнительных» вида показаний.

Сложившаяся позиция по отношению к показаниям гражданского истца в ситуациях, когда он является потерпевшим и совмещает по уголовному делу две эти функции, практически не вызывает сложностей с определением вида показаний. По действующим уголовно-процессуальным правилам гражданский истец, если таковым признано физическое лицо, допрашивается в качестве потерпевшего, т. к. в большинстве случаев фактически это один и тот же субъект. Однако полагаем, не исключается признание гражданским истцом лица, которое не является потерпевшим. Например, в случае заявления гражданского иска законным представите-

¹ См.: Федоров А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 52.

лем в интересах несовершеннолетнего гражданским истцом следует считать данного законного представителя. В качестве какого субъекта следует допрашивать такого гражданского истца и какой вид доказательства будет получен в результате?

В ходе изучения материалов уголовных дел автором выявлено 4 таких случая. Во всех случаях гражданский истец допрашивался в качестве свидетеля.

Если в качестве гражданского истца выступает юридическое лицо, последнее не может дать показания и не может быть допрошено. От его имени в уголовном процессе выступает представитель гражданского истца. Какова же видовая принадлежность его показаний¹?

Очевидно, правовое положение и процессуальные функции гражданского ответчика, гражданского истца, с одной стороны, и свидетеля с другой, абсолютно не совпадают. Поэтому допрос гражданского ответчика по правилам допроса свидетеля совершенно не отвечает интересам данного участника уголовного процесса. Допрос гражданских истцов, гражданских ответчиков и их представителей по уголовному делу в качестве свидетелей не отвечает их законным интересам. Для данных участников уголовного процесса дача показаний – право, направленное на обеспечение и защиту их законных интересов; действенное средство, используемое при доказывании своих требований или обосновании возражений².

Точка зрения о необходимости закрепления в законодательстве такого вида доказательств, как объяснения и показания гражданского истца и гражданского ответчика или их представителей, не раз высказывалась в научной литературе³. Существует мнение, что перечень источников доказательственной информации может быть расширен за счет *объяснений* (курсив – Е. Г.) участников уголовного процесса, к которым относятся гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители и представители, специалисты, а также дознаватели, следователи и прокуроры, вызываемые в суд для пояснения в связи с заявлениями иных участников процесса о нарушении их прав⁴. В. А. Лазарева и Д. В. Попов полагают, что отсутствие указания на эти виды доказательств в перечне видов доказательств приводит к истолкованию и использованию этих объяснений в качестве показаний, хотя по юридической природе они таковыми не являются⁵. «Для всех этих лиц дача объяснений должна рассматриваться

¹ Изучение материалов уголовных дел показало, что во всех таких случаях представитель юридического лица допрашивается в качестве потерпевшего.

² См.: Федоров А. А. Указ. соч. С. 61.

³ См.: Славогородских Т. А. Доказывание обстоятельств гражданского иска в российском уголовном судопроизводстве / под ред. проф. А. П. Гуськовой. Оренбург, 2003. С. 51- 67; Федоров А. А. Указ. соч. С.61.

⁴ См.: Лазарева В. А., Попов Д. В. Указ. соч. С. 136.

⁵ Там же.

как право, которое процедурой допроса и предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний искусственно превращено в обязанность. ...Допрос гражданского истца, гражданского ответчика, законного представителя в качестве свидетеля возможен только в том случае, если они располагают сведениями об обстоятельствах совершенного преступления»¹.

Полагаем, что в случае, когда гражданский истец, гражданский ответчик не являются соответственно потерпевшим, обвиняемым, они должны допрашиваться именно в качестве гражданского истца и гражданского ответчика. При этом гражданский истец должен нести уголовную ответственность как за отказ от дачи показаний, так и за дачу заведомо ложных показаний, поскольку его показания являются средством установления такого элемента предмета доказывания, как характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК). Гражданский ответчик как представитель стороны защиты не должен предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Результат допроса гражданского истца и гражданского ответчика – именно показания, а не объяснения, поскольку такой результат формируется а) в ходе использования метода расспроса как основного метода, б) посредством передачи устной вербальной информации, в) в особой процессуальной форме допроса.

Законный представитель несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании вправе давать показания (п. 2 ч. 1 ст. 428 УПК). Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) одновременно может иметь статус гражданского ответчика. В том случае, когда он имеет статус гражданского ответчика, допрос данного лица возможен только в этом статусе. Если законный представитель не является гражданским ответчиком, он должен допрашиваться в качестве свидетеля.

Представляется, что аналогично вопрос должен решаться и применительно к законному представителю потерпевшего. Когда он является гражданским истцом, его допрос возможен только в этом качестве. Если законный представитель одновременно гражданским истцом не является, он должен допрашиваться в случае необходимости в качестве свидетеля.

Следует внести изменения в ч. 2 ст. 74 и предусмотреть в ней самостоятельные пункты «показания гражданского истца» и «показания гражданского ответчика».

Кроме того, ч. 6 ст. 44 УПК необходимо дополнить указанием на возможную уголовную ответственность гражданского истца за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Естественно, что та-

¹ Там же.

кие изменения могут быть внесены в ч. 6 ст. 44 УПК лишь в случае соответствующих изменений в ст. 307 и 308 УК.

Необходимо предусмотреть самостоятельные статьи, посвященные понятию показаний гражданского истца и гражданского ответчика – ст. 79¹ и 79² УПК, изложив их в следующей редакции:

Статья 79¹. Показания гражданского истца.

1. Показания гражданского истца – процессуальная форма сведений, сообщенных на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания лицом, имеющим процессуальный статус гражданского истца.

2. Гражданский истец может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу, в том числе по поводу заявленного гражданского иска.

3. Гражданский истец, имеющий по данному уголовному делу статус потерпевшего, подлежит допросу в качестве потерпевшего.

4. Представитель гражданского истца, являющегося юридическим лицом, допрашивается в качестве гражданского истца.

Статья 79². Показания гражданского ответчика.

1. Показания гражданского ответчика – процессуальная форма сведений, сообщенных на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания лицом, имеющим процессуальный статус гражданского ответчика.

2. Гражданский ответчик может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу, в том числе по поводу заявленного гражданского иска.

3. В случае привлечения в качестве гражданского ответчика подозреваемого или обвиняемого данное лицо допрашивается соответственно в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Предлагаемая редакция ч. 3 ст. 79² УПК необходима в связи с тем, что действующая редакция ч. 1 ст. 54 УПК («в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несет ответственность за вред, причиненный преступлением») дает основание полагать, что обвиняемый и подозреваемый также могут привлекаться в качестве гражданского ответчика¹. Однако ни в одном изученном автором уголовном деле, обвиняемый (подозреваемый) в качестве гражданского ответчика не привлекались, даже являясь лицами, в соответствии с граж-

¹ Нормативное определение гражданского ответчика в УПК РСФСР 1960 г. предполагало, что обвиняемый и подозреваемый, несущие ответственность за вред, причиненный преступлением, гражданским ответчиком не признаются: «В качестве гражданских ответчиков могут быть привлечены родители, опекуны, попечители или другие лица, а также предприятия, учреждения и организации, которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, *причиненный преступными действиями обвиняемого* (курсив Е. Г.).»

данским законодательством, несущими ответственность за вред, причиненный преступлением.

В связи с тем, что в законе прямо не установлены правила возможного поведения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, возникает ряд проблем. Может ли данный участник судопроизводства давать показания? Если да, то в каком процессуальном статусе? Какова процедура формирования и какой вид доказательства формируется в данном случае?

Исходя из позиции законодателя, который в ст. 5 УПК участников уголовного судопроизводства определяет как лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве (п. 58), можно рассматривать в качестве участника и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В то же время в главах 7 и 51 УПК нет нормы, регламентирующей процессуальный статус указанного лица.

В. Ш. Гасанов, подвергнув анализу различные точки зрения о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера (А. И. Овчинниковой, полагающей, что если психическое состояние лица не устраняет возможности его участия в производстве по делу, то оно на предварительном следствии наделяется правами обвиняемого, а в суде правами подсудимого; А. А. Хомовского, отмечающего, что в подобных случаях «лицо, о котором рассматривается дело, наделялось правами подсудимого»¹; М. С. Строговича, отмечающего, что такое лицо вообще не может быть наделено процессуальными правами²), присоединяется к мнению И. А. Колмакова, согласно которому между лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и подозреваемым (обвиняемым) нельзя ставить знак равенства. С момента появления в качестве самостоятельного субъекта лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, из процесса автоматически «уходит» такой субъект, как подозреваемый или обвиняемый. Данное лицо следует рассматривать как самостоятельного участника процесса. Основанием для этого должно выступить постановление о признании субъекта лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Кроме того, В. Ш. Гасанов считает, что факт психического заболевания может быть установлен не только посредством судебно-психиатрической экспертизы, но и показаниями самого лица, показаниями

¹ См.: Гасанов В. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 63.

² См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 469.

свидетелей, различными медицинскими документами, которые возможно получить до вынесения заключения эксперта¹.

Несомненно, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, – участник судопроизводства, следовательно, имеет процессуальный статус. Конституционный Суд Российской Федерации² подчеркивает, что при обеспечении процессуальных гарантий лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, необходимо исходить не только из формального наделения их соответствующим процессуальным статусом, но и, прежде всего, из сущностных признаков, характеризующих их фактическое положение³.

По вопросу о возможности использования в доказывании показаний лица, в отношении которого поставлен вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, А. В. Победкин и В. А. Гавриков отмечают, что такие показания могут быть использованы в качестве источников доказательств, если лицо допрошено до наступления психического заболевания, требующего применения принудительных мер медицинского характера, а также в случае, когда лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, находится в состоянии ремиссии. При этом, если лицо заболело психическим заболеванием после совершения преступления, то оно не теряет статус обвиняемого и даже может его приобрести после заболевания путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, которое не объявляется лицу до выздоровления. Если же лицо совершило деяние в состоянии невменяемости, то постановление о привлечении в качестве обвиняемого не выносится, а вынесенное после установления факта психического расстройства, лишаящего возможности отдавать отчет своим действиям и руководить ими, утрачивает юридическую силу⁴.

Представляется верным дифференцировать процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в зависимости от того, совершило ли оно общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболело психическим заболеванием, делающим невозможным назначение наказания, после совершения преступления. В первом случае лицо

¹ См.: Гасанов В. Ш. Указ. соч. С. 64, 69.

² В дальнейшем – КС РФ.

³ См.: По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-п // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007, ст. 6030.

⁴ См.: Победкин А. В., Гавриков В. А. Допустимость показаний лица, страдающего психическим заболеванием, в уголовном процессе // Государство и право. 1999. С. 72-74.

утрачивает статус подозреваемого (который имело в любом случае в связи с осуществлявшимся уголовным преследованием) или обвиняемого (если выносилось постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Во втором случае лицо однозначно имеет, как минимум, процессуальный статус подозреваемого (в связи с начавшимся в отношении него уголовным преследованием, а может и процессуальный статус обвиняемого (если вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). В последнем случае, если это позволяет психическое состояние лица, оно допрашивается в качестве подозреваемого или обвиняемого. Если же лицо предположительно совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, допрос данного лица, даже, если его психическое состояние это позволяет, в качестве подозреваемого или обвиняемого невозможен.

Полагаем, данный пробел должен быть устранен. В этой связи в число видов процессуальной формы сведений о фактах (ч. 2 ст. 74 УПК) необходимо внести самостоятельный пункт следующего содержания: «показания лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости». Соответственно следует ввести в УПК статью 77¹:

Показания лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости.

1. Показания лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, – процессуальная форма сведений, сообщенных на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

2. Получение показаний лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, допускается лишь в случае, если это позволяет его психическое состояние.

Соответственно ч. 3 ст. 433 УПК необходимо дополнить вторым предложением следующего содержания: «Производство процессуальных действий с участием лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также реализация им лично предоставленных прав допускается лишь в случае, если это позволяет его психическое состояние».

Кроме того, мы полагаем, что близость процессуальной формы некоторых видов процессуальной формы сведений тем не менее не означает их идентичность, в связи с чем объединение некоторых из них в одном пункте ч. 2 ст. 74 УПК представляется нецелесообразным.

Отсюда ч. 2 ст. 74 УПК предлагается изложить в следующей редакции:

2. Данные сведения могут существовать в процессуальной форме:

- 1) показаний подозреваемого;
- 2) показаний обвиняемого;
- 3) показаний лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости;
- 4) показаний потерпевшего;
- 5) показаний гражданского истца;
- 6) показаний гражданского ответчика;
- 7) показаний свидетеля;
- 8) показаний эксперта;
- 9) показаний специалиста;
- 10) заключения эксперта;
- 11) заключения специалиста;
- 12) вещественных доказательств;
- 13) протоколов следственных и судебных действий;
- 14) иных документов.

На основании изложенного представляется возможным определить показания как процессуальную форму сообщения (сведений) лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанного в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых опрашиваемый сообщил в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

§ 2. Особенности формирования показаний подозреваемого и обвиняемого

Механизм воспроизведения участниками уголовного судопроизводства фактических данных на допросе имеет специфику, определяемую статусом и отношением лица к делу, наличием или отсутствием заинтересованности в исходе дела. Эти особенности обуславливают необходимость отнесения показаний подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего (частного обвинителя) и свидетеля, эксперта и специалиста к различным видам такого средства доказывания, как показания, а следовательно, и регламентацию этих видов в различных нормах уголовно-процессуального законодательства¹. В этой связи особую теоретическую и практическую зна-

¹ См.: Доля Е. А. Проект Общей части УПК Российской Федерации: юридический анализ // Государство и право. 1995. № 5. С. 83-92.

чимость приобретает сравнительный анализ проблем формирования показаний каждого участника уголовного судопроизводства, разграничение их предмета, содержания, процессуальных правил формирования.

Подозреваемый и обвиняемый являются ключевыми фигурами уголовного процесса. В отношении подозреваемого, а затем и обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве осуществляется уголовное преследование.

В теории уголовного процесса сложилось несколько подходов к понятию показаний обвиняемого.

Ранее было характерно довольно широкое их толкование. Так, по мнению И. Я. Фойницкого, показаниями обвиняемого являются «всякого рода заявления, исходящие от него и направленные к доказательству существования или несуществования тех или иных обстоятельств»¹. И. Я. Фойницкий отмечал, что показания обвиняемого, даваемые им перед органами суда, наиболее достоверны. Однако, по его мнению, «могут быть устанавливаемы на суде и такие показания, которые были сделаны подсудимым вне суда. С этой целью могут быть опрошены свидетели, слышавшие то или другое заявление подсудимого, касающееся данного дела, или даже сознание его в совершении данного преступного деяния, прочитываемы его письма и т. п.»².

Представляется, что, рассуждая о внесудебных заявлениях подсудимого, И. Я. Фойницкий ведет речь не о показаниях данного лица, а о доказательствах, устанавливающих исходящие от подсудимого сведения, свидетельствующие о его возможной причастности к совершению преступления. Такие доказательства могут быть и производными, например показания свидетелей, слышавших от подсудимого об этом. В определении, предложенном И. Я. Фойницким, и его комментариях к нему еще не делается акцент на процессуальной форме, однако подчеркивается одно важное обстоятельство, вытекающее из особенностей правового статуса обвиняемого и учитываемое, в том числе и действующим законодателем: особое значение показаний обвиняемого, данных им в судебном заседании.

Так, Н. С. Алексеев и В. З. Лукашевич отмечали, что «показаниями обвиняемого являются данные в установленном законом порядке объяснения лица, привлеченного к уголовной ответственности, относительно обстоятельств преступления, в котором оно обвиняется, и относительно участвующих в этом преступлении лиц. Нельзя рассматривать как показания ходатайства, заявленные обвиняемым вне допроса, даже если в самом заявлении обвиняемый сообщает следствию факты, имеющие значение для дела. В этом случае следователь лишь обязан дополнительно допросить обвиняемого. Обвиняемый вправе сам просить следователя дополни-

¹ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996 по 1910-му. Т. 2. С. 267.

² См.: Там же. С. 269, 270.

тельно допросить его. Если такой допрос может иметь значение для дела, то следователь обязан его произвести»¹. В таком подходе уже усматривается опора на процессуальную форму – объяснения, данные на допросе, однако показания определяются через «объяснения», т. е. через сообщения, что, как указывалось выше, ведет к смешению формы и содержания доказательств, а также не исключает понимание показаний как процесса передачи сведений, а не как его результата. Эту точку зрения в последние десятилетия в целом разделяло подавляющее большинство отечественных процессуалистов².

С принятием действующего УПК законодательное определение понятия показаний обвиняемого дано в ч. 1 ст. 77 УПК: «показания обвиняемого – сведения, сообщённые им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187-190 и 275 настоящего Кодекса».

В данном определении усматривается несколько слабых мест. Во-первых, процессуальная форма доказательств смешивается с содержанием, во-вторых, принципиально подчеркивается, что показания могут быть даны только в ходе допроса (даже статья 192 УПК, предусматривающая порядок производства очной ставки, не упоминается в числе норм, позволяющих получить показания обвиняемого); в-третьих, ст. 77 УПК, посвященная показаниям обвиняемого, не содержит указания на предмет показаний этого участника судопроизводства. Последнее обстоятельство представляется особенно важным применительно к показаниям обвиняемого и подозреваемого, поскольку особенности правового положения данных лиц неизбежно обуславливают особенности предмета показаний.

Поскольку показания могут быть получены не только в ходе допроса, это обстоятельство должно быть отражено в определении и, кроме того, указаны статьи УПК, в соответствии с которыми формируются показания.

В литературе концептуально верно предлагалось учитывать это обстоятельство при определении показаний обвиняемого: «под показаниями обвиняемого в новом уголовном процессе России следует понимать относящиеся к делу допустимые по форме и содержанию сведения, сообщённые обвиняемым на допросе, на очной ставке, при проверке показаний на месте и при предъявлении для опознания в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства»³. Однако мы придерживаемся

¹ См.: Алексеева Н. С., Лукашевич В. З. Советский уголовный процесс. Л., 1989. С. 153.

² См.: например: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 583; Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 106; Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М., 2003. С. 128.

³ См.: Кузнецова Ю. В., Тихонов А. К., Громов Н. А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе // Следователь. 2004. № 1. С. 12.

взгляда на показания как на процессуальную форму сведений, полученных в ходе допроса, очной ставки и предъявления для опознания.

Кроме того, следует учитывать, что показания обвиняемого могут быть сформированы не только в ходе предварительного расследования и в судебном разбирательстве. Допрос обвиняемого представляется возможным и в ходе предварительного слушания.

Несмотря на то, что ч. 8 ст. 234 УПК допускает в ходе предварительного слушания для решения вопроса о допустимости доказательств по ходатайству сторон допрос любых лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, лишь в качестве свидетелей, представляется, что нет оснований для лишения обвиняемого возможности дать показания о данных обстоятельствах в ходе предварительного слушания. В этой связи ч. 8 ст. 234 УПК может быть изложена в следующей редакции: «По ходатайству сторон в ходе предварительного слушания могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, первоначально разъяснивший, что при производстве в суде кассационной инстанции под непосредственным исследованием доказательств следует понимать исследование материалов, уже имеющих в уголовном деле¹, в последующем исключил данный пункт². Это дает основание полагать, что непосредственное исследование доказательств в суде кассационной инстанции осуществляется по правилам гл. 37 УПК.

В этой связи может быть предложена следующая редакция ч. 1 ст. 77

УПК: «Показания обвиняемого – процессуальная форма сведений, сообщенных им на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187-190, 192, 193, 275, 289 настоящего Кодекса».

Вопрос о предмете показаний обвиняемого также достаточно дискусионен.

УПК РСФСР 1960 г. предусматривал, что обвиняемый вправе дать показания по предъявленному ему обвинению, а равно по поводу иных из-

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1. П. 12 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2004. № 5.

² О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28. П. 28 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 3.

вестных ему обстоятельств по делу и имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 77 УПК РСФСР 1960 г.). Действующий УПК обходит этот вопрос.

А. В. Победкин полагает, что предмет показаний обвиняемого включает в себя сведения обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания¹, и, кроме того, отношение обвиняемого к предъявленному обвинению и к известным ему доказательствам². При этом содержанием показаний обвиняемого могут быть любые сведения, сообщаемые им на допросе³ (мы полагаем, что и на очной ставке и в ходе предъявления для опознания).

Общее правило заключается в том, что к предмету показаний (допроса) обвиняемого относятся лишь те обстоятельства, о которых обвиняемый может сообщить сведения о фактах, за исключением ответа обвиняемого на вопрос об отношении к предъявленному обвинению. Этот вопрос должен быть в обязательном порядке задан обвиняемому, т. е. входит в предмет его допроса, однако ответ на него доказательством не является, т. к. не содержит сведений о фактах⁴.

В литературе до настоящего времени продолжается дискуссия относительно необходимости постановки перед обвиняемым этого вопроса. Некоторые авторы по разным причинам считают необходимым отказаться от этого вопроса⁵. Другие ученые предлагали задавать такой вопрос как резюме допроса⁶. Есть мнение, что ставить данный вопрос следователь должен в начале допроса, а ответ на него фиксироваться по окончании допроса⁷.

Полагаем, что необходимо, действительно, отказаться от обязательной постановки перед обвиняемым данного вопроса, однако не по причине того, что ответ на него может противоречить содержанию дальнейших показаний (А. В. Победкин) и не потому, что постановка такого вопроса ведет к обвинительному уклону (А. Черкасов, Н. Громов) или оказывает завуалированное психологическое давление на обвиняемого, (Ю. В. Кузнецова, А. К. Тихонов, Н. А. Громов)⁸, ограничивая его право на дачу показаний

¹ См.: Рахунов Р. Д. Указ. соч. С. 65-68.

² См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 280.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Шаламов М. П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого // Сов. государство и право. 1956. № 8. С. 48; Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учебное пособие. Ижевск, 1993. С. 43; Черкасов А., Громов Н. О допросе обвиняемого с позиции презумпции невиновности // Государство и право. 1995. № 12. С. 70; Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. С. 281.

⁶ См. Рахунов Р. Д. Указ. соч. С. 99.

⁷ См. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса. М., 1970. С. 125.

⁸ См.: Кузнецова Ю. В., Тихонов А. К., Громов Н. А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе. С. 11.

или отказ от них, а в связи с тем, что его постановка не имеет отношения к предмету доказывания, ответ на него не рождает доказательства и на практике грозит опасностью подменить анализ сообщенным обвиняемым сведений о фактах ссылкой на его отношение к обвинению.

Так, из материалов уголовного дела № 191085 следует, что обвиняемый К. на допросе после предъявления ему обвинения заявил, что признает свою вину частично. Однако затем на том же допросе он показал, что все вменяемые ему в вину преступные деяния он в действительности не совершал и чувствует себя честным человеком. При этом в обвинительном заключении, перед изложением краткого содержания его показаний, приводятся сведения о признании обвиняемым своей вины в совершении преступления¹.

Это обстоятельство, однако, не исключает, что такой вопрос может быть задан обвиняемому при необходимости (например, для решения вопроса о степени его раскаяния), равно как и доведение обвиняемым своего отношения к обвинению по собственной инициативе.

В этой связи, в целом поддерживая предложение С. И. Леонова о необходимости предусмотреть в ст. 77 УПК предмет показаний обвиняемого, считает необходимым уточнить это предложение. Так, С. И. Леонов видит предмет показаний обвиняемого в следующей формулировке: «Обвиняемый может быть допрошен об отношении к предъявленному обвинению, по существу обвинения, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства по данному делу»². Полагает, что в законодательном определении предмета показаний обвиняемого следует разграничить обстоятельства, о которых вопросы обвиняемому должны задаваться обязательно (при его согласии дать показания) и обстоятельства, о которых он может быть допрошен. В этой связи предлагается следующая формулировка ч. 2 ст. 77 УПК: «При согласии обвиняемого дать показания, он допрашивается по существу предъявленного обвинения. Обвиняемый может быть допрошен и об иных обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу».

В ч. 3 ст. 77 УПК содержится формулировка, на первый взгляд, колеблющая представление о равной доказательственной ценности показаний обвиняемого, признающего свою вину, и иных видов источников сведений о фактах: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

В ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР содержалась несколько иная формулировка: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу

¹ См.: Уголовное дело № 191085 // Архив Орловского районного суда Орловской области.

² Леонов С. И. Указ. соч. С. 103-104.

обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу».

А. В. Победкин, на наш взгляд, обоснованно усматривает, что терминологическое различие («подтверждение признания совокупностью доказательств» в УПК 1960 г. и «подтверждение виновности совокупностью доказательств» в действующем УПК) может иметь существенное значение для определения роли в уголовно-процессуальном доказывании показаний обвиняемого, признающего свою вину. В первом случае речь идет как о подтверждении виновности системой доказательств вне зависимости от показаний обвиняемого, так и подтверждении отдельных элементов показаний обвиняемого, признающего вину. Во втором – лишь о подтверждении виновности самостоятельной системой доказательств («параллельное подтверждение»)¹. В этой связи формулировка ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР 1960 г. представляется А. В. Победкину более удачной.

Кроме того, недостаточно ясно, что законодатель имеет в виду под сочетанием «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения». «Буквальное толкование ч. 2 ст. 77 УПК позволяет считать признание обвиняемым своей вины основой обвинения и не соответствует смыслу, заложенному законодателем»². Действительно, законодатель, формулируя ч. 2 ст. 77 как УПК РСФСР 1960 г., так и действующего УПК, наверняка полагал, что показания обвиняемого, признающего свою вину, могут быть основанием обвинения вместе с иными доказательствами, а не сами по себе стать основой (т.е. главной опорой) обвинения.

Отсюда в ч. 2 ст. 77 УПК речь идет об основе обвинения не как о некоем главном элементе, а как о совокупности доказательств, дающей основание обвинять лицо в совершении преступления.

Также следует учитывать, что показания обвиняемого, признающего свою вину, могут быть положены в основу обвинения лишь как деятельность по дальнейшему уголовному преследованию, но не в качестве основы обвинительного тезиса, поскольку на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого показания обвиняемого еще не могут существовать. Возможно, законодатель имеет в виду признание обвиняемым своей вины, состоявшееся в качестве иного участника судопроизводства (например, в качестве подозреваемого). Однако тогда точнее было бы употреблять не наименование субъекта уголовного процесса, а вести речь о признании лицом своей виновности в совершении преступления.

Кроме того, в действующей редакции ч. 2 ст. 77 УПК вряд ли достаточно указание на признание вины. Представляется, что точнее вести речь о признании виновности. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК доказыванию подлежит именно виновность лица в совершении преступления. «Виновность»

¹ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 287.

² Там же.

как уголовно-процессуальный термин шире уголовно-правового термина «вина», поскольку связан не только с субъективным отношением к содеянному, но и с фактом наличия события преступления и фактом совершения деяния обвиняемым¹. По этой же причине С. И. Леонов вполне обоснованно не соглашается с предложением² изменить редакцию ч. 2 ст. 173 УПК и отразить в ней обязанность следователя в начале допроса выяснить у обвиняемого, признает ли он свою «вину» в совершении преступления, а не «виновность»³.

Исходя из изложенного, ч. 3 (ныне ч. 2) ст. 77 УПК может быть сформулирована в следующей редакции: «Признание лицом своей виновности в совершении преступления в ходе дачи показаний в качестве обвиняемого может быть использовано при решении вопроса о продолжении уголовного преследования данного лица и признании его виновным лишь в случае подтверждения признания совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Однако не означает ли действующая редакция ч. 2 ст. 77 УПК и предлагаемая редакция ч. 3 ст. 77 УПК, что признание обвиняемым своей вины менее ценное доказательство, чем иные⁴. Представляется, что норма, обозначенная в ч. 2 ст. 77 УПК, является частным случаем правила, закрепленного в ст. 17 УПК, и не дает оснований рассматривать признание вины обвиняемым в качестве наименее ценного доказательства. Назначение этой нормы лишь в том, чтобы предостеречь правоприменителя от придания преувеличенного значения показаниям обвиняемого, признающего свою вину⁵.

Кроме предмета показания обвиняемого отличаются от показаний иных участников судопроизводства особенностями процессуального статуса обвиняемого, связанными с дачей показаний и некоторыми процедурными правилами их формирования.

Обвиняемый не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Право обвиняемого отказаться от дачи показаний закреплено в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК. При согласии

¹ См.: Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. С. 71.

² См.: Андросенко Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8, 14.

³ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 98.

⁴ Такие подходы к показаниям обвиняемого, признающего свою вину, обозначались в литературе. См., например: Чельцов-Бebuтов М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 46.

⁵ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 288. Анализ особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не входит в предмет настоящего исследования. Вместе с тем, имеются серьезные основания сомневаться, что основание данных процедур согласуется с содержанием ч. 2 ст. 77 УПК.

обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК). Поскольку свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК, есть основание полагать, что обвиняемый (подозреваемый) обладают свидетельским иммунитетом. В. А. Лазарева и Д. В. Попов отмечают, что свидетельским иммунитетом могут обладать лишь свидетели, т. е. лица, которые при отсутствии такового иммунитета несли бы соответствующую обязанность давать показания. Право не свидетельствовать против самого себя – привилегия против самообвинения¹.

С учетом того, что понятие «свидетельский иммунитет» в отечественном уголовном процессе вызывает немало нареканий, отличается от тождественных терминов в зарубежных государствах, С. И. Леонов предлагает отказаться от его употребления в тексте УПК, вместо этого закрепить понятия: «свидетельская привилегия» – право лица, обязанного давать показания, не свидетельствовать против своего супруга, близких родственников; «привилегия против самообвинения» – право лица, обязанного давать показания, не давать показаний против себя; «привилегия обвиняемого и подозреваемого – право лица, обладающего статусом обвиняемого, подозреваемого отказаться от дачи показаний по уголовному делу, при производстве по которому лицо приобрело статус обвиняемого или подозреваемого»².

С таким предложением следует согласиться.

В литературе давно и активно обсуждается вопрос о возможности возложения на обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, обвиняющих в совершении преступления иных лиц, как за заведомо ложный донос.

В литературе высказаны разные точки зрения на такую возможность. Весьма распространена идея, согласно которой обвиняемый (подозреваемый) вправе давать заведомо ложные показания, в том числе и соединенные с обвинением иного лица в совершении преступления³. Обосновывается это право в основном тем, что обвиняемый (подозреваемый) имеют право на защиту, которое может быть реализовано, в том числе и путем дачи показаний любого содержания. Другие авторы убеждены, что вышеизложенный подход о недопустимости возложения ответственности на обвиняемого, сделавшего заведомо ложное заявление о причастности к преступлению другого лица, даже если такое заявление является средством

¹ См.: Лазарева В. А., Попов Д. В. Указ. соч. С. 62.

² См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 92-94.

³ См., например: Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 33-35.

собственной защиты от обвинения, противоречит Конституции РФ, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практике Европейского суда по правам человека. Аргументом этого взгляда является то, что такое осуществление права на защиту нарушает права других лиц (достоинство личности, право на личную неприкосновенность), поэтому обвиняемый должен нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос¹. Предлагается и вовсе предусмотреть ответственность обвиняемого за ложные показания в ходе предварительного следствия и в суде, поставить его перед дилеммой: или он молчит либо, если решил дать показания, то несет ответственность за их ложность. Такая идея основана на американском законодательстве, где допускается допрос обвиняемого по собственному делу в качестве свидетеля и возложение на него ответственности за неуважение к суду в случае дачи ложных показаний². А. В. Победкин предлагает дифференцированный подход, разделяя способы защиты от обвинения на материальный и процессуальный. Материальный способ защиты (действия, направленные на опровержение существования обвинения) предполагает возможность дачи обвиняемым (подозреваемым) ложных показаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в том числе сопряженных с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, если такие показания рассматриваются лицом, их дающим, как средство защиты от обвинения (подозрения). Процессуальный способ защиты (оспаривание законности действий должностных лиц по обоснованию обвинения или подозрения, например, заявление ходатайств о признании доказательств недопустимыми в связи с нарушением процессуальной формы при их получении) не предполагает возможности заведомо ложных показаний о процессуальных нарушениях, якобы допущенных должностными лицами, осуществляющими производство по делу. «Если содержанием таких показаний является заведомо ложное обвинение должностного лица в совершении преступления, то должен ставиться вопрос о привлечении обвиняемого (подозреваемого) к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, как в том случае, когда обвиняемый (подозреваемый) давал такие показания из мести или по иным мотивам, так и в случае, когда причиной заведомо ложного доноса явилось лишение обвинения его основания»³.

Последняя позиция во многом (однако, не в полной мере) совпадает с позиций Верховного Суда РСФСР, изложенной в Постановлении Президиума по конкретному делу. Суть ее в том, что в случае, когда обвиняемый дает заведомо ложные показания, касающиеся других лиц, заявляя, напри-

¹ См.: Алиев Т. Т., Громов Н. А., Макаров Л. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2002. С. 34.

² Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 1. С. 100.

³ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 278.

мер, что преступление совершил не он, и указывает на другое лицо как на преступника или принижает свою роль в совершении преступления за счет соучастников, его действия надлежит рассматривать как допустимый метод защиты. Однако если заявление обвиняемого, содержащее заведомо ложный донос, не было продиктовано соображениями защиты по поводу предъявленного обвинения и не имело отношения к установлению обстоятельств по расследуемому в отношении него делу (например, желание отомстить следователям путем заведомо ложного доноса о незаконных методах ведения следствия) субъектом заведомо ложного доноса может быть подозреваемый и обвиняемый¹.

Таким образом, надо полагать, согласно позиции высшего судебного органа общей юрисдикции в случае, когда обвиняемый (подозреваемый) заведомо ложно сообщает о факте совершения преступления должностным лицом, ведущим производство по делу, по соображениям защиты (например, с целью лишения обвинения основания), привлечение его к ответственности по ст. 306 УК невозможно.

О. Я. Баев, сомневаясь в корректности подхода Верховного Суда РСФСР, отмечает, что уголовный закон не содержит никаких исключений относительно ответственности обвиняемого (подозреваемого) за заведомо ложный донос полагает это справедливым, поскольку лицо, заведомо ложно оговариваемое в совершении преступления подозреваемым, обвиняемым неизбежно претерпевает многочисленные крайне негативные для себя последствия, в том числе ограничение его конституционных прав и свобод. Отсюда О. Я. Баев не признает допустимым средством защиты заведомо ложный донос подозреваемого или обвиняемого о совершении вменяемого ему в вину преступления иным лицом и предлагает дополнить УК нормой, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование². Мы склонны поддержать такой подход.

Однако вряд ли можно согласиться с далее высказанной мыслью О. Я. Баева, полагающего, что в связи с практической невозможностью выявления действительной причины заведомо ложного доноса, сделанного обвиняемым, подозреваемым, которой могут быть и недозволенные методы ведения следствия, в настоящее время любое заявление подозреваемого, обвиняемого о примененном к нему противоправном принуждении к даче показаний со стороны сотрудников органов уголовного преследования следует рассматривать как допустимое средство защиты, не влекущее уголовной ответственности³. Такая позиция перекликается с предложением использовать «нравственный» новеллу-принцип: «лучше оклеветать не-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 6.

² См.: Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве. М.: «Юрлитинформ», 2010. С. 151-152.

³ Там же. С. 152.

виновного, чем осудить невиновного», а отсутствие массовых обращений в суд оклеветанных работников правоохранительных органов свидетельствует о понимании последними допустимости таких средств защиты¹. А. В. Победкин, на наш взгляд, верно считает эти аргументы несостоятельными, отмечая, что отсутствие фактов массового обращения в суд оклеветанных должностных лиц свидетельствует не о понимании ими допустимости таких средств защиты, а рассмотрении их как неотъемлемых издержек профессии, что объясняется загруженностью по службе, не позволяющей включаться в длительную и затратную судебную процедуру по каждому факту ложного обвинения в незаконных методах ведения расследования².

Обвиняемый (подозреваемый) должен знать о возможной уголовной ответственности за заведомо ложный донос, учиненный в том числе и в момент дачи им показаний. В этой связи предлагаем дополнить п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК положением о том, что при согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренной ст. 306 УК (или иной статьей УК в случае реализации вышеизложенного предложения О. Я. Баева). Аналогичные дополнения следует внести в п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК применительно к подозреваемому³.

Гносеологически показания подозреваемого сходны с показаниями обвиняемого.

Подозреваемый, как и обвиняемый, – лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Отсюда и процессуальный статус данных участников уголовного судопроизводства во многом совпадает.

Однако подозреваемый – участник судопроизводства, который существует только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В этой связи нормативное определение его показаний (ч. 1 ст. 76) следует сформулировать следующим образом: «Показания подозреваемого – процессуальная форма сведений, сообщенных им на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания в ходе досудебного производства по уголовному делу в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 46, ст. 187-190, ч. 1 ст. 223¹ настоящего Кодекса».

В УПК отсутствует статья, регламентирующая порядок допроса подозреваемого. В литературе существуют предложения ввести такую статью в текст УПК. Так, С. И. Леонов считает, что в этой статье должны найти отражение те же гарантии, которые имеют место и при допросе обвиняемого, за исключением требования немедленного допроса подозреваемого после вручения ему копии документа, ставящего лицо в положение подо-

¹ Куссмауль Р. Указ. соч. С. 35.

² Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 279.

³ См.: Баев О. Я. Указ. соч. С. 146.

зреваемого, поскольку такое требование может ущемить право подозреваемого на защиту, в частности пользоваться помощью защитника¹.

Это предложение заслуживает поддержки с учетом необходимости исключить требование обязательной постановки перед подозреваемым вопроса о его отношении к возникшему подозрению по изложенным выше причинам.

В этой связи предлагается следующая формулировка ч. 2 ст. 76 УПК: «При согласии подозреваемого дать показания, он допрашивается по существу возникшего подозрения. Подозреваемый может быть допрошен и об иных обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу».

Опасность придания преувеличенного значения показаниям подозреваемого, признающего свою вину существует, как и применительно к аналогичным показаниям обвиняемого. Нивелировать такую опасность следует посредством введения в ст. 76 УПК части 3 следующего содержания: «Признание лицом своей виновности в совершении преступления в ходе дачи показаний в качестве подозреваемого может быть использовано при решении вопроса о продолжении уголовного преследования, привлечении данного лица в качестве обвиняемого и признании его виновным лишь в случае подтверждения признания совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Таким образом, показания обвиняемого и показания подозреваемого – самостоятельные виды процессуальной формы сведений, отличающиеся процессуальным статусом субъекта, дающего показания, предметом показаний и некоторыми особенностями порядка их получения.

§ 3. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля

Статус потерпевшего и свидетеля существенно отличается от процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого. Однако близость процессуального статуса свидетеля и потерпевшего, позволившая законодателю объединить два вида показаний в одном пункте, заключается в процессуальной обязанности давать показания и наличии уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В остальном процессуальный статус свидетеля и процессуальный статус потерпевшего принципиально различаются. Также различно законодатель определяет и предмет показаний потерпевшего и свидетеля.

На первый взгляд принципиально различается лишь общий процессуальный статус свидетеля и потерпевшего, а процессуальный статус этих

¹ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 99.

субъектов, связанный с формированием показаний в подавляющей части совпадает.

Действительно, различие в процессуальном статусе применительно к даче показаний заключается лишь в том, что свидетель обязан давать показания, в то время как потерпевший вправе давать показания. Это значит, что при выраженном желании потерпевшего быть допрошенным, отказать в таком ходатайстве нельзя.

Реализация права давать показания – одна из форм обеспечения государством доступа к правосудию (ст. 52 Конституции) и реализации общего назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК). В процессе допроса потерпевший может, не ограничиваясь сообщением известных ему сведений, заявить ходатайство, отвод, т.е. реализовать иные (помимо сообщения относимых сведений) представленные ему законом права, что отражается в протоколе допроса и является показаниями, хотя и не доказательствами.

Обобщение судебной практики выявило, что любые оглашенные в судебном заседании показания, полученные в ходе предварительного расследования, могут быть положены в основу обвинительного приговора вне зависимости от того, какие показания давал свидетель (потерпевший) в суде в присутствии подсудимого и что он отвечал на вопросы стороны защиты. Не влияет на использование оглашенных показаний и то, имел ли подсудимый реальную (а не иллюзорную) возможность лично допросить свидетеля (потерпевшего). Практика использования оглашенных показаний указывает на то, что в основу обвинения кладутся именно показания свидетелей (потерпевших), полученные в ходе предварительного расследования, как более правдивые, а показания свидетеля (потерпевшего) в суде, если они в пользу подсудимого, почти всегда признаются судом недостоверными или не учитываются. Суду дается ничем не ограниченное право выбора между показаниями, полученными следователем, дознавателем, и показаниями, полученными в суде¹.

В ч. 2 ст. 277 УПК содержится правило, согласно которому потерпевший с разрешения председательствующего может давать показания в любой момент судебного следствия. По мнению А. А. Петуховского и Н. Г. Шурухнова, данное положение должно распространяться и на предварительное расследование². Это так. Поэтому п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК целесообразно изложить в следующей редакции: «давать показания в любой мо-

¹ См.: Васяев А. А., Князькин С. А. Стандарты европейского суда по правам человека части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия в Российской судебной практике // Адвокат. 2013. № 7. С. 19-25.

² См.: Петуховский А. А., Шурухнов Н. Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий: учеб. пособие. М., 2002. С. 28.

мент производства по делу. Ходатайство потерпевшего о допросе подлежит обязательному удовлетворению».

Обозначенное очевидное различие в процессуальном статусе потерпевшего и свидетеля применительно к даче показаний, тем не менее не исключает влияния на процессуальную форму показаний этих участников судопроизводства и других различий в их правах и обязанностях.

Так, потерпевший в отличие от свидетеля вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК), представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК), участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК), знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК), получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК). Наличие этих прав у потерпевшего неизбежно влияет на предмет его показаний.

Различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля подчеркивает и законодатель. В предмет показаний потерпевшего законодатель включил сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым (ч. 2 ст. 78), а в предмет показаний свидетеля – любые относящиеся к уголовному делу обстоятельства, в том числе сведения о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч. 2 ст. 79 УПК).

На первый взгляд, в последнем случае содержание сведений может быть намного объемнее сведений, имеющих отношение лишь к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. Однако обстоятельства, подлежащие доказыванию, не ограничиваются только теми, которые указаны в ст. 73 УПК¹. Такими обстоятельствами могут быть как сведения, установление которых необходимо для доказывания промежуточных (доказательственных) фактов, так и сведения, необходимые для принятия различных процессуальных решений (о применении мер принуждения, производстве следственных действий и т. д.). В этой связи в ч. 1 ст. 73 УПК необходимо дополнительно предусмотреть п. 8¹ следующего содержания: «иные обстоятельства, необходимые для принятия процессуальных решений».

Р. В. Костенко верно указывает, что определение понятий «показания потерпевшего» и «показания свидетеля» предполагает совершенно

¹ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 122.

любые по содержанию сведения, сообщенные на допросе¹. С его точки зрения ст. ст. 78, 79 УПК также необходимо уточнить, указав, что сведения должны устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Мы солидарны с тем, что любые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, должны быть доказаны², поэтому если бы усматривалась необходимость унифицировать предмет показаний потерпевшего и свидетеля, то вполне достаточно было бы определить его через «обстоятельства, имеющие значение при производстве по уголовному делу» или «обстоятельства, подлежащие доказыванию», что представляет собой тождественные понятия.

Именно такой путь предлагает С. И. Леонов – предмет допроса³ потерпевшего и свидетеля должен быть унифицирован путем указания на то, что они могут быть допрошены о любых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства по данному делу, в том числе об их взаимоотношениях с иными участниками судопроизводства. Соответствующие изменения С. И. Леонов предлагает внести в ч. 2 ст. 78 и ч. 2 ст. 79 УПК⁴.

Полагаем, что вышеуказанное различие в процессуальном статусе неизбежно обуславливает различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля. Так, потерпевший, в отличие от свидетеля, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК). Конституционный Суд Российской Федерации истолковал данную норму как предполагающую обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку. Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию. Иное противоречило бы закрепленному в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации принципу со-

¹ См.: Костенко Р. В. Указ. соч. С. 34.

² См.: Победкин А. В. Указ. соч. С. 111.

³ Полагаем, предмет допроса и предмет показаний могут рассматриваться как тождественные понятия, т. е. обстоятельства, о которых могут быть заданы вопросы, с тем замечанием, что показания могут быть даны не только на допросе и очной ставке, но и в ходе предъявления для опознания.

⁴ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 104.

стязательности и равноправия сторон, на основе которого осуществляется судопроизводство, поскольку ограничивало бы возможности потерпевшего по отстаиванию своей позиции по уголовному делу и оспариванию решений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы¹.

Обязанность ознакомить потерпевшего с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого с учетом правил о процессуальной аналогии предполагает обязанность ознакомить потерпевшего и с процессуальным актом, ставящим лицо в положение подозреваемого (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании меры пресечения, протокол задержания, уведомление о подозрении в совершении преступления). В этой связи п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК необходимо изложить в следующей редакции: «знать о возникшем подозрении, предъявленном обвиняемому обвинении, получать копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также процессуальных актов, ставящих лицо в процессуальное положение подозреваемого».

Отсюда усматривается и возможность потерпевшего выразить свое отношение к факту привлечения в качестве обвиняемого, постановки лица в процессуальное положение подозреваемого, а также к содержанию соответствующих документов. Сведения о таком отношении – элемент предмета показаний потерпевшего, в отличие от предмета показаний свидетеля, который не имеет права на ознакомление с вышеуказанными обстоятельствами и документами.

Факт ознакомления потерпевшего с имеющимися в уголовном деле доказательствами в случае ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования либо участия с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя, позволяет допрашивающему поставить перед потерпевшим вопросы и об отношении к имеющимся в уголовном деле доказательствам.

Кроме того, несмотря на то, что ч. 2 ст. 198 УПК предоставляет право свидетелю и потерпевшему знакомиться с заключением эксперта лишь в случае, когда экспертиза производилась в отношении них, Конституционный Суд Российской Федерации сформировал правовую позицию, согласно которой правоприменительные органы, обеспечивая на досудебных стадиях уголовного судопроизводства права и законные интересы потерпевшего, при применении взаимосвязанных положений п. 11 ч. 2 ст. 42 и ч. 2 ст. 198 УПК должны предоставлять ему возможность знакомиться с

¹ По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 47, ст. 4940.

постановлениями о назначении судебных экспертиз независимо от их вида и с подготовленными на их основании экспертными заключениями¹.

Следует заметить, что и свидетель имеет право знакомиться с заключением эксперта, но только если экспертиза производилась в отношении свидетеля (ч. 2 ст. 198 УПК).

Таким образом, вопрос об имеющихся в деле доказательствах может быть поставлен и перед свидетелем, однако это исключение, так как свидетель знакомится только с заключением эксперта, касающимся самого свидетеля.

Таким образом, предмет показаний потерпевшего отличается от предмета показаний свидетеля. Отсюда представляется правильным сформулировать ч. 2 ст. 78 УПК следующим образом: «Потерпевший может быть допрошен относительно возникшего подозрения, предъявленного обвиняемому обвинения, имеющихся в уголовном деле доказательств, а также о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу».

Итак, хотя порядок производства следственных действий, влекущих формирование показаний свидетеля и потерпевшего един, процессуальная форма, являющаяся их результатом, различна. А. П. Рыжаков утверждает, что показания потерпевшего и свидетеля – это две самостоятельные разновидности доказательств, отличающиеся друг от друга правовым статусом субъектов, их дающих, а также обычным содержанием сведений, которыми таковой располагает и доводит до сведения компетентных органов². С первой частью утверждения (относительно различного процессуального статуса субъектов) следует согласиться. Что же касается содержания сведений, обычно доводимых до следователя, дознавателя и суда, то данное различие не имеет процессуального характера и не может учитываться в рамках нормативных определений. Однако если иметь в виду различие в круге вопросов, которые могут быть заданы потерпевшему и свидетелю, то такое различие, действительно, существует.

Понятие потерпевшего закреплено в ч. 1 ст. 42 УПК, где сказано, что «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедли-

¹ По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 ноября 2004 года № 430-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2005. № 2.

² См.: Рыжаков А. П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства. М., 1997. С. 73.

тельно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя судьи или определением суда».

Анализируя особенности показаний потерпевшего, отдельные авторы относят к их предмету выводы, объяснения по поводу обстоятельств дела и мнения о них¹. Вряд ли следует отрицать возможность делать выводы, давать какие-либо объяснения, не связанные с изложением фактов и для свидетеля, а равно и для любого допрашиваемого участника судопроизводства. Однако эти выводы и объяснения, являясь содержанием показаний, не представляют собой доказательств. В то же время чем полнее и предметнее будет допрошен свидетель или потерпевший, тем самым уменьшается вероятность заведомо ложных сведений указанных участников по различным мотивам и основаниям. Хотя в практическом аспекте установление истинной побудительной причины заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего бывает весьма сложно установить, судебносудебная практика свидетельствует о немалочисленности таких преступлений. Например, для заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего наиболее характерными являются два мотива: корыстный мотив (около 75 %) и мотив мести (около 25 %)².

Анализ уголовных дел показывает, что практически в 50 % случаев допроса свидетелей и более 85 % случаев допроса потерпевших в их показаниях содержатся сведения, не только отражающие обстоятельства, входящие в предмет показаний, но и оценочные высказывания, выводы и предположения. Едва ли не стандартным вопросом к потерпевшему стал вопрос о том, кого он подозревает в совершении преступления. Показания свидетеля, как и показания потерпевшего, в части предположений не могут иметь доказательственного значения, т. к. не представляют собой сведения о фактах, однако входят в содержание показаний. И. Я. Фойницкий указывал, что «свидетель, приглашаемый для показания о каком-либо конкретном обстоятельстве, не только вправе, но и обязан воздерживаться от суждений о нем и заявления своих мнений. Он призван к тому, чтобы дать суду конкретные указания, из которых право сделать вывод принадлежит не ему, а суду»³. Полагаем, то же относится и к потерпевшему.

В этой связи отдельного рассмотрения требуют положения ст. 75 УПК, определяющие недопустимые доказательства. В ч. 2 ст. 75 УПК указаны основания для признания доказательств недопустимыми. Одним из них является признание недопустимыми доказательствами показаний потерпевшего, свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе, а также показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК).

¹ См: Порубов Н. И. Допрос в уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 126-130.

² См.: Дубинин Л. Г. Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего // Рос. следователь. 2012. № 6. С. 40-41.

³ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 280.

Буквальный анализ п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК дает основание предположить, что в случае, если потерпевший не может указать источник своей осведомленности, то в отличие от показаний свидетеля, такие показания могут быть признаны допустимыми в качестве доказательств. Если потерпевший не может указать на источник осведомленности, то данные сведения не могут быть основаны ни на чем ином, как на догадке, предположении, слухе, а в этом случае согласно п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК недопустимыми должны признаваться как показания свидетеля, так и потерпевшего¹, поэтому в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК слова «а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности», следует исключить.

Итак, показания потерпевшего существенно отличаются от показаний свидетеля особенностями процессуального статуса потерпевшего и свидетеля, предмета показаний этих участников судопроизводства. Исходя из этого, показания потерпевшего и показания свидетеля как виды процессуальной формы сведений следует предусмотреть в разных пунктах ч. 2 ст. 74 УПК.

Свидетель определяется законодателем как лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК). Исходя из этой нормы, многие авторы делают вывод о том, что процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента получения повестки о вызове на допрос. Именно с этого момента у него появляется обязанность явиться и дать правдивые показания. Если же лицо явилось на допрос по собственной инициативе, то в случае принятия решения допросить явившегося, процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента разъяснения ему прав и обязанностей свидетеля². Существует мнение, что правоспособность свидетеля в случае явки его по собственной инициативе возникает с момента удостоверения личности³. Тот же автор полагает, что правоспособность свидетеля возникает также в момент, когда лицу стало известно о каких-либо обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления⁴.

Оба мнения С. А. Саушкина весьма оспоримы. В. А. Лазарева и Д. В. Попов справедливо замечают, что лицо, располагающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но не вызванное на

¹ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 164-165.

² См., например: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 297.

³ См.: Саушкин С. А. Актуальные вопросы теории и практик участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 46.

⁴ Там же.

допрос, не несет обязанности дать правдивые показания и потому свидетелем не является¹.

Момент удостоверения личности в случае явки лица для допроса по собственной инициативе также нельзя признать моментом наделения статусом свидетеля, ибо за этим необязательно следует решение допросить лицо.

В. А. Лазарева и Д. В. Попов полагают, что необходимо различать двух, не всегда совпадающих в одном лице, процессуальных субъектов: свидетеля и лицо, вызываемое в качестве свидетеля. Не всякое вызванное лицо является субъектом обязанности дать показания, хотя несет обязанность явиться и ответственность за неявку без уважительной причины².

Не считают уважаемые авторы свидетелем и лицо, юридически допрошенное в качестве свидетеля, однако не обладающего значимыми для уголовного дела сведениями³. Отсюда свидетель определяется как вызванное в установленном законом порядке физическое лицо, осведомленное об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, подлежащее допросу в качестве свидетеля и обязанное сообщить все известное об этих обстоятельствах. Очевидно, что такой подход позволяет решить вопрос о возможности считать лицо свидетелем лишь к моменту окончания его первого допроса⁴.

Представленные В. А. Лазаревой и Д. В. Поповым мнения, несомненно, интересны, однако не менее спорны. Неясно, в качестве кого допрашивается лицо на первом допросе, почему ему разъяснялись права и обязанности свидетеля. Кроме того, фактическое обладание значимой для производства по уголовному делу информацией может остаться невыясненным и к моменту окончания первого допроса, если допрошенный дал ложные показания. Признание правильным изложенного взгляда на свидетеля влечет за собой решение вопроса о возможности допроса в качестве свидетеля не должностным лицом, ведущим производство по делу, а вызванным на допрос, оценивающим, обладает ли он значимой информацией. Очевидно, что прояснить этот вопрос можно лишь в ходе допроса, когда лицу будут поставлены конкретные вопросы. При этом даже лицо, не обладающее значимой информацией, обязано правдиво об этом сообщить.

Таким образом, лицо, хотя фактически и не обладающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но вызванное на допрос в качестве свидетеля, является свидетелем. Конечно, вызов на допрос в качестве свидетеля, как и принятие любых иных процессуальных решений, возможен лишь при условии, что имеется достаточно доказательств,

¹ См.: Лазарева В. А., Попов Д. В. Указ. соч. С. 58.

² Там же.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 59-60.

дающих основание обоснованно предположить, что данному лицу может быть известно что-либо значимое для производства по уголовному делу.

Более сложен вопрос о возможности обладания процессуальным статусом свидетеля лицами, которые подлежат привлечению в качестве обвиняемого либо подозреваются в совершении преступления, понесшими вред от преступления, а также в отношении которых установлен запрет на их допрос в качестве свидетеля. Есть мнение, что такие лица свидетелями также не являются¹.

В случае наличия достаточных доказательств, дающих основание для придания лицу процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, вызов данного лица для допроса в качестве свидетеля является нарушением уголовно-процессуального закона. Если такие доказательства отсутствуют, то допрос в качестве свидетеля возможен, однако совершение допрашиваемым в качестве свидетеля преступления либо причинение ему преступлением вреда означает, что допрос в качестве свидетеля производится ошибочно. Такое лицо свидетелем не является и может реализовывать права, предоставленные ему законом для соответствующего участника судопроизводства. Л. М. Карнеева справедливо подчеркивала, что показания свидетеля – устное сообщение лица, не несущего ответственность за совершение данного преступления².

Также не является свидетелем лицо, в отношении которого установлен запрет на допрос в качестве свидетеля. Вызов такого лица для допроса в качестве свидетеля также является нарушением уголовно-процессуального закона.

Данный вопрос обострился в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации определения от 6 марта 2003 г. № 108-О³, где отмечено, что п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК, освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, вместе с тем, не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. В подобных случаях суды не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 56 УПК, при заявлении ими соответствующего ходатайства. Невозможность

¹ Там же. С. 59.

² См.: Карнеева Т. М. Показания свидетелей и потерпевших // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н. В. Жогин. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Юрид. лит., 1973. С. 567.

³ См.: По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 марта 2003 г. № 108-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 21, ст. 2060.

допроса указанных лиц при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьи прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные сведения, приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажало бы само существо данного права.

Судебная практика не приобрела единообразия при применении указанной правой позиции Конституционного Суда РФ. В частности, нередки случаи вызова адвоката на допрос и по ходатайству государственного обвинителя с аргументацией необходимости обеспечения равенства прав сторон в ходе судебного разбирательства¹.

Вместе с тем в указанном определении Конституционного Суда РФ речь идет о невозможности отказать в допросе лицам, перечисленным в ст. 56 УПК при заявлении ими соответствующего ходатайства. Представляется, ходатайства иных участников судопроизводства не могут стать достаточным основанием для вызова обозначенной категории лиц на допрос.

В литературе достаточно активно обсуждается понятие и содержание свидетельского иммунитета. Согласно п. 40 ст. 5 УПК свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК.

Прежде всего, законодатель подчеркивает, что свидетельский иммунитет связан с правом лица не давать показания. Свидетельский иммунитет может иметь только лицо, которое может быть свидетелем².

Свидетелем не может быть лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, подозреваемое в совершении преступления, а также лица, которых прямо запрещено допрашивать в качестве свидетеля.

Отсюда в литературе справедливо предлагается разграничивать понятия «свидетельского иммунитета» и «привилегии против самообвинения»³. Последнее понятие связано с правом лица не свидетельствовать против самого себя. Однако получение самоизобличающих показаний не должно иметь место в ходе допроса лица в качестве свидетеля.

С. И. Леонов отмечает, что российское понимание свидетельского иммунитета несколько отличается от аналогичного термина в других странах. Например, в англо-американском уголовном процессе свидетельский иммунитет означает предоставляемую государством возможность в случае дачи свидетельских показаний освобождения его от уголовного преследования на основании этих показаний. В связи с тем, что понятие «свидетельский иммунитет» в отечественном уголовном процессе вызывает немало нареканий, отличается от апробированных тождественных терминов в зарубежных государствах, С. И. Леонов предлагает вовсе отказаться от его употребления в тексте УПК ст. 5 п. 40, изложить в следующей редак-

¹ См.: Яшманов Б., Петелина М. Допрос адвоката // Рос. газ. 2008. 12 февр.

² См. об этом, например: Лазарева В. А., Попов Д. В. Указ. соч. С. 62.

³ Там же.

ции: «свидетельская привилегия» – право лица, обязанного давать показания, не свидетельствовать против своего супруга, близких родственников» и ввести п. 27¹: «привилегия против самообвинения» – право лица, обязанного давать показания, не давать показаний против себя» и п. 27² следующего содержания: «привилегия обвиняемого и подозреваемого – право лица, обладающего статусом обвиняемого, подозреваемого отказаться от дачи показаний по уголовному делу, при производстве по которому лицо приобрело статус обвиняемого или подозреваемого»¹.

Предложение С. И. Леонова представляется нам не лишенным логики. Однако, как отмечалось выше, лицо, которому могут быть заданы вопросы о его причастности к совершению преступления, не должно допрашиваться в качестве свидетеля. Допрос лиц в части таких показаний должен происходить в качестве подозреваемых или обвиняемых. В литературе высказаны обоснованные предложения предусмотреть в качестве самостоятельного основания приобретения статуса подозреваемого допрос лица о его причастности к совершению преступления². Поэтому вряд ли следует согласиться с необходимостью введения в ст. 5 УПК п. 27² «привилегия обвиняемого и подозреваемого» в предложенной С. И. Леоновым редакции. Вполне достаточно изложить п. 40 ст. 5 УПК в формулировке, предложенной С. И. Леоновым, и ввести п. 27¹ в следующей редакции: «привилегия против самообвинения» – право лица не давать показаний против себя».

Подозреваемый и обвиняемый, действительно, не только обладают правом не давать показаний, но и не несут ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Отсутствие такой ответственности, за исключением заведомо ложного доноса, должно быть отражено в статье, посвященной процессуальному статусу подозреваемого и обвиняемого (соответственно 46 и 47 УПК).

Таким образом, свидетеля можно определить как лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовному делу и которое вызвано для дачи показаний за исключением лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля. Данное определение полагаем целесообразным закрепить законодательно в ч. 1 ст. 56 УПК.

Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу. Законодатель конкретизирует эту общую посылку указанием на то, что свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч. 2 ст. 79 УПК).

¹ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 94-95.

² См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 248.

Очевидно, что допрос о личности обвиняемого, потерпевшего и взаимоотношениях с ними и другими свидетелями предполагает не голословное мнение свидетеля, а изложение им сведений об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого, потерпевшего и свидетельствующих о взаимоотношениях с ними и другими свидетелями.

М. С. Строгович писал по поводу предмета показаний свидетеля: «Характеристика личности обвиняемого и потерпевшего имеет большое значение для правильного расследования дела, ибо обеспечивает успешность допроса свидетеля, сосредоточение внимания допрашивающего и допрашиваемого лишь на тех обстоятельствах, которые относятся к делу».⁵⁵ А. П. Гуськова, рассматривая вопрос о значении показаний свидетеля при установлении обстоятельств, характеризующих обвиняемого, отмечает: «Разносторонние объективные сведения о личности подсудимого могут быть получены при допросе свидетелей...»¹. В связи с тем, что законодатель особое значение придает включению в предмет свидетельских показаний, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, в рамках исследования при анализе судебной практики удалось установить, что всего лишь 2,4 % из числа допрошенных свидетелей по уголовным делам давали показания, предметом которых были именно обстоятельства, характеризующие обвиняемого.

Сведения о взаимоотношениях с обвиняемым, потерпевшим и другими свидетелями, действительно, могут быть необходимы для оценки достоверности показаний.

Однако свидетель может быть допрошен и о других значимых для производства по уголовному делу обстоятельствах: об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, о влиянии на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, о наличии оснований для избрания меры пресечения, применения иных мер процессуального принуждения, производства следственных действий и т. д.

В процессуальной литературе остро обсуждается вопрос о возможности допроса в качестве свидетелей должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью выяснения обстоятельств производства процессуальных действий и решения вопроса о допустимости полученных доказательств.

Наиболее часто следователь приглашается в суд для дачи свидетельских показаний в тех случаях, когда подсудимый отказывается от данных на предварительном следствии признательных показаний, ссылаясь на примененные к нему незаконные методы воздействия или на иные причины, например, на то, что допрашивался в отсутствие адвоката. При этом судебная практика исходит из положений ч. 8 ст. 234 УПК РФ о том, что

¹ См.: Гуськова А. П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе. Оренбург: Оренбургская сельхозакадемия, 1995. С. 90.

«по ходатайства стороны в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов», и ч. 1 ст. 271 УПК РФ, согласно которой в подготовительной части судебного заседания «председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей», которые могут быть им удовлетворены. На этих положениях в принципе и основывается практика вызова допроса следователя в суде в качестве свидетеля¹.

Законодатель допускает в ходе предварительного слушания допрос в качестве свидетелей любых лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов (ч. 8 ст. 234 УПК).

Полагаем, что допрос данных лиц в качестве свидетелей не всегда правомерен в случаях, когда имеются сведения о преступных нарушениях, допущенных должностным лицом, производящим процессуальное действие. В таких ситуациях должностное лицо фактически является заподозренным в правонарушении, а иногда и в преступлении. В. В. Золотых вполне обоснованно отмечает, что в случае, когда участники следственного действия заявляют о преступных нарушениях со стороны должностных лиц, производивших процессуальное действие, проверка законности их действий должна осуществляться в рамках проверки сообщения о преступлении².

Полагаем, в этом случае допрос в качестве свидетеля должностного лица ограничивает его право на защиту. Субъект, производивший следственное действие, может быть допрошен лишь в качестве подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу, в случае, если оно будет возбуждено.

В случае возникновения сомнений в законности действий должностного лица не в результате сообщения о совершении им преступления, проверка законности его действий судом может сопровождаться допросом данного лица в качестве свидетеля, который, однако, может воспользоваться положением ст. 51 Конституции РФ и не свидетельствовать против самого себя. Несмотря на то, что в данном случае выясняется не вопрос о причастности должностного лица, производившего процессуальное действие, к преступлению, сообщение им о допущенных им нарушениях должно рассматриваться как свидетельствование против самого себя.

В тех ситуациях, когда сомнение в допустимости полученного доказательства не связано с возможной незаконностью действий субъекта, про-

¹ См.: Смолькова И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Рос. судья. 2013. № 6. С. 11-14.

² См.: Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. С. 258-259.

изводившего процессуальное действие, он может быть допрошен в качестве свидетеля.

Допрос данных лиц в качестве свидетелей служит основанием для отвода от исполнения иных процессуальных функций.

Исходя из изложенного, вряд ли целесообразно нормативно конкретизировать общее положение о том, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу. Однако, как отмечалось выше, допрос лица о его причастности к совершению преступления в качестве свидетеля невозможен.

Также, на наш взгляд, не должен производиться допрос в качестве свидетеля лица об обстоятельствах, основанных исключительно на его специальных знаниях¹.

Поэтому ч. 2 ст. 79 УПК полагаем целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Свидетель может быть допрошен о любых, относящихся к уголовному делу обстоятельствах, за исключением его причастности к совершению преступления и обстоятельствах, основанных на специальных знаниях».

Таким образом, показания свидетеля и потерпевшего различаются по процессуальной форме: процессуальному статусу субъектов, их дающих, и предмету показаний.

§ 4. Особенности формирования показаний эксперта и специалиста

Эксперт и специалист – участники уголовного судопроизводства, специальные знания которых, будучи выраженными вербально, облакаются в процессуальную форму и используются в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Без задействования в процессе производства по уголовному делу специальных знаний указанных лиц эффективное достижение назначения уголовного судопроизводства невозможно.

Подчеркнем, что употребление терминов «эксперт» и «специалист» предполагает лишь процессуальную форму задействования специальных знаний. Непроцессуальная форма консультаций не связана с деятельностью эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства. Поэтому, на наш взгляд, не вполне правильно утверждать, что достижение целей и задач уголовного судопроизводства в силу специфики процесса доказывания как особой познавательной и удостоверительной деятельности, осуществляемой в рамках закона, практически невозможно без консультативно-справочной, вспомогательно-сопроводительной и соб-

¹ Аргументацию этого тезиса см. в § 3 гл. 2.

ственно процессуальной деятельности эксперта и специалиста¹. Специфика процесса доказывания предполагает именно и только процессуальную деятельность эксперта и специалиста.

Законодатель предусмотрел четыре возможных вида процессуальной формы сведений, являющихся доказательствами, связанных с использованием при их формировании специальных знаний: 1) заключение эксперта; 2) показания эксперта; 3) заключение специалиста; 4) показания специалиста.

В настоящее время существенное значение имеет строгое разграничение функций специалиста и эксперта. До принятия действующего уголовно-процессуального закона такое разграничение было достаточно очевидно. Эксперт уполномочен на производство экспертиз, специалист участвует в отдельных следственных действиях с целью оказания содействия должностному лицу, его производящему.

Как устная, так и письменная вербальная форма участия специалиста в производстве по уголовному делу в УПК РСФСР 1960 г. не предусматривалась. Однако потребность в устных вербальных сообщениях специалистов существовала. Она выразилась и в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 сентября 1975 г. в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел». В нем говорится: «Специалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки. Мнение специалиста обязательно отражается в протоколе судебного заседания. Заключение эксперта является в соответствии с законом одним из видов доказательств и дается на основании проведенных исследований. Эксперту могут быть поставлены вопросы, входящие в компетенцию специалиста, постановка перед специалистом вопросов, относящихся к компетенции эксперта, недопустима, его мнение не может быть приравнено к компетенции эксперта»². В приведенном разъяснении Пленума Верховного Суда России мнение специалиста, не имеющее доказательственного значения, противопоставлено заключению эксперта, служащего самостоятельным видом доказательств³. Такое разъяснение Пленума Верховного Суда России дано в период действия УПК РСФСР 1960 года, когда единственной

¹ См.: Гришина Е. П., Саушкин С. А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Рос. следователь. 2005. № 8. С. 16.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Рос. Федерации. М., 1994. С. 199.

³ См.: Зажицкий В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Рос. юстиция. 2007. № 9. С. 56.

процессуальной формой участия специалиста в уголовном процессе было лишь привлечение его к производству ряда процессуальных действий для оказания содействия в собирании доказательств. Однако и в это время приведенное разъяснение вызывало некоторые сомнения: какое процессуальное значение имеет вербально выраженное мнение специалиста, даже отраженное в протоколе судебного заседания, если законодатель не предусматривал соответствующего вида доказательств. Известно, что при необходимости достижения процессуального результата при получении от специалиста вербальной информации использовался его допрос в качестве свидетеля.

Действующий уголовно-процессуальный закон принципиально иначе подошел к разъяснениям, даваемым специалистом.

Согласно закону специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК).

Указанная в законодательном определении компетенция специалиста может быть реализована им в трех процессуальных формах: 1) участие в процессуальных действиях, производимых следователем, дознавателем, судом; 2) показания специалиста; 3) заключение специалиста.

Несмотря на то, что в законе в качестве доказательств прямо указаны заключение и показания специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК), позиции некоторых ученых и по сей день связаны с критическим восприятием данного факта. Так, например, Б. Т. Безлепкин полагает, что «отнесение заключения и показаний специалиста к самостоятельной разновидности доказательств пока не имеет научного обоснования»¹. В. И. Зажицкий также не увидел в заключении и показаниях специалиста «ни правовых, ни фактических предпосылок для того, чтобы заключение и показания считать средствами доказывания»².

Актуальным является вопрос и о соотношении показаний специалиста и показаний свидетеля. Показания лица, обладающего специальными знаниями, в процессуальной литературе нередко называют показаниями «сведущего свидетеля». Однако понимание этого термина разнится.

Одни авторы понимают под «сведущим свидетелем» лицо, которое воспринимало обстоятельство, значимое для производства по уголовному делу, однако в силу обладания специальными знаниями способное дать о нем больший объем информации, чем лицо, которое такими знаниями не

¹ См.: Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебник. М., 2004. С. 205.

² См.: Зажицкий В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 74.

обладает. Так, А. В. Константинов отмечает, что специалиста, дающего показания на допросе, нельзя смешивать с так называемым сведущим свидетелем, который был известен уголовному процессу по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 г., потому что сведущий свидетель – лицо, наблюдавшее событие или его отдельные обстоятельства и факты, воспринимавшее их под углом зрения своих знаний, опыта, т. е. в аспекте своего профессионализма¹. Специалист же дает показания об обстоятельствах, свидетелем которых он не был, но о которых обладает сведениями в силу своих специальных знаний. И. Б. Воробьева не связывает определение «сведущий» с существительным «свидетель» и пишет: «Сведущее лицо представляет интерес для следствия лишь постольку, поскольку специальные знания, которыми оно обладает, могут быть использованы при расследовании. Оно не является ни очевидцем преступления, ни лицом, которому что-либо известно о нем из каких-либо источников. Указанные обстоятельства и обуславливают существенные различия в предметах допроса сведущего лица и свидетеля. Поэтому рассматривать сведущее лицо в качестве свидетеля было бы неверно. Отличие сведущего лица от свидетеля состоит и в том, что им не может быть лицо, заинтересованное в деле»². Здесь «сведущее лицо» – синоним «специалиста».

В. Н. Махов считает, что указанных сведущих лиц необходимо отличать от сведущих свидетелей. Это – свидетели события преступления, других обстоятельств, имеющих отношение к делу, показания которых приобретают особую значимость, поскольку восприятие указанных обстоятельств происходит на основе их профессиональных знаний. Так, водитель-профессионал автомашины может в своих свидетельских показаниях обратить внимание на такие аспекты автодорожного происшествия, которые «безразличны» обычному свидетелю. Полезны для следствия и суда показания врача, лечившего человека, по поводу «загадочной» смерти которого возбуждено уголовное дело. Указанные сведущие свидетели незаменимы; к ним не может быть предъявлено требование о незаинтересованности в исходе дела. Этим они отличаются от сведущих лиц, которые допрашиваются в форме использования специальных знаний³.

¹ См.: Константинов А. В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 44.

² См.: Воробьева И. Б. Допрос лиц, обладающих специальными знаниями // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной практики: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 69.

³ См.: Махов В. Н. Становление заключения и показаний специалиста как доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. следователь. 2013. № 9. С. 6-9.

Некоторые авторы возражают против придания категории лиц, которые дают показания на основе специальных знаний, а не восприятия кого-либо, факта статуса свидетеля, хотя бы и «сведущего»¹.

Ю. К. Орлов отличие сведущих свидетелей от остальных усматривает в том, что в показаниях сведущих свидетелей доказательственное значение имеют также его выводы, умозаключения, сделанные на основе специальных познаний, т. е. предмет показаний сведущих свидетелей составляют мнения, суждения, выводы, диагнозы, и тем не менее выделяет две разновидности сведущих свидетелей: 1) бывших очевидцами какого-то расследуемого события; 2) дающих показания только на основе своих специальных познаний и предыдущего опыта (показания справочного характера)². Относительно первой категории Ю. К. Орлов отмечает, что обстоятельства, подмеченные сведущим свидетелем, обычно нуждаются в интерпретации с позиций соответствующих специальных познаний. Поэтому в таких показаниях важны не только «голые» факты, но и их истолкование специалистом³. Второй вид показаний «сведущих свидетелей» – показания, которые даются исключительно на основе специальных знаний или предыдущего опыта. Оформлять такие сведения Ю. К. Орлов считает верным не справками или заключениями специалиста, а посредством производства их допросов, так как в последнем случае максимально обеспечиваются гарантии достоверности полученной информации⁴. В этой связи Ю. К. Орлов, а затем и другие авторы выступили с предложением закрепить в законодательстве эту категорию свидетелей⁵.

А. В. Победкин, на наш взгляд, вполне резонно замечает, что предмет показаний специалиста не могут составлять предположения, мнения, умозаключения. Специалист сообщает о фактах, которые составляют предмет его специальных знаний, например, разъясняет особенности какого-либо технологического процесса, закономерности существования явления и т.д. Эти сведения – не мнения, предположения специалиста. Это результат знания специалистом каких-либо фактов⁶.

Отсюда следует, что по гносеологическим характеристикам показания специалиста являются показаниями свидетеля, «сведущего свидетеля». Однако в связи с определенными особенностями предмета его показаний, на наш взгляд, допустимо и выделение особой категории показаний – по-

¹ См.: Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Использование специальных познаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 74.

² См.: Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Юристъ, 1995. С. 25.

³ Там же. С. 5 и др.

⁴ Там же. С. 25-26.

⁵ Там же; Калинин Ю. А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 15-17.

⁶ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 346.

казаний специалиста. В целом можно согласиться с А. А. Давлетовым, отмечающим, что показания свидетеля и специалиста различаются различным характером приобретенного знания¹.

Однако в таком случае в определении предмета показаний свидетеля необходимо отметить, что их предметом не могут быть обстоятельства, основанные на специальных знаниях. Кроме того, предмет показаний свидетеля не ограничивается обстоятельствами, основанными на специальных знаниях.

Показания специалиста – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 80 УПК).

Исходя из приведенной нормы предмет показаний специалиста двуэлементен: 1) сведения об обстоятельствах, требующих специальных познаний; 2) разъяснение своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК.

В литературе отмечается некоторое несовершенство данной нормы. Во-первых, указание в ч. 4 ст. 80 УПК на статьи 53, 168 и 271 УПК не позволяют четко понять, о каком ранее высказанном мнении идет речь. С. И. Леонов полагает, что это может быть мнение, высказанное в заключении при производстве иного процессуального действия с участием специалиста². Во-вторых, может быть сделан ошибочный вывод о том, что показания в форме разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями указанных статей в отличие от сведений, сообщенных на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, может происходить не только в ходе допроса, но и в ходе иных процессуальных действий.

В подавляющем большинстве случаев сведения относительно обоих элементов предмета показаний специалиста могут быть получены посредством допроса. Не исключается получение показаний специалиста посредством очной ставки. С. И. Леонов в целом справедливо замечает, что участниками очной ставки могут быть любые субъекты, подлежащие допросу, в том числе эксперт и специалист, если существенные противоречия возникли по одинаковым обстоятельствам (очная ставка между двумя экспертами, давшими противоречивые показания относительно обстоятельств, относящихся к предмету комиссионно проведенной экспертизы)³.

Полагаем, специалист может быть допрошен относительно мнения, высказанного другим специалистом в заключении или при производстве иного процессуального действия. Если показания допрошенного специалиста существенно отличаются от показаний по этим же обстоятельствам

¹ См.: Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 16.

² См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 101.

³ Там же. С. 115.

специалиста, давшего заключение или участвовавшего в процессуальных действиях, очная ставка может быть произведена и между ними.

Таким образом, производство очной ставки возможно 1) между специалистами, давшими противоречивые показания относительно обстоятельств, требующих специальных познаний; 2) между специалистами, давшими противоречивые показания относительно мнения, выраженного одним из них в заключении или в ходе иных процессуальных действий.

Следует отметить, что в результате изучения материалов уголовных дел, в рамках данного исследования, не выявлено ни одного случая проведения очной ставки с участием специалиста.

Формирование показаний специалиста посредством предъявления для опознания исключается.

И. Овсянников уверен, что показания специалиста – это сведения, которые должны сообщаться им на допросе, проведенном только после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения заключения. Показания лица, допрошенного в качестве специалиста, сами по себе (без его заключения) недопустимы в качестве доказательств. Аргументируется это тем, что законодатель, устанавливая в УПК необходимость учета мнения сведущего лица по тому или иному вопросу, неизменно указывает, что это мнение должно быть выражено в форме именно заключения (ч. 4 ст. 187, п. 4 ч. 1 ст. 208, ч. ч. 1, 5 ст. 445, ч. 1 ст. 446 УПК). При отсутствии заключения специалиста следователю можно рекомендовать для установления обстоятельств, требующих специальных познаний, не допрашивать специалиста, а назначать судебную экспертизу¹.

Однако для получения сведений консультационного характера об обстоятельствах, требующих специальных познаний, вовсе нет необходимости назначать судебную экспертизу. Достаточно произвести допрос специалиста.

Иные считают, что такое ограничение предмета допроса не следует из содержания п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК. А. И. Бельский приводит удачный пример допроса специалиста без предварительной дачи им заключения. В ходе бытовой семейной ссоры гр. Ю. при падении на пол на правый бок от удара гр. А. получил телесные повреждения. При производстве судебно-медицинской экспертизы эксперт указал, что у гр. Ю. имеются переломы ребер справа и слева, что получение перелома ребер слева невозможно при падении на правый бок. Дополнительно допрошенный потерпевший Ю. показал, что около 3 лет назад он получил перелом ребра слева в результате несчастного случая (поскользнулся на улице в зимнее время года). Допрошенный в качестве специалиста врач-рентгенолог Б., осмотрев рентгеновский снимок грудной клетки потерпевшего Ю., показал, что перелом

¹ См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 35.

ребра слева является сросшимся, момент образования данного перелома соответствует трехлетней давности¹.

В литературе высказана точка зрения о том, что сведения консультационного характера могут быть получены как посредством получения показаний специалиста, так и путем получения его заключения, которое может как сопровождаться исследованиями, так и быть проведенным без таковых. При этом при получении показаний специалиста консультационного характера и заключения специалиста того же рода разница заключается в том, что получение показаний специалиста, в отличие от его заключения, исключительная прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу, т. е. если заключение специалиста не может быть инициировано судом, то показания специалиста, напротив, могут быть сформированы в ходе допроса специалиста судом². Полагаем, что к содержанию заключения специалиста и его соотношениями с показаниями консультационного характера можно подойти с иных позиций. Вряд ли законодатель замыслил возможность получения одной и той же информации дублирующими друг друга способами. Если консультация вполне может быть получена посредством показаний специалиста, для чего предусматривать возможность получения такой же информации посредством заключения специалиста. Тем более, что получение показаний – процесс управляемый непосредственно при получении вербальной информации, т. е. позволяет получить более полную и точную информацию³. Отсюда следует, на наш взгляд, логичный вывод, что заключение специалиста предполагает проведение именно исследований. Кроме того, заключение специалиста, очевидно, предусмотрено в качестве вида процессуальной формы доказательств для обеспечения равных возможностей в части использования специальных знаний стороной обвинения и защиты. Отсюда, если заключение специалиста не предполагает исследований, теряется смысл данной законодательной новеллы.

Вместе с тем это правило, как представляется, распространяется только на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Иные участники уголовного судопроизводства, представляющие стороны, не имеют возможности получить консультации посредством допроса специалиста. Отсюда – они могут воспользоваться консультацией специалиста посредством формирования «иногo документа».

Изучение материалов уголовных дел, показало, что результаты специальных исследований, проведенных специалистом по инициативе должностных лиц, ведущих уголовный процесс, неизменно именуется справ-

¹ См.: Бельский А. И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 124.

² См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 343.

³ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 13.

ками специалиста, в то время как результаты исследований, проведенных по инициативе защитника, равно как и письменно оформленные по его инициативе сведения консультационного характера (выявлено 6 таких случаев) именуется заключением специалиста.

Для обеспечения полной состязательности в литературе предлагается прямо указать в УПК, что заключение и показания специалиста могут быть получены стороной защиты, обвинения, судом в порядке, установленном законом¹. Однако если стороне защиты предоставить право на производство допроса специалиста, логично предоставить право на производство и иных следственных действий. Такие предложения имеют право на существование, однако, полагаем, не в рамках действующей системы уголовного судопроизводства.

Таким образом, показания специалиста консультационного характера могут быть получены в том случае, когда от специалиста не требуется проведения исследований.

Существует мнение, что имеется возможность получить показания специалиста и без составления им заключения, «если специальные познания специалиста позволяют ему ответить на вопросы следователя или суда путем осмотра или ознакомления с предметами и документами»².

Полагаем, что допрос лица в качестве специалиста возможен при необходимости получить от него показания об обстоятельствах, связанных с дачей заключения или выражением своего мнения, если они имеют значение для уголовного дела. Например, может возникнуть необходимость допроса специалиста о фактах воздействия на него с целью получить определенное заключение. Допрос специалиста в качестве свидетеля повлечет его отвод, что может поставить решение вопроса об отводе специалиста в зависимость от действий определенных лиц. Таким образом, в ч. 4 ст. 80 необходимо предусмотреть, что специалист может быть допрошен об обстоятельствах, требующих специальных познаний либо с целью разъяснения мнения, ранее высказанного специалистом в заключении или при производстве иных процессуальных действий, а также об иных обстоятельствах, связанных с выраженным специалистом мнением, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

Ученые справедливо отмечают, что процесс формирования показаний на стадиях уголовного процесса недоработан. В разделе УПК, регламентирующем производство предварительного следствия, не упоминается такое следственное действие, как допрос специалиста. В соответствии со ст. ст. 58, 164, 168 УПК специалист вовлекается в уголовное судопроиз-

¹ См.: Ушаков Ю. А. Указ. соч. С. 98.

² См.: Зайцева С. А. Специалист и его заключение в уголовном процессе // Следователь. 2004. № 2. С. 18.

водство именно для участия в производстве следственных действий, а не для получения показаний, как в примере со свидетелем (ч. 1 ст. 56 УПК)¹.

Некоторые авторы даже полагают, что показания специалиста не обладают свойством допустимости вследствие отсутствия детально регламентированной процедуры их процессуального оформления².

А. Давлетов справедливо считает, что использование компетенции специалиста по двум направлениям: постановке вопросов эксперту, а также разъяснению сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста, не может осуществляться в форме предусмотренного ст. ст. 168, 164 УПК участия в следственном действии. Поскольку здесь специалист выступает в роли источника информации, необходим допрос специалиста, на производство которого в стадии предварительного расследования дозволения нет, а в судебном разбирательстве дается лишь в частной норме (ст. 271 УПК) без закрепления порядка его проведения в гл. 37 УПК, что равнозначно отсутствию разрешения на его проведение. Поэтому допрос специалиста есть самостоятельное следственное действие, подлежащее безотлагательному внесению в УПК РФ³.

Есть мнение, согласно которому привлечение специалиста для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, реализуются только в ходе судебного разбирательства⁴. Е. В. Селина полагает, что для предварительного расследования устной формы общения со сведущим лицом, дающим справку, не предусмотрено, поскольку предварительное расследование не является ни устным, ни непосредственным. Отсюда и результат привлечения специалиста на предварительном расследовании должен оформляться справкой. При этом Е. В. Селина предлагает предусмотреть в УПК возможность допроса специалиста в ходе предварительного расследования, поскольку это действие широко распространено на практике, хотя его результаты сейчас не имеют уголовно-процессуального значения⁵.

А. В. Победкин подходит к этой проблеме несколько иначе, полагая, что УПК и ныне позволяет производить в ходе предварительного расследования допрос специалиста, несмотря на то, что прямое указание на возможность допроса специалиста предусмотрено лишь в главе о подготовительной части судебного разбирательства; регламентирующие порядок до-

¹ См. об этом: Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 47.

² См.: Зажицкий В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Рос. юстиция. 2007. № 9. С. 58.

³ Там же. С. 16.

⁴ См.: Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 48; Зажицкий В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права. С. 58.

⁵ См.: Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 104.

проса положения гл. 26 УПК не могут рассматриваться как относящиеся исключительно к допросу свидетеля и потерпевшего. А. В. Победкин отмечает, что прямое указание на свидетеля и потерпевшего касается только порядка их вызова на допрос, в иных нормах речь идет о «допрашиваемом лице» или «лице, вызываемом на допрос», которым может быть и специалист. При этом А. В. Победкин также не исключает необходимость совершенствования закона в части прямого указания на возможность допроса специалиста¹.

Вместе с тем, даже если возможность допроса специалиста и вытекает из содержания положений гл. 26, ч. 1 ст. 58, п. 3¹ ст. 74 УПК, процесс толкования этих положений закона весьма сложен и небесспорен. В самом деле, если в ст. 188 УПК речь идет о свидетеле и потерпевшем, то почему не упоминается специалист. Сложно объяснить и отсутствие нормы, регламентирующей допрос специалиста в гл. 37 УПК, тогда как нормы, посвященные допросу подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта в данной главе имеются.

С. И. Леонов предлагает ввести в УПК статью «Допрос специалиста», которую изложить в следующей редакции:

«Следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству участников уголовного судопроизводства допросить специалиста об обстоятельствах, требующих специальных познаний либо с целью разъяснения мнения, ранее высказанного специалистом в заключении или при производстве иных процессуальных действий.

Место, продолжительность, порядок вызова на допрос, производства допроса и составления протокола определяется статьями 187-190 настоящего Кодекса»².

В целом с этим предложением можно согласиться. Однако в ч. 1 предлагаемой статьи следует уточнить, что речь идет о разъяснении мнения, ранее высказанного специалистом в *его* (курсив – Е. Г.) заключении или при *его* (курсив – Е. Г.) участии в процессуальных действиях. В случае комментария мнения, высказанного иным специалистом, имеют место показания об обстоятельствах, требующих специальных познаний.

Также необходимо ввести в гл. 37 УПК «Судебное следствие» соответствующую статью «Допрос специалиста» следующего содержания:

«По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса специалиста.

Специалист может быть допрошен об обстоятельствах, требующих специальных познаний либо с целью разъяснения мнения, ранее высказанного специалистом в заключении или при производстве иных процессуальных действий, а также об иных обстоятельствах, связанных с выражен-

¹ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 344.

² См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 103-104.

ным специалистом мнением, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

После дачи специалистом показаний ему могут быть заданы вопросы сторонами и судом. При этом первой вопросы задает сторона, по инициативе которой специалист был вызван для допроса. В случае допроса специалиста по инициативе суда вопросы специалисту задает суд, затем возможность задать вопросы предоставляется соответственно стороне обвинения и стороне защиты.

При необходимости суд вправе предоставить специалисту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы сторон и суда».

В ходе проведенного исследования более 95 % опрошенных следователей и дознавателей высказались за необходимость предусмотреть в УПК норму, регламентирующую допрос специалиста.

Посредством получения показаний специалиста могут быть реализованы такие направления его процессуальной деятельности, как содействие в постановке вопросов эксперту, а также разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК).

Содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов реализуется в ходе его участия в процессуальных действиях по собиранию доказательств¹. Содействие в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела – неясное направление деятельности специалиста. Речь, во-первых, идет о содействии в применении технических средств не для фиксации сведений (что было бы понятно), а для исследования материалов уголовного дела, во-вторых, законодатель указывает на содействие, а не на самостоятельное применение технических средств (что было бы возможно при проведении специального исследования)².

Таким образом, данное направление деятельности специалиста не может привести ни к формированию показаний специалиста, ни к формированию его заключения. Вероятно, оно просто неудачно сформулировано и следует вести речь или о применении технических средств фиксации, или о проведении исследований, в том числе и некоторых материалов уголовного дела.

В литературе, на наш взгляд, вполне обоснованно предлагается предусмотреть уголовную ответственность эксперта и специалиста не только за дачу заведомо ложных показаний (как это имеет место ныне), но и за отказ от дачи показаний³. В связи с этим предложением находится и

¹ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 242.

² См.: Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2002. С. 63.

³ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 103.

необходимость прямо предусмотреть в ч. 4 ст. 58 УПК, что специалист не вправе отказаться от дачи показаний.

Итак, показания специалиста и показания свидетеля могут рассматриваться как самостоятельные виды процессуальной формы доказательств и в связи с различным процессуальным статусом участников судопроизводства – свидетеля и специалиста (ст. ст. 56 и 58 УПК), и в связи с особенностями предмета показаний специалиста. Отсюда указание на эти виды процессуальной формы сведений следует сделать в разных пунктах ч. 2 ст. 74 УПК.

Эксперт – это лицо, также обладающее специальными знаниями, но назначенное в порядке, установленном УПК, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК).

Показания эксперта и показания специалиста как виды процессуальной формы сведений отличаются по процессуальному статусу субъектов, дающих показания, и их предмету. Предмет показаний эксперта и специалиста определяется особенностями их процессуального статуса. Процессуальный порядок получения показаний эксперта и специалиста совпадает.

Предмет показаний эксперта определен законодателем достаточно конкретно – «сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения им заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 80 УПК).

Особенности допроса эксперта в ходе предварительного расследования определены ст. 205 УПК, особенности допроса того же субъекта в стадии судебного разбирательства – ст. 282 УПК.

В широком смысле допрашиваемый эксперт является свидетелем, т. е. дает показания относительно обстоятельств, значимых при производстве по уголовному делу. Однако выше отмечалось, что обстоятельства, требующие специальных знаний, составляют относительно самостоятельный элемент предмета показаний свидетеля, в связи с чем условно можно рассматривать показания эксперта как самостоятельный вид процессуальной формы доказательств. Кроме того, эксперт, в отличие от свидетеля, не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, т.е. процессуальный порядок получения показаний эксперта имеет некоторые особенности, обусловленные процессуальным статусом эксперта. Мы согласны с предложением установить уголовную ответственность эксперта за отказ от дачи показаний¹. Действительно, коль скоро эксперт согласился дать заключение, он стал участником уголовного судопроизводства, дальнейшее его поведение определяется как поведение субъекта уголовного процесса. Необходимость разъяснения данного заключения может существенно влиять на производство по уголовному делу, в связи с чем законодатель

¹ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 103.

резонно установил ответственность эксперта за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК). Таким образом, установление уголовной ответственности эксперта за отказ от дачи показаний выглядело бы вполне логично. Соответственно в ч. 4 ст. 59 УПК следует предусмотреть, что эксперт не вправе отказаться от дачи показаний.

Законодатель несколько некорректно определяет предмет показаний эксперта. Так, в ч. 1 ст. 205 УПК указывается, что следователь вправе допросить эксперта для разъяснения данного им заключения, тогда как в ст. 282 УПК установлено, что эксперт может быть допрошен для разъяснения или дополнения данного им заключения. При этом обе названные нормы являются специальными по отношению к ч. 2 ст. 80 УПК, которая определяет предмет показаний специалиста как разъяснение или уточнение данного заключения.

Очевидно, что дополнить заключение можно только путем производства экспертизы и дачи нового заключения. Представляется, что и уточнение заключения предполагает дачу другого заключения. Посредством получения показаний эксперта можно лишь разъяснить данное этим же экспертом заключение. Отсюда следует внести коррективы в ч. 2 ст. 80, ч.1 ст. 282 УПК, ограничившись указанием на возможность допроса специалиста исключительно для разъяснения данного им заключения.

Допрос должен быть направлен на разъяснение терминологии, отдельных формулировок, уточнение компетенции эксперта, уяснение метода исследования, объяснение расхождений между объемом поставленных вопросов и выводами эксперта и другими имеющимися в деле доказательствами, на выявление причины различных выводов экспертов, если исследование проводилось комиссионно¹.

УПК (ч. 2 ст. 205) запрещает допрос эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы. Представляется, законодатель проводит некую аналогию между экспертом и лицами, указанными в ч. 3 ст. 56 УПК, допрос которых запрещен с целью обеспечения неразглашения охраняемой законом тайны. Конечно, в некоторых ситуациях при допросе эксперта может быть затронута охраняемая законом тайна (например, врачебная), однако если эти сведения касаются предмета экспертизы, эксперт может быть допрошен о таких обстоятельствах. В ситуации необходимости допроса эксперта об обстоятельствах, не входящих в предмет судебной экспертизы, например о фактах угроз, подкупа, обращения к эксперту с целью склонить его к даче определенного заключения, он может и должен быть допрошен, однако не в качестве эксперта, а в качестве свидетеля. Однако в таком случае он подлежит отводу

¹ См.: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике / под ред. А. Р. Ратинова. Минск: Вышэйшая школа, 1968. С. 220.

(п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК). Это не исключает возможности умышленного совершения недобросовестными лицами действий, влекущих допрос эксперта в качестве свидетеля, с целью устранения его от участия в деле. Полагаем, что нет объективных препятствий, кроме законодательного запрета, к допросу эксперта именно в качестве эксперта об обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если они имеют отношение к делу. Известно, что предыдущее участие эксперта при производстве по уголовному делу в качестве эксперта не является основанием для его отвода.

Таким образом, в ч. 1 ст. 80, ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 282 УПК необходимо предусмотреть, что эксперт может быть допрошен не только для разъяснения данного им заключения, но и об иных обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если они имеют значение для производства по уголовному делу. Последнее предложение ч.1 ст. 205 УПК следует исключить.

Законодатель нечетко урегулировал особенности получения показаний эксперта в судебном заседании. Так, согласно ч. 1 ст. 282 УПК по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования. Однако судебная экспертиза может быть назначена и судом, причем по инициативе последнего (ст. 283 УПК).

Кроме того, ч. 2 ст. 282 УПК предусматривает, что после оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы сторонами, при этом первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза. Учитывая ч. 1 ст. 282 УПК, речь идет об экспертизе, назначенной в ходе предварительного расследования. Однако экспертиза всегда назначается должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу. Ходатайство иных лиц о ее назначении не предопределяет круг вопросов, т.е. пределы предмета экспертизы. Означает ли это, что сторона защиты первой задает вопросы эксперту в случае, если экспертиза назначена по ее ходатайству? Какие участники судопроизводства первыми задают вопросы эксперту в ситуации назначения экспертизы по инициативе суда, законодатель умалчивает.

С учетом изложенных проблем ст. 282 УПК «Допрос эксперта» предлагается сформулировать в следующей редакции:

1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства, для разъяснения данного им заключения или иных обстоятельств, связанных с производством экспертизы, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

2. После оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы. В случае назначения экспертизы по ходатайству стороны защиты участники процесса, представляющие данную сторону, задают вопросы

первыми. Затем вопросы задает сторона обвинения. После чего вопросы могут быть заданы судом. В случае назначения экспертизы по инициативе следователя, дознавателя первой вопросы задает сторона обвинения. В случае назначения экспертизы по инициативе суда первым вопросы задает суд, затем сторона обвинения и защиты.

3. При необходимости суд вправе предоставить эксперту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон.

Исходя из того, что показания эксперта отличаются от показаний свидетеля, специалиста по процессуальному статусу, лица, их дающего, предмету и некоторым правилам получения, в ч. 2 ст. 74 УПК на показания эксперта следует указать в отдельном пункте.

Глава 2. Соотношение показаний и иных видов доказательств

§ 1. Соотношение показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве

Правильное определение соотношения показаний и других видов процессуальной формы доказательств необходимо не только для того, чтобы придать полученным сведениям о фактах надлежащую процессуальную форму, но и с целью обеспечения эффективности действий на таком этапе проверки доказательств как сопоставление доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле.

Рассмотрение проблем соотношения показаний и иных видов процессуальной формы доказательств начнем с вопроса о соотношении показаний с иными документами. Этот вопрос актуален по ряду причин. Во-первых, в научный оборот вошла точка зрения о том, что в качестве показаний следует рассматривать любые виды вербальной информации, полученной в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, спорен вопрос о содержании «иных документов», в частности, могут ли относиться к ним документы, содержащие вербальную информацию, сообщенную участниками судопроизводства в ходе процессуальных действий. В-третьих, до настоящего времени нормативного разрешения не получил вопрос о том, к какому виду доказательств относить приложения к протоколам следственных действий, в том числе и к протоколу допроса, полученные в результате применения технических средств фиксации хода и результатов следственных действий.

Как обосновывалось выше¹, показания – процессуальная форма сообщения (сведений) лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанного в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых опрашиваемый сообщил в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

Гносеологические особенности формирования показаний, в отличие от формирования иных видов процессуальной формы сведений о фактах, заключаются, во-первых, в особенностях источника информации; во-вторых, в связанности вербальных информационных процессов с языковыми проблемами адекватной передачи сведений; в-третьих, в ином количестве и роли этапов отражательных процессов.

¹ § 1 гл. 1.

Механически эти особенности не могут быть использованы при разграничении показаний и иных документов в связи с разнообразием последних.

В соответствии со ст. 84 УПК иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК. Сведения, существующие в данной процессуальной форме, могут быть зафиксированы как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК.

Для уяснения уголовно-процессуальной природы иных документов следует учитывать понятие документа, содержащееся в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в соответствии с которым под документированной информацией понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию, или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

Согласно Федеральному закону от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (в ред. от 11.02.2002)², документ – материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи (фонограммы), изображения или их сочетания, предназначенный для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования и хранения.

Последнее понятие более пригодно для использования в уголовном судопроизводстве, поскольку многообразие используемой в доказывании информации, зафиксированной на документах различной физической формы, не всегда позволяет связать ее или ее носитель с определенными реквизитами.

Определение иных документов в науке всегда вызывало некоторые затруднения и не характеризуется однозначностью, во-первых, потому, что определением следовало охватить все виды документов, во-вторых, поскольку необходимо достаточно четкое отграничение иных документов от вещественных доказательств.

Так, Г. М. Миньковский и В. Г. Танасевич определили документ как «материальный объект, на котором официальное лицо или гражданин общепринятым или принятым для документа специального вида способом зафиксировали сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела»³. Очевидно, что в данном случае

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 1, ст. 1; 2002. № 7, ст. 630.

³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., С. 664.

речь идет не об обязательной фиксации сведений именно для использования в уголовном судопроизводстве, а если это так, то под данное определение вполне подпадает вещественное доказательство (например, письмо клеветнического содержания) или документ, не являющийся доказательством вовсе (например, составленный оперативным уполномоченным рапорт, в котором голословно утверждается о совершении преступления определенным лицом).

Полагаем целесообразным отметить определение Б. И. Пинхасова: «Документ – материальный объект, содержащий сведения о событиях и фактах, изложенных с помощью письменных и иных знаков, которые однозначно передают человеческую мысль либо однозначно закреплены и воспроизводимы при посредстве технических средств в виде изображений или устной речи»¹. Здесь не вполне ясно, является ли документом материальный объект, который не вполне однозначно передает человеческую мысль или содержит текстовое описание (можно ли назвать это мыслью?). Кроме того, разграничить иной документ и вещественное доказательство данное определение также не поможет.

Ю. Н. Прокофьев называет документом «специально изготовленные предметы материального мира, сохранившие следы целенаправленной деятельности, предназначенной для сохранения и передачи информации»².

Для определения документа данное определение возможно и вполне приемлемо, однако оно также не позволяет жестко разграничить вещественные доказательства и иные документы. Так, специально сделанная видеосъемка факта совершения преступления, на наш взгляд, является вещественным доказательством.

Ю. К. Орлов выявляет важный признак, отличающий вещественные доказательства от иных документов: в иных документах значимая для дела информация выражена не в естественной, а в кодированной форме, причем форма кодировки может быть самой разнообразной, не только буквенная цифровая или графическая³.

А. В. Победкин считает необходимым уточнить этот признак, отмечая, что кодировка при формировании иного документа используется для сохранения и использования информации как волевое и осознанное действие. В противном случае иным документом следовало бы признать аудиозапись вербальных звуковых проявлений события преступления. Однако в данном случае таковые кодируются в вербальную форму неспециально для сохранения и передачи информации⁴. Позволим себе заметить, что и

¹ Пинхасов Б. И. Использование документов в доказывании. Ташкент, 1977. С. 5.

² См.: Прокофьев Б. И. Понятие и сущность документов в советском уголовном процессе. Иркутск, 1978. С. 13.

³ См.: Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 122.

⁴ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 255.

такие сведения могут фиксироваться осознанно, как, например, видеозапись факта совершения преступления на мобильный телефон, видеокамеру. Полагаем, что это вещественное доказательство.

Следует отметить, что в литературе делаются попытки ограничить круг документов, которые охватываются понятием «иные документы».

Так, О. М. Колесов усматривает, что природа неписьменных документов в доказательственном смысле отличается от существа письменных документов. С его точки зрения документ – это средство выражения человеческих мыслей, т.е. между объектом, содержащим следы события, и описанием этих событий всегда выступает посредник – интеллект человека. Информация, прежде чем материализоваться в форме документа, должна непременно пройти через сознание¹.

Другие авторы считают, что иными документами являются разного рода документы, изготовленные не в ходе процессуальной деятельности (справки, акты, ведомости, расписки и т. д.), но используемые в процессе как источники доказательств².

А. В. Победкин полагает, что к категории «иных документов» не могут быть отнесены вообще все материалы, которые содержат сведения об обстоятельствах, значимых для уголовного дела, но не подпадающие под признаки вещественных доказательств. «В противном случае, – пишет А. В. Победкин, – иными документами следует считать рапорты оперативных работников о выявленных ими в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий обстоятельствах, имеющих отношение к делу; оформленные в письменном виде результаты опросов, проведенных обвиняемым, потерпевшим и т. д.» и предлагает считать критерием разграничения иного документа, полученного в связи с производством по делу, и документа, не имеющего доказательственного значения, процессуальную природу формирования иного документа. В случае если документ прямо упоминается в уголовно-процессуальном законе (заявление о явке с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления, протокол принятия устного заявления о преступлении т. д.) либо если он получен в результате применения процессуальных способов, прямо направленных на получение документов (требование о проведении ревизии или документальной проверки, применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий), либо действие предусмотрено УПК, хотя правила его процессуального оформления отсутствуют (протокол представления в порядке ст. 86 УПК)³.

¹ См.: Колесов О. М. Письменные доказательства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 76.

² См., например: Уголовный процесс / под ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 190-191.

³ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 256.

Заметим, что и в этом случае документ может не иметь доказательственного значения. Те же рапорты оперативных работников о выявленных ими в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий обстоятельствах, имеющих отношение к делу, могут быть получены процессуальным путем.

Полагаем, что, определяя самостоятельный вид процессуальной формы доказательства, и, исходя из характеристики документа именно как «иногo», т. е. не подпадающего под признаки документов, составляющих форму других видов доказательств, можно предложить следующее определение: «Иной документ – материальный носитель информации любой физической формы об обстоятельствах, имеющих значение в ходе уголовного судопроизводства, полученный в установленном УПК порядке и не подпадающий под признаки других видов процессуальной формы сведений, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК».

Это определение предполагает, что иными документами, т.е. процессуальной формой сведений, являющихся доказательствами, выступают документы любой физической природы (письменные, графические, электронные, аудио и видеодокументы и т. д.), документы, полученные как в ходе уголовного судопроизводства (объяснения в стадии возбуждения уголовного дела и т. д.), так и за его пределами (записки, дневники, письма и т. д.), составленные как должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, так и иными участниками уголовного судопроизводства (результат опроса лица с его согласия, проведенного защитником, и т. д.), полученные как в связи с производством по уголовному делу (характеристика и т. д.), так и вне связи с производством по таковому (предсмертная записка и т. д.).

Актуальным является вопрос о возможности рассмотрения результатов получения объяснений, получения устного заявления о преступлении, устного заявления о явке с повинной в качестве показаний.

Как отмечалось выше¹, существует мнение о том, что любые сведения об обстоятельствах исследуемого уголовно-правового события, полученные публичными и частными субъектами доказывания от участников процесса в вербальной форме и в порядке, установленном федеральными законами или прямо не противоречащем им, должны рассматриваться как показания, которые могут быть получены в рамках любых процессуальных, в том числе следственных действий, и в любой стадии уголовного судопроизводства².

Мы попытались обосновать, что физическая форма полученной информации не является достаточным критерием для разграничения полученной процессуальной формы доказательств. Здесь важна и используемая

¹ § 1 гл. 1.

² См.: Будников В. Л. Указ. соч. С. 40.

для получения такой информации процессуальная форма. На сегодняшний момент следует признать, что процессуальная форма допроса существенно отличается от процессуальной формы получения объяснений, принятия устного заявления о преступлении, устного заявления о явке с повинной. Дело здесь не только в возможности применения процессуального принуждения при производстве некоторых видов допроса (свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста), поскольку в ходе принятия устного заявления о преступлении заявитель также предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Современная уголовно-процессуальная регламентация допроса отличается детальностью не только процедуры, но и процессуального статуса допрашиваемых субъектов. В случае развития процессуальной формы получения объяснений, принятия устного заявления о преступлении, устного заявления о явке с повинной может быть поставлен вопрос о признании полученных результатов показаниями.

Сложен вопрос о соотношении показаний и приложений в форме аудио- и видеозаписи (содержащей вербальную информацию) к протоколам допроса, очной ставки, предъявления для опознания, а также иных процессуальных действий.

Этот вопрос является производным от более общей проблемы процессуального статуса результатов применения технических средств фиксации хода и результатов процессуальных действий.

Эта проблема стала обсуждаться с середины 60-х годов XX века, когда в УПК РСФСР 1960 г. была предусмотрена возможность применения фотографирования, киносъемки, звукозаписи с приложением соответствующих материалов к протоколам следственных действий, в ходе которых были получены, а также введена ст. 141¹, предусматривающая возможность использования звукозаписи при производстве допроса.

Сегодня материалы, ставшие результатом применения технических средств в ходе следственного действия, прилагаются к соответствующему протоколу (ч. 8 ст. 166 УПК).

На настоящий момент в науке известно несколько подходов к определению процессуального статуса результатов применения технических средств фиксации хода и результатов следственных действий.

Одни авторы считают, что прилагаемые к протоколам следственных действий материалы, полученные с помощью научно-технических средств, не имеют никакого доказательственного значения и помогают лишь правильнее оценить протокол следственного действия¹.

¹ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 455; Парфентьев А. В. Процессуальное регулирование и доказательственное значение применения научных и технических средств в расследовании и раскрытии преступлений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 1.

Другие ученые полагают, что результаты применения научно-технических средств имеют доказательственное значение в совокупности с данными, зафиксированными в протоколе следственного действия, приложением к которому они являются. Иначе говоря, протокол и приложение к нему – единое доказательство¹. По мнению Д. Филина, информация, находящаяся на данных носителях, представляет собой часть протокола следственного действия, следовательно, является доказательственной².

Сущность следующего взгляда заключается в том, чтобы считать материалы, полученные с помощью технических средств при производстве следственных действий, иными документами³.

Еще один подход состоит в рассмотрении приложения к протоколу следственного действия как самостоятельного источника доказательств, который должен быть закреплен в УПК⁴.

Н. П. Кузнецов считает фонограмму допроса приложением к протоколу допроса, в то время как планы и схемы, составленные при производстве следственного действия, рассматривает либо как часть протокола, либо как самостоятельный письменный документ; фотографическим негативам, фотоснимкам, диапозитивам, кинолентам придает самостоятельное доказательственное значение⁵.

Приложения к протоколу допроса, очной ставки, предъявления для опознания в форме аудио и видеозаписи (на которой зафиксирована вербальная информация) вряд ли верно рассматривать как иные документы. Дело в том, что они формируются в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания в установленном для этих действий порядке путем использования расспроса как основного познавательного метода и фиксируются либо только в протоколе соответствующего действия либо еще и посредством дополнительных средств фиксации – технических средств. И тот и другой способ используется в рамках процедуры допроса, очной ставки, предъявления для опознания. Если отсутствует протокол данных

¹ См. например: Подголин Е. Е. Теория и практика фиксации доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 10-13.

² См.: Филин Д. Дифференциация доказательственной информации // Законность. 2001. № 2. С. 46.

³ См.: Селиванов Н. А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений // Вопросы криминалистики. Вып. 12. М., 1964. С. 23; Леви А. А. Вопросы правовой регламентации применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев, 1980. С. 16; Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 378-396.

⁴ См.: Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 118.

⁵ Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Указ. соч. С. 139-140.

действий, аудио и видеозапись сведений не имеет никакого доказательственного значения. Однако при наличии протокола результаты применения технических средств фиксации – легитимный способ фиксации. Таким образом, сведения получены в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания и зафиксированы в установленном законом порядке. Отсюда следует, что процессуальная форма этих сведений – показания.

В качестве показаний сведения, зафиксированные посредством аудио и видеозаписи в ходе допроса, очной ставки, считают 34,6 % опрошенных следователей и дознавателей (при этом сведения, зафиксированные посредством технических средств в ходе предъявления для опознания в качестве показаний рассматривают лишь 3,2 % из числа опрошенных), 23,4 % полагают, что это «иной документ», 41,1 % самостоятельное доказательственное значение таких приложений не усматривают.

Однако следственные действия, влекущие формирование показаний одновременно, способны сформировать и иные документы (фото и кино-съемка, видеозапись), т. е. в тех случаях, когда с помощью этих средств на допросе, очной ставке, предъявлении для опознания фиксируется невербальная информация. Однако иные документы такого рода могут быть допустимыми в качестве доказательств только при условии существования показаний, зафиксированных в протоколе допроса, очной ставки, предъявления для опознания. Это обстоятельство следует прямо закрепить в ч. 8 ст. 166 УПК: «Показания, вещественные доказательства и иные документы, полученные в результате применения технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, допустимы в качестве доказательств лишь при наличии соответствующего протокола следственного действия, в ходе которых они были получены».

В литературе высказана точка зрения о том, что материалы, полученные в результате использования современных научно-технических средств фиксации информации в ходе процессуальных действий, могут выступать в уголовно-процессуальном доказывании лишь в качестве самостоятельных источников доказательств. Это объясняется тем, что они не являются вещественными доказательствами, поскольку интересны с точки зрения своего содержания, также не являются и документами в том смысле, как их понимает закон. Их доказательственное значение связано как с особым способом получения, так и особой процессуальной формой, в которую они должны быть облечены¹. Однако любое доказательство важно с точки зрения его содержания, а единого способа получения и единой процессуальной формы для вещественных доказательств и иных документов закон не предусматривает. Таким образом, нет никаких оснований отрицать значение вещественных доказательств или иных документов для результатов

¹ См.: Громов Н. А., Пономаренков В. А., Гуцин А. Н., Францифоров Ю. В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 151-152.

применения технических средств фиксации хода и результатов следственных действий.

Документы, содержащие письменную вербальную информацию, отличаются от показаний процессуальным статусом лица, изложившего информацию, порядком формирования документа. Лицо, излагающее такую информацию в письме, записке, дневнике и т. д., делает это не в рамках процессуального действия, а потому не имеет процессуального статуса. Кроме того, показания – процессуальная форма сведений, произнесенных устно, под процессуальным контролем следователя, дознавателя, суда и лишь затем приобретших письменную форму. Таким образом рассматривать указанные документы в качестве документа, фиксирующего показания нет ни гносеологических, ни процессуальных оснований.

Несколько сложнее вопрос о процессуальном статусе документа, фиксирующего результат опроса лица с его согласия защитником.

Этот вопрос – порождение общей проблемы процессуального статуса документов, полученных защитником в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 86 УПК, в которой прямо указывается, что защитник собирает доказательства и предусмотрены процессуальные способы такого собирания. Возможность собирания защитником доказательств подтверждается и п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК, где указано, что защитник вправе не только представлять доказательства (что было бы аналогично праву других участников судопроизводства, представляющих стороны, и толковалось бы лишь как право этих лиц собирать сведения, которые, будучи представленными следователю, могли бы стать доказательствами), но и собирать их.

Один из способов собирания доказательств защитником связан с получением устной вербальной информации – опроса лиц с их согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК).

Мнения ученых по поводу возможности рассмотрения материалов, полученных защитником в порядке ч. 3 ст. 86 УПК, разделились. Одни авторы настаивают на доказательственном значении таких материалов¹. Другие считают, что сведения, полученные защитником, доказательствами не являются. Основные аргументы последней позиции: законодатель не предусмотрел процедуру действий, перечисленных в ч. 3 ст. 86, а значит, материалы не могут иметь свойство допустимости; отсутствует обязанность представлять такие материалы должностным лицам, ведущим уголовный процесс, которыми и должна быть установлена допустимость ма-

¹ См., например: Краскова И. С. Защитник как субъект доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8; Аксенов Д. В. Участие защитника в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 110.

териалов; согласно ч. 1 ст. 86 УПК доказательства вправе собирать лишь должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу¹.

Исходя из состязательного характера уголовного судопроизводства, В. А. Лазарева предлагает пересмотреть понятие доказательства, что позволит считать доказательством и сведения, полученные иными, кроме должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, участниками судопроизводства. В. А. Лазарева пишет, что «попытки выдать за доказательство результаты познавательной деятельности следователя или прокурора не соответствуют смыслу понятия доказательства как объективно существующей, независимой от познающего субъекта информации»², доказательства – «любые сведения о совершенном преступлении, независимо от того, получены ли они в предписанной законом процедуре»³.

Вероятно, имеется в виду, что соблюдать процедуру должны должностные лица, для которых она предусмотрена, а не другие участники судопроизводства, которые вправе получить сведения любым путем, если конкретной процедуры не предусмотрено. Такие сведения, судя по всему, должны считаться относимыми и допустимыми доказательствами еще до представления их следователю, дознавателю, суду.

Сторонники признания за сведениями, полученными защитником, статуса доказательств не учитывают, что ответственность за принятие процессуальных решений несут те должностные лица, которые осуществляют производство по уголовному делу. Следовательно, и установление оснований для принятия процессуальных решений – их исключительная прерогатива. Отсюда и решение вопроса о том, какие сведения могут считаться доказательствами и использоваться для доказывания, наличие или отсутствие оснований принятия решения должно относиться к их исключительной компетенции. Конечно, можно условиться, что доказательствами считаются любые относимые сведения, но в таком случае, это не исключит необходимости оценки должностными лицами, принимающими решение, порядка их получения и возможности использования. Такой под-

¹ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 145-148; Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1. С. 114; Михайловская И. Б. Правило благоприятствования защите и его влияние на процесс доказывания // Государство и право. 2007. № 9. С. 41 и др.

² См.: Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. С. 49.

³ См.: Лазарева В. А. О некоторых обвинительных тенденциях в судебной практике и эмансипации процессуальной формы доказательств // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к пятилетию УПК РФ). М., 2007. С. 236.

ход будет носить исключительно терминологический смысл, усложнит проблему и не повлияет на сущность полученных защитником сведений¹.

Отсюда следует сделать вывод, что вербальная информация, отраженная в документе, составленном защитником в порядке реализации п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК в ходе опроса лица с его согласия доказательством не является, т.к. не обладает свойством допустимости. Она получена субъектом, не уполномоченным на соби́рание доказательств, не в процессуальном порядке, предусмотренном для допроса, очной ставки, предъявления для опознания и потому, вопреки высказанному в литературе мнению², как показания рассматриваться не может.

Документ, представленный защитником по результатам опроса лица с его согласия, на наш взгляд, нельзя рассматривать и как иной документ. Дело в том, что этот документ можно рассматривать лишь как аналогию ходатайства о допросе данного лица. В противном случае доказательствами следовало бы считать и документы, составленные по результатам опроса лиц оперативными работниками, потерпевшими, обвиняемыми и другими представителями сторон. Как для защитника, так и для других указанных лиц не предусмотрено какой-либо процедуры опроса, а следовательно, отсутствуют какие-либо гарантии не только допустимости, но и достоверности. Если лицо не может быть допрошено, никакие составленные иными субъектами документы, отражающие результаты беседы с ним, не могут использоваться как доказательства по причине того, что для получения устной вербальной информации законодатель предусмотрел определенную процедуру, использование которой позволяет обеспечить допустимость и служит достоверности полученных сведений.

Отсюда, на наш взгляд, из ч. 3 ст. 86 УПК следует исключить п. 2.

Таким образом, соотношение показаний и иных документов определяется видом иного документа (его физической формой, субъектом формирования, порядком формирования, связью с уголовным судопроизводством).

Вещественное доказательство – невербальная процессуальная форма сведений, являющихся доказательствами. Однако даже вещественное доказательство в уголовно-процессуальном доказывании может использоваться лишь в случае, если выражено вербально.

Субъект доказывания, наряду с приобщением в качестве вещественного доказательства самого объекта, выделяет внешнюю среду и условия, в которых он был обнаружен, а также собственные признаки и свойства объекта, имеющие доказательственную ценность, и фиксирует эти данные в протоколе. В результате этого материальный объект оказывается «преобразованным» в систему суждений, зафиксированных в знаковой форме, без

¹ См.: Аксенов Д. В. Участие защитника в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 101.

² См.: Будников В. Л. Указ. соч. С. 40.

которых он утратил бы свое доказательственное значение. Мысленное преобразование представлений об объекте получает дальнейшее выражение в постановлении (определении) о приобщении его к делу, содержащем суждения о связи предмета с событием, и о его значении для установления истины¹.

Кроме того, в определенных случаях вещественное доказательство может быть вербальным по содержанию.

В этой связи оспоримо утверждение о том, что сущность вещественного доказательства, в отличие от всех иных источников доказательств, содержащих словесное описание тем или иным лицом какого-либо обстоятельства, состоит в непосредственном материальном отображении информации о фактах, имеющей доказательственное значение для дела². А. В. Победкин по этому поводу замечает, что, во-первых, содержание иных документов может заключаться и не в словесном описании значимых для дела обстоятельств, во-вторых, материальное отражение информации может иметь место и в словесной форме³. Так, вещественными доказательствами клеветы являются письма клеветнического содержания.

Мы полагаем, что протокол допроса, очной ставки или предъявления для опознания может быть признан вещественным доказательством по нескольким признакам. При этом имеются в виду случаи, когда протокол признается вещественным доказательством, исходя из содержания изложенной в нем вербальной информации – показаний. Во-первых, протоколы указанных следственных действий могут служить орудиями преступления, если содержат заведомо ложный донос. Во-вторых, могут сохранить на себе следы преступления. По данному признаку протоколы указанных следственных действий могут признаваться вещественными доказательствами, например, если изложенные в них показания являются заведомо ложными. На показания, содержащиеся в обозначенных протоколах, могут быть направлены преступные действия, в частности содержащаяся в поставленном допрашиваемому вопросе угроза, означающая принуждение к даче определенных показаний. В таких случаях заверенная копия соответствующего протокола должна осматриваться, признаваться вещественным доказательством и приобщаться к материалам уголовного дела, возбужденного по факту посягательства на доказательственную информацию или доказательства⁴.

¹ См.: Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 25-26.

² См.: Громов Н. А., Пономаренков В. А., Гущин А. Н., Францифоров Ю. В. Указ. соч. С. 125.

³ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 254.

⁴ См.: Баева О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве. М., 2010.

Представляется, что в данном случае в качестве вещественного доказательства нельзя рассматривать собственно сведения, поскольку без процессуальной формы – это лишь сигналы определенной физической природы. Сведения существуют в процессуальной форме, в данном случае в процессуальной форме показаний. Элементом процессуальной формы показаний является протокол соответствующего следственного действия. Отсюда показания, как понятие более широкое, не могут быть признаны вещественным доказательством. Таковым следует признавать протокол соответствующего следственного действия.

§ 2. Соотношение показаний с протоколами следственных и судебных действий

Вопрос соотношения показаний с протоколами следственных и судебных действий является одним из наиболее актуальных для уголовно-процессуального доказывания. Объясняется эта связь связью показаний с протоколами следственных и судебных действий, поскольку при производстве ряда следственных действий формируются показания, а также признаваемыми большинством процессуалистов гносеологическими особенностями формирования показаний и непоследовательной позицией законодателя, не в полной мере основывающегося на таких особенностях.

В настоящее время п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК указывает на такую процессуальную форму сведений как протоколы следственных и судебных действий, а ст. 83 УПК «Протоколы следственных действий и судебного заседания» определяет, что протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом.

Нельзя не заметить, что наименование данного вида процессуальной формы в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК и ст. 83 УПК несколько различается. Представляется, что, во-первых, точнее вести речь не о протоколах судебных действий, поскольку таковых протоколов не существует, а о протоколе судебного заседания, в котором отражается ход и результаты всех процессуальных действий, производимых в ходе судебного разбирательства. Кроме того, поскольку в ч. 2 ст. 74 УПК (за исключением заключения эксперта и заключения специалиста) процессуальная форма сведений указывается во множественном числе, это правило следует распространить и на исследуемый вид процессуальной формы. В этой связи в 5 ч. 2 ст. 74 УПК необходимо указать: протоколы следственных действий и судебных заседаний. Также следует именовать ст. 83 УПК.

Ф. Н. Фаткуллин пишет: «Протоколы допросов, очных ставок ... самостоятельным источником доказательств не являются, имеют значение лишь как процессуальные документы, предназначенные оформлять пока-

зания свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых. Причем это положение одинаково как для предварительного расследования, так и для судебного разбирательства дела»¹.

Л. Т. Ульянова называет протоколами следственных и судебных действий письменные акты, в которых следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд в установленном законом порядке на основании непосредственного восприятия и наблюдения зафиксировали сведения о фактах, подлежащих доказыванию по уголовному делу².

Вполне очевидно, что автор определения делает упор на непосредственное восприятие и особенно на такую его форму, как наблюдение.

Ранее нами обосновывалась позиция, согласно которой любое восприятие опосредовано ощущениями, и потому говорить о непосредственном восприятии несколько некорректно с гносеологических позиций. Кроме того, должностное лицо, производящее допрос и очную ставку, непосредственно ощущают воздействие информационного сигнала на органы чувств – органы слуха.

Видимо, поэтому некоторые исследователи, определяя содержание данного вида процессуальной формы доказательств, ограничиваются указанием только на наблюдение. В. О. Агибалова понимает под протоколами следственных и судебных действий письменные акты и приложения к ним, которые составлены лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом при производстве действий по формированию и проверке этих видов доказательств и в которых в определенном законом порядке на основании непосредственного наблюдения зафиксированы обстоятельства, имеющие значение для дела³.

В данном определении усматривается некоторый критерий, позволяющий ограничить круг следственных действий, протоколы которых могут рассматриваться в качестве самостоятельного источника доказательств. Однако следует учитывать, что большинство следственных действий, при производстве которых используется метод наблюдения, сопряжены с использованием и иных познавательных методов: эксперимента, моделирования, сравнения, реконструкции и т. д.

Возможно, в этой связи ряд определений включают в себя четкое перечисление следственных действий, протоколы которых являются самостоятельными источниками доказательств.

¹ См.: Фаткуллин Ф. Н. О новом уголовно-процессуальном кодексе РСФСР // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Ученые записки. Том 121. Книга 7. Казань, 1961. С. 105.

² См.: Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1997. С. 129.

³ См.: Агибалова В. О. Процессуальные и иные документы как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 46-47.

Ю. К. Орлов указывает, что «протоколы следственных и судебных действий как отдельный вид доказательств – это письменные акты, в которых фиксируются ход и результаты таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование, обыск, задержание, предъявление для опознания, следственный эксперимент»¹. А. С. Кобликов пишет, что самостоятельными видами доказательств являются те протоколы, которыми удостоверяются обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента, составленные в порядке, предусмотренном законом².

С. А. Шейфер подверг критике позицию, согласно которой при производстве допроса познавательным методом является не что иное, как метод наблюдения. С. А. Шейфер отмечает следующее: «Иногда считают, что при допросе методом познания является наблюдение, но не обычное, а опосредованное: следователь наблюдает те или иные обстоятельства не лично, а через других лиц – свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, как бы их органами чувств. Но здесь утрачивается такое неотъемлемое качество наблюдения, как его непосредственность. Наблюдение есть непосредственное чувственное познание, восприятие информации органами чувств познающего субъекта. Из сказанного видно, что наблюдение используется при осмотре, освидетельствовании, обыске, выемке и других следственных действиях, направленных на отображение «вещной информации»³.

С. А. Шейфер, конечно, прав в том, что при производстве допросов, действительно, не используется метод наблюдения, однако не потому, что наблюдение всегда непосредственно, а потому, что в ходе допроса непосредственные ощущения возникают у допрашивающего посредством воздействия информационного сигнала на органы слуха, а не зрения.

Справедливости ради следует отметить, что некоторые ученые не считали верным однозначное исключение протоколов допросов из перечня протоколов как самостоятельных источников доказательств и в период действия УПК РСФСР 1960 г.⁴

Так, В. Я. Чеканов усматривал разницу доказательственного значения протокола допроса, очной ставки применительно к предварительному расследованию и судебному разбирательству. Исходя из того, что судебное разбирательство основано на непосредственном исследовании доказательств, протоколы допросов подлежат оглашению в судебном разбира-

¹ См.: Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 119.

² См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. С. 602.

³ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С.16.

⁴ См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. С. 188-190.

тельстве лишь в исключительных случаях, однако в стадии предварительного расследования следователь не может принимать решения до тех пор, пока полученные в ходе допроса (очной ставки) сведения не зафиксированы в соответствующем протоколе. В. Я. Чеканов усматривает невозможность исключения протоколов допросов потерпевших, свидетелей, обвиняемых, протоколы очных ставок из числа источников доказательств¹.

Интересно, что данная позиция имеет под собой основания и сегодня. Действительно, правила использования показаний для обоснования процессуальных решений на стадии предварительного расследования и на стадии судебного разбирательства различны. Дело здесь не только в том, что показания в ходе судебного разбирательства должны быть восприняты судом непосредственно, и следователь воспринимает их непосредственно. Законодатель, действительно, требует от суда, по сути, повторного допроса участников процесса, давших показания на стадии предварительного расследования, но это не свидетельствует о существенном различии показаний данных в ходе предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства. О таком различии могут свидетельствовать правила постановления приговора (иного итогового судебного решения), согласно которым приговор может быть постановлен без изготовленного протокола судебного заседания, т. е. без фиксации сведений в протоколе. Известно, что протокол судебного заседания по общему правилу изготавливается по окончании судебного заседания и лишь может изготавливаться по частям в ходе судебного заседания (ч. 6 ст. 259 УПК). Отсюда возможно два вывода: 1) или законодатель позволяет постановить приговор без доказательств, которые будут сформированы лишь по окончании судебного разбирательства; или 2) сведения, полученные в ходе судебного разбирательства, получают статус доказательств и без фиксации их в протоколе судебного заседания (это касается сведений, полученных в ходе любых судебно-следственных действий, а не только в результате допроса и очных ставок). Второй вывод – очевидный нонсенс. Сведения, отраженные лишь в сознании судьи, не закрепленные в материалах уголовного дела, не должны использоваться для обоснования процессуальных решений. Сегодняшняя процессуальная регламентация нередко влечет подгонку протокола под приговор, чревата серьезными процессуальными фальсификациями. О. Я. Баев и М. О. Баев, обратившие внимание на эту проблему, обоснованно предлагают внести соответствующие изменения в УПК, обязывающие изготавливать протокол судебного заседания в части исследованных в ходе судебного следствия доказательств до начала прений сторон².

¹ См.: Чеканов В. Я. Документы как источник доказательств // Правоведение. 1963. № 2. С. 124-125.

² См.: Баев О. Я., Баев М. О. Протокол судебного заседания как зеркало осуществления правосудия по уголовному делу (о необходимости совершенствования ст. 259 УПК РФ) // Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 2 (5). С. 252.

Итак, показания могут рассматриваться как таковые только в случае надлежащего процессуального закрепления – как минимум, в протоколе.

Показания неизменно связаны с протоколом на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В п. 10 ч. 3 ст. 259 УПК указано, что в протоколе судебного заседания отражается подробное содержание показаний, вопросы, заданные допрашиваемым, и их ответы. Однако законодатель, как отмечалось выше, позволяет принимать самое серьезное процессуальное решение – решение о признании виновным или невиновным – на основании сведений, не отраженных в протоколе.

На наш взгляд, следует согласиться с высказанными предложениями и воспринять положительный опыт других государств, где этот вопрос решен однозначно и четко. Так, согласно ст. 90 УПК Республики Узбекистан «сведения и предметы могут быть использованы в качестве доказательств только после того, как они зафиксированы в протоколах следственных действий или в протоколе судебного заседания». Согласно ст. 126 УПК Республики Казахстан «фактические данные могут быть использованы в качестве доказательств только после их фиксации в протоколах процессуальных действий».

С этим следует согласиться, поскольку устность судебного разбирательства не исключает необходимость фиксировать сведения, полученные в ходе процессуальных действий, в протоколе судебного заседания.

Рассуждая о перечне протоколов следственных действий, составляющих самостоятельную группу источников доказательств, некоторые авторы приходят к выводу о том, что «это протоколы таких действий, которые не могут быть повторены в процессе дальнейшего производства по делу, или могут быть повторены, но в условиях, отличающихся от первоначальных. Так, осмотр в процессе судебного разбирательства не всегда может привести к выяснению всех тех фактов, установление которых возможно при осмотре непосредственно после совершения преступления»¹. Вряд ли этот критерий является бесспорным. Допрос также не может быть произведен в тех же условиях, поскольку познавательный образ в сознании допрашиваемого, наверняка, изменился, усилились процессы забывания, возможно, допрашиваемый изменил решение о добросовестном изложении известных ему сведений или, напротив, решил дать правдивые показания.

Итак, в период нормативного ограничения перечня следственных действий, влекущих формирование протоколов как самостоятельных видов процессуальной формы доказательств, предполагалось, что информация, исходящая от допрашиваемого, всегда будет для компетентного

¹ См.: Чеканов В. Я. Документы как источник доказательств // Правоведение. 1963. № 2. С. 124.

должностного лица производной. Поэтому показания рассматривались как самостоятельные виды процессуальной формы доказательств.

Реакция российских ученых на ст. 83 действующего УПК оказалась неоднозначной: ряд ученых не акцентировали внимание на факте отсутствия четкого перечня следственных действий, протоколы которых являются самостоятельными видами источников доказательств¹; другие остались на прежних позициях²; третьи признали, что протоколы допросов могут быть использованы в качестве доказательств на всех стадиях уголовного процесса³.

В. Н. Григорьев и А. В. Победкин, основываясь на том, что процесс отражения при производстве действий, связанных с получением показаний и при производстве иных процессуальных действий принципиально различается исключительно органами чувств, посредством которых у допрашиваемого возникают ощущения, делают крайне интересный вывод о том, что это обстоятельство не может быть основанием для вывода о принципиально различном подходе к пониманию сущности источников доказательств, формируемых в ходе допросов (очных ставок) и иных следственных действий (осмотров, освидетельствований, обысков и т. д.). Исходя из этого, формулируется положение, согласно которому, указывая на показания различных участников судопроизводства в ч. 2 ст. 74 УПК, законодатель фактически имеет в виду протоколы их допросов. «Показания и протокол допроса – синонимы. Наименование источников доказательств, сформированных в ходе допроса, «показаниями», а не «протоколом допроса» может быть оправдано только с точки зрения подчеркивания особенностей опосредующего «передатчика» информации в процессе отражения (человек или материальные объекты, обстановка), но не как результат принципиальных особенностей отражательных процессов при получении информации о следах события, сохраненных в сознании человека»⁴.

На основании сформулированного подхода к соотношению показаний и протокола допроса (очной ставки)⁵ В. Н. Григорьев и А. В. Победкин критически относятся к точке зрения о показаниях как потоке словесно

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. Л. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. Л. Поляков. М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 270-271.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев; науч. ред. В. П. Божьев. 2-е изд. М.: Спарк, 2004. С. 197.

³ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2 изд. СПб.: Питер, 2004. С. 240.

⁴ См.: Григорьев В. Н., Победкин А. В. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве: дискуссия обостряется // Вопросы правоведения. 2010. № 2. С. 205.

⁵ В. Н. Григорьев и А. В. Победкин полагают, что показания могут быть даны только в ходе допроса и очной ставки.

оформленной (знаковой) информации, как процессе, осуществляемом посредством речевого общения, а не результате передачи информации¹. В. А. Лазаревой и Д. В. Поповым показания рассматриваются как существующие только в момент передачи сообщения, что обусловлено требованием непосредственного восприятия показаний. Информация, зафиксированная в протоколе, называется «другим текстом», «другой реальностью»², опосредующим звеном между показаниями как формой речевого взаимодействия допрашиваемого и следователя, и показаниями как формой взаимодействия следователя и судьи³.

Если протоколы следственных действий, фиксирующих показания, рассматривать в качестве синонима показаний, как это делают В. Н. Григорьев и А. В. Победкин, постановка вопроса о рассмотрении показаний как кратковременного потока информации, без учета составления протокола как необходимого условия существования показаний, действительно, вряд ли оправдана для любых этапов уголовного судопроизводства⁴.

Полагаем, что, несмотря на, действительно, в целом аналогичные закономерности отражения при формировании показаний и других видов процессуальной формы сведений, полностью отождествлять показания с протоколами следственных действий как источниками сведений о фактах, не следует. Это обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, существенные особенности имеет источник информации – лицо, сообщаемое сведения. Иначе говоря, при получении сведений от лица необходимо учитывать психофизические особенности того субъекта, который воспринимал и воспроизводит информацию, а также учитывать возможность ее преднамеренного искажения. Конечно, обстановка, например, места происшествия также может быть преднамеренно искажена по отношению к первоначальной. Однако это искажение возможно на непроцессуальном этапе, в то время как искажение информации в ходе формирования показаний возможно именно на процессуальном этапе отражения. Кроме того, восприятие одних и тех же обстоятельств разными людьми неодинаково. Информация, поступающая к человеку из внешнего мира, отличается от той, которую он передает другому. Отсюда требование к свидетелю, очевидцу излагать при допросе наблюдаемое им так, чтобы следователь, дознаватель, прокурор, суд получили ясное и правильное представление о происшедшем, как будто они сами были его свидетелями, с точки зрения теории информации является чрезмерным и невыполнимым⁵. Процессуальная форма получения показаний должна, по возможности, нейтрализо-

¹ Лазарева В. А., Попов Д. В. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 19.

⁴ См.: Григорьев В. Н., Победкин А. В. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве: дискуссия обостряется // Вопросы правоведения. 2010. № 2. С. 205.

⁵ См.: Порубов Н. И. Допрос в уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 9.

вывать возможность как преднамеренного, так и неумышленного искажения информации субъектом, дающим показания. Отсюда проистекают особенности процессуальной формы. Во-вторых, «субъективные причины искажения информации при ее восприятии и передаче, сопряженные с особенностями человеческой психики, физического состояния, уровня образования и другими особенностями личности, – отмечает А. В. Победкин, – усугубляются объективной невозможностью безупречного использования языковых средств, абсолютно адекватно отражающих событие или явление»¹. Вышеуказанные психолого-физиологические особенности вербальных информационных процессов дополняются языковыми проблемами адекватной передачи сведений.

В-третьих, процессуальные этапы формирования показаний отличаются от процессуальных этапов формирования иных видов процессуальной формы сведений. Иначе говоря, сознание следователя выступает лишь в качестве инструмента, служащего наиболее адекватному отображению, но не выступает в качестве промежуточного звена отображения.

С учетом этого должен решаться и вопрос о возможности и необходимости дословного отражения в протоколе допроса (очной ставки), предъявления для опознания показаний допрашиваемого.

В. И. Смыслов полагает, что «... следователь обязан сохранить в протоколе не только смысловое содержание показаний, но и все характерные выражения, обороты речи и другие индивидуальные выражения, присущие показаниям данного свидетеля. «Литературная обработка», «причесывание» показаний неизбежно связаны с искажением как содержания, так и особенностей стиля, поэтому они не допустимы»².

А. В. Белоусов рассматривает требование закона о «по возможности дословной» записи показаний, как относящееся лишь к наиболее существенным словам и выражениям, несущим основную смысловую нагрузку, а также характеризующим личность допрашиваемого лица и особенности его восприятия»³.

Требование излагать в протоколе допроса показания допрашиваемого лица «по возможности дословно» означает, что в протоколе должен найти отражение познавательный образ допрашиваемого, а не допрашивающего. В результате формируются показания допрашиваемого, а не протокол, содержанием которого является отражение познавательного образа должностного лица, его составившего.

Тот факт, что показания формируются не только в ходе допроса и очной ставки, но и в результате предъявления для опознания, подтвержда-

¹ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 35-36.

² См.: Белоусов А. В. О степени дословности записи показаний в протоколе допроса // Сибирский юридический Вестник. 2000. № 2.

³ Там же.

ется и положением ч. 9 ст. 193 УПК, где подчеркивается, что объяснения опознающего излагаются в протоколе предъявления для опознания по возможности дословно. Это свидетельствует о том, что в протоколе предъявления для опознания отражается познавательный образ опознающего, а не должностного лица, составляющего протокол. Иначе говоря, гносеологические основы при допросе, очной ставке и предъявлении для опознания тождественны. Отсюда следует, что в ч. 7 ст. 193 УПК слово «объяснить» следует заменить словами «дать показания», а в ч. 9 ст. 193 УПК слово «объяснения» заменить словом «показания».

Исходя из изложенных особенностей формирования показаний, ст. 83 УПК следует изложить в следующей редакции:

Статья 83 «Протоколы следственных действий и судебного заседания».

Сведения, удостоверяющие значимые для производства по уголовному делу обстоятельства, содержащиеся в протоколах осмотра, осмотра и прослушивания фонограммы, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, принятия устного заявления о преступлении, принятия устного заявления о явке с повинной, а также в протоколе судебного заседания в его соответствующей части, составленных в порядке, установленном настоящим Кодексом, являются доказательствами по уголовному делу.

§ 3. Соотношение показаний с заключением эксперта и заключением специалиста

Практика свидетельствует о том, что успешное расследование и разрешение многих уголовных дел невозможны без использования специальных знаний. Одной из самых распространенных форм использования таких знаний является заключение эксперта. Заключение специалиста, на наш взгляд, имеет нечеткое содержание и форму данного источника доказательств, поэтому его практическое применение весьма скромно.

В данном параграфе монографии мы будем рассматривать соотношение показаний с заключением эксперта и специалиста в двух аспектах: 1) соотношение показаний иных субъектов уголовного процесса (за исключением эксперта и специалиста) с заключением эксперта и специалиста; 2) соотношение показаний эксперта и специалиста с заключением эксперта и специалиста.

Показания участников уголовного судопроизводства и заключения эксперта и специалиста объединяет то, что в них фактические данные исходят от лица, человека, лично излагающего в устной (показания) или письменной (заключение) форме известные ему сведения по делу. Это ли-

цо является носителем фактических данных, поскольку оно само восприняло устанавливаемые факты и сообщает о них¹.

Заключение эксперта и специалиста – это, как и показания, процессуальная форма вербальной информации. Отсюда все языковые проблемы, свойственные показаниям, не чужды и данным видам доказательств. При формировании заключения эксперта и заключения специалиста, как и при формировании показаний, в качестве основного используется метод расспроса. Однако расспрос, в отличие от формирования показаний, осуществляется в письменной форме и не является управленческим методом непосредственно в ходе изложения вербальной информации².

Кроме того, система познавательных методов, задействованных при формировании показаний и заключения эксперта, также различна. Показания предполагают расспрос и описание (лишь при предъявлении для опознания опознающим в качестве промежуточного используется метод сопоставления, которым он устанавливает тождество). При формировании заключения эксперта познавательными методами являются: расспрос, исследование путем моделирования, сравнения, эксперимента и т. д.) и описание³. Таким образом, в последнем случае описанию предшествует проведение исследования, т.е. познавательный образ эксперта не просто актуализируется, а формируется в сознании эксперта (причем не исключительно мыслительной деятельностью, как, например, при предъявлении для опознания), в результате исследовательской, т. е. практической деятельности. Да и описание происходит непосредственно экспертом в письменном виде без задействования сознания должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, в качестве инструмента отражения. Это обстоятельство также не позволяет уточнять информацию непосредственно в ходе ее вербального письменного изложения. В ряде случаев с этой целью необходимо получить показания эксперта.

Вряд ли можно согласиться с мнением Е. В. Селиной, которая полагает, что, в отличие, например, от показаний, которые являются и средством доказывания, и источником доказательств, заключение эксперта – только источник доказательств, в то время как средством доказывания в этом случае, по мнению указанного автора, выступает путь к обнаружению сведений о фактах, проходимый содействующим уголовному судопроизводству лицом, а не следователем, прокурором судом. В этой связи Е. В. Селина считает, что нормы о порядке производства экспертизы и о заключении эксперта должны быть расположены в одной главе УПК⁴. В таком случае в одной главе УПК надо объединять разнохарактерные нор-

¹ См.: Давлетов А. А. Особенности доказывания в судопроизводстве: научно-практическое пособие. М., 2004. С. 61.

² См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 129-132.

³ Там же. С. 132.

⁴ См.: Селина Е. В. Указ. соч. С. 84.

мы о показаниях как самостоятельном источнике доказательств и о правилах их получения в ходе допросов и очных ставок¹.

Аналогичные положения могли бы быть распространены и на соотношение показаний с заключением специалиста, если бы законодатель оказался конкретнее и не породил многообразие взглядов на содержание деятельности по формированию заключения специалиста.

Одним из самых актуальных вопросов является вопрос о возможности производства исследований специалистом, дающим заключение. В ч. 3 ст. 80 УПК заключение специалиста определяется как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. В то же время заключение эксперта согласно ч. 1 ст. 80 УПК – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Поскольку заключение специалиста определяется через «суждение», а не через «исследования и выводы», высказывается мнение о невозможности производства исследований специалистом, которому поручено дать заключение².

О. Темираев полагает, что специалист не вправе формировать свое заключение на основе даже простейшего исследования, такого, например, как визуальный осмотр предмета. По его мнению, заключение специалиста – это письменное суждение, которое, являясь формой мышления в логике, представляет собою чисто мыслительный, умозрительный процесс, а потому «не может формулироваться на основе каких-либо практических действий»³.

Термин «суждение», действительно, можно трактовать неоднозначно. В логике «суждение» – форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат). В книжном значении «суждение» – мнение, заключение⁴.

Однако и выводы эксперта – это тоже его суждение.

В случае необходимости получить консультацию, должностное лицо, ведущее производство по делу, вполне может воспользоваться допросом специалиста. Заключение специалиста не может выступать процессуальной формой, дублирующей показания специалиста. Это аргумент в пользу

¹ См.: Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 239.

² См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004. С. 201.

³ Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39.

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. С. 806.

того, что заключение специалиста предполагает производство исследований. Аргументом в пользу этого же является и то, что данный вид процессуальной формы был введен в систему источников доказательств с основной целью расширить состязательные начала, т. е. предоставить возможность представителям сторон использовать специальные знания также как это делают следователь, дознаватель, суд. Невозможность производства исследований специалистом, дающим заключение, означала бы, что данная цель осталась недостигнутой.

И. Овсянников в этой связи считает, что право инициировать появление заключения специалиста в уголовном процессе должно принадлежать не следователю, дознавателю или суду, а тем участникам процесса доказывания, которые не вправе принимать решения по делу: подозреваемому, обвиняемому, защитнику, частному обвинителю, прокурору (в судебном производстве), потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, поскольку у этих лиц нет права назначить судебную экспертизу¹. Ю. А. Ушаков утверждает, что необходимо применение принципа состязательности на этапе предварительного расследования, но он найдет свое выражение в том случае, если закон придаст заключению и показаниям специалиста, полученным стороной защиты, то же доказательственное значение, что и соответствующим доказательствам, добытым стороной обвинения, для чего УПК необходимо прямо указать на то, что заключение и показания специалиста могут быть получены стороной защиты, обвинения, судом в порядке, установленном законом².

Кроме того, невозможность исследований в рамках формирования заключения специалиста ставит на повестку дня вопрос о процессуальной форме доказательства, полученного в результате реализации права органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа требовать производства исследований предметов, документов, трупов (ч. 1 ст. 144 УПК). Очевидно, что в этом случае специалист должен произвести исследования, а единственным возможным вариантом процессуальной формы доказательства здесь является «иной документ». Налицо отсутствие логики: проведенные исследования порождают «иной документ», а консультация – «заключение специалиста».

Само наименование процессуальной формы «заключение специалиста» аналогично «заключению эксперта», значит, не может не предполагать исследований.

Исходя из принципиального различия используемых познавательных методов при получении заключения специалиста должностным лицом, осуществляющим производство по делу (основной метод – расспрос), и иными участниками судопроизводства (расспрос не является основным по-

¹ См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 34.

² См.: Ушаков Ю.А. Указ. соч. С. 98.

знавательным методом), С. И. Леонов предлагает внести изменения в редакцию ч. 3 ст. 80 УПК и ст. 84 УПК, предусмотрев, что заключение специалиста может быть получено лишь следователем, дознавателем, судом. Суждения лиц, обладающих специальными знаниями, изложенные в письменном виде, полученные по инициативе иных участников судопроизводства, являются иными документами¹.

Полагаем, что реализация предложений такого рода чревата неким ограничением состязательных начал. Кроме того, не вполне ясно, для чего должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу (кроме проверки сообщения о преступлении), получать заключение специалиста, когда имеется возможность назначить экспертизу.

Таким образом, полагаем, заключение специалиста предполагает производство исследований как в случае, когда оно получено по инициативе должностных лиц, осуществляющих производство по делу, так и в случае, когда оно сформировано по инициативе представителей сторон.

Нельзя не согласиться с мнением И. П. Подволоцкого, утверждающего, что «заключение специалиста», т. е. суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, это все та же справка специалиста, хорошо зарекомендовавшая себя на практике, в связи с чем им видится обоснованным дополнение ст. 164, 168 УПК положением о праве следователя, дознавателя поручать специалисту проведение предварительных специальных исследований и давать заключение по вопросам, поставленным перед ним². Действительно, заключение и есть привычная справка, которую дает специалист по результатам специального исследования. Искусственно вводить такой вид процессуальной формы как заключение специалиста, без возможности проведения исследований, значит ставить все с ног на голову: заключение не предполагает исследований, а иной документ сопровождается исследованиями.

С другой стороны, если допустить, что заключение специалиста предполагает исключительно исследования, участники судопроизводства, представляющие стороны (за исключением должностных лиц, ведущих производство по делу), на первый взгляд, лишаются возможности получить доказательство консультационного характера, так как право получить показания предоставлено лишь следователю, дознавателю, суду.

Полагаем, что участники судопроизводства со стороны обвинения (кроме должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу) и со стороны защиты вполне могут реализовать свое право на получение сведе-

¹ См.: Леонов С. И. Расспрос как познавательный метод получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14-15.

² См.: Подволоцкий И. Н. К вопросу о регламентации использования результатов применения специальных знаний в качестве доказательств по уголовным делам // Следователь. 2004. № 3. С. 45-46.

ний консультационного характера посредством получения письменного мнения специалиста, выраженного в документе в любой форме, который, будучи представленным компетентному должностному лицу, приобретет статус иного документа.

Другой вариант, заключающийся в предоставлении права невластным представителям сторон получать посредством заключения специалиста как сведения консультационного характера, так и выводы по результатам исследований, имеет существенный недостаток – одна и та же процессуальная форма разными участниками судопроизводства формируется по-разному.

Мы уже обсуждали, что осмотр предмета, документа исследованием в смысле практической деятельности не является, поэтому мнение специалиста о таком предмете, документе следует выяснять в ходе допроса, а не посредством получения заключения.

В этой связи полагаем, что недостаточно точным является мнение, согласно которому формирование заключения специалиста возможно как в результате осмотра объекта, так и в результате проведения исследования. «Если специалисту для ответа на поставленные перед ним вопросы, – пишет по этому поводу И. Овсянников, – понадобилось не только осмотреть предоставленные ему объекты, но и провести какие-либо эксперименты, исследования с помощью физических, химических, биологических, математических или иных методов, то факт проведения таких исследований сам по себе не может служить основанием для упрека в его адрес. Если для обоснованного ответа на поставленные вопросы эти исследования были необходимы, то их нельзя считать излишне полными или чрезмерно глубокими»¹.

При всей недосказанности законодателя следует, очевидно, согласиться с С. А. Шейфером, изложившим свою позицию на этот счет так: «По-видимому, законодатель употребил слово «суждение» для того, чтобы не допускать тавтологии в содержании ст. 80 УПК. Но и семантически, и фактически, вводя слово «суждение», новая ч. 3 ст. 80 имеет в виду заключение, т. е. вывод, сделанный в результате исследования каких-либо объектов (трактовка термина «заключение» как вывода четко отобразилась в нормативном определении заключения эксперта в ч. 1 ст. 80 УПК)»².

Таким образом, заключение специалиста, на наш взгляд, по основным характеристикам соотношения с показаниями аналогично заключению эксперта.

При этом следует иметь в виду, что различия и процессуальный статус приложений в виде результатов применения технических средств к

¹ См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 33.

² См.: Шейфер С. А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ; шаг вперед? // Государство и право. 2004. № 12. С. 36.

протоколу допроса, очной ставки, предъявления для опознания, с одной стороны, и к заключению эксперта и заключению специалиста, с другой стороны.

Как отмечалось выше¹, аудио- и видеозапись хода и результатов допроса, очной ставки, предъявления для опознания является показаниями, результаты применения иных технических средств фиксации – иными документами. Прилагаемые к заключению эксперта и заключению специалиста материалы, ставшие результатом применения технических средств, на наш взгляд, всегда являются иными документами.

Представляется, именно такой процессуальный статус должен распространяться и на материалы, созданные экспертом в ходе экспертного исследования. Л. М. Исаева верно замечет, что фотографии, полученные в ходе экспертного исследования, по своей процессуально-правовой природе являются документами и имеют доказательственное значение не только для аргументированности мнения эксперта². О том же пишет П. Ф. Силкин, отмечая, что фотоснимки, полученные в ходе экспертного исследования и прилагаемые экспертом к заключению, должны рассматриваться в уголовно-процессуальном доказывании как документы³. С. И. Леонов, придерживаясь того же мнения, аргументирует его тем, что гносеологическая природа показаний и заключения эксперта в существенных признаках совпадает (основным методом получения сведения является расспрос, методом фиксации – описание), материалы, иллюстрирующие заключение эксперта, имеют иную природу в связи с использованием при их формировании иных познавательных методов⁴.

Самостоятельным аспектом проблемы является соотношение заключения эксперта и заключения специалиста с показаниями эксперта и специалиста.

По нашему мнению, эта проблема связана с весьма распространенной методологической ошибкой – рассмотрением взаимосвязи нескольких видов доказательств как комплексного доказательства. Так, Р. С. Белкин рассматривает в качестве комплексного вещественного доказательства обстановку места происшествия, взятую в целом⁵. Бытует мнение о комплексности вещественных доказательств и протоколов их осмотра.

Представляется, что каждое доказательство, даже связанное с другим – самостоятельное доказательство. Характер такой взаимосвязи может быть различным. Во-первых, одно доказательство может быть условием допустимости другого (протокол осмотра предмета – условие допустимости его допустимости в качестве вещественного доказательства, наличие

¹ § 1 гл. 3.

² См.: Исаева Л. М. Указ. соч. С. 252.

³ См.: Силкин П. Ф. Указ. соч. С. 114.

⁴ См.: Леонов С. И. Указ. соч. С. 146.

⁵ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999. С. 162.

протокола следственного действия – условие допустимости в качестве иного документа результатов применения технических средств фиксации), одно доказательство может в обязательном порядке предшествовать другому (показания опознающего обязательно предшествуют предъявлению для опознания), одно доказательство может обуславливать содержание другого. Последний вид связи присущ заключению эксперта и его показаниям, а также частично заключению специалиста и показаниям специалиста. При этом заключение эксперта и заключение специалиста предшествуют показаниям данных участников судопроизводства.

Исходя из нормативного определения предмета показаний эксперта, он может быть допрошен только об обстоятельствах, входящих в предмет судебной экспертизы (ч. 2 ст. 205 УПК).

Вряд ли можно признать обоснованным суждение, согласно которому «в какой-то части сведения, получаемые от эксперта в ходе его допроса, являются именно разъяснением и дополнением заключения, дополняющим его как составная часть»¹ или мнение о том, что «заключение специалиста и его показания, представленные и исследованные в суде, составляют единое целое судебное доказательство. Это есть единое суждение компетентного лица по специальным вопросам, имеющим существенное значение для правильного разрешения уголовного дела»². Показания эксперта – самостоятельное доказательство, не являющееся частью другого доказательства – заключения эксперта. Тем более, что содержание показаний может существенно отличаться и даже противоречить содержанию заключения. «Наряду с заключением эксперта, показания эксперта выступают в качестве самостоятельного источника доказательств, хотя предмет показаний непосредственно связан с проведенным по делу экспертным исследованием», – верно отмечает В. Т. Очередин³.

Ранее нами обосновывалось, что следует нормативно предусмотреть возможность допроса эксперта не только для разъяснения данного им заключения, но и об иных обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если они имеют значение для производства по уголовному делу. В этом случае заключение эксперта не во всех случаях будет обуславливать содержание его показаний и даже не всегда предшествовать показаниям. Например, в случае допроса эксперта по поводу оказываемого на него незаконного воздействия как при производстве экспертизы, так и до начала ее производства.

¹ См.: Селина Е. В. Указ. соч. С. 75.

² См.: Бестаев А. О. Представление и исследование в уголовном суде заключения специалиста, полученного защитником на договорной основе в ходе досудебного производства // Рос. судья. 2007. № 5. С. 23.

³ См.: Очередин В. Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания. М., 2008. С. 66.

Заключение эксперта может быть связано с показаниями специалиста, поскольку специалист может быть допрошен по поводу произведенного экспертом заключения (методики, выводов и т. д.). В этом случае заключение эксперта предопределяет предмет показаний специалиста и предшествует ему.

Весьма актуален вопрос о взаимосвязи заключения и показания специалиста. И. Овсянников утверждает, что показания специалиста не могут быть получены вне его заключения, потому что не являются самостоятельным источником доказательств, так как заключение и показания специалиста расположены в одном пункте статьи и между ним стоит союз не «или», а «и»¹.

Е. Доля идет дальше и пишет: «Как и заключение, показания специалиста не образуют отдельного вида доказательства, не имеют самостоятельного доказательственного значения, а лишь способствуют правильному собиранию, проверке и оценке самостоятельных видов доказательств»².

Очевидно, законодатель не должен был употреблять дизъюнкцию «или» между «заключением специалиста» и «показаниями специалиста». В таком случае предполагалось бы, что в доказывании используется или то или другое, в то время как использоваться может и то и другое. Это верно и применительно к заключению эксперта и его показаниям, тем более значимо для соотношения заключения специалиста с его показаниями, поскольку специалист может быть допрошен не только по поводу содержания заключения, но и по поводу иного ранее высказанного мнения, а также о любых обстоятельствах, требующих специальных знаний.

Следует согласиться с подходом, обозначенным А. А. Давлетовым, который считает показания специалиста самостоятельным доказательством по отношению к его заключению³.

В нормативном определении предмета показаний специалиста отсутствует прямая связь с составляемым им заключением. «Показания специалиста, – отмечает В. Т. Очередин, – могут касаться различных вопросов предварительного расследования и судебного разбирательства, в частности, обстоятельств обнаружения следов преступления, закрепления и изъятия предметов и документов, специфики применения технических средств при производстве следственных действий, разъяснения отдельных положений своего заключения и т. д.»⁴

¹ См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 34, 35.

² См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М.: Издат. Группа ИНФРА-НОРМА-М, 2004. С. 329.

³ См.: Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 48.

⁴ См.: Очередин В. Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания. М., 2008. С. 70.

Таким образом, мы видим, что заключение и показания специалиста – это две самостоятельные формы сведений, имеющих значение для уголовного дела, и они могут быть использованы следователем (дознавателем) как вместе, так и по отдельности.

Полагаем также, что небезупречно решение законодателя связать в ч. 2 ст. 74 УПК показания специалиста с данным им заключением и показания эксперта с данным им заключением. Данная связь основана на субъекте, предоставляющем информацию, в то время как сущностным критерием является процессуальная форма в целом, которая не ограничивается особенностями процессуального статуса субъекта, сообщаемого информацию, но включает в себя также и порядок ее получения и фиксации. Последний, в свою очередь, определяется и особенностями физической природы информационного сигнала. Получение письменной вербальной информации имеет совершенно иную процессуальную форму, чем получение устной вербальной информации.

В этой связи А.В. Победкин справедливо предлагает внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК и пункт 3 изложить в редакции «показания специалиста и показания эксперта», а п. 4 – «заключение специалиста и заключение эксперта», пункты 4, 5, 6 считать соответственно пунктами 5,6,7¹.

¹ См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание: монография. ТФ ГОУ ВПО РПА Минюста России. Тула: Папирус, 2007. С. 281.

Заключение

В заключение полагаем возможным сделать следующие выводы, предложения и рекомендации:

1. Показания – процессуальная форма сообщения (сведений) лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых лицо сообщило в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

1.1. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве жестко связано с проблемами уголовно-процессуальной формы, доказательств и доказывания. В настоящее время в период превалирования информационного подхода к понятию доказательств наиболее обоснованным является подход к доказательству как к единству содержания (сведений) и их процессуальной формы (показания и т. д.).

1.2. Для правильного определения процессуальной формы доказательств, следует нормативно определить общее понятие уголовно-процессуальной формы.

Статью 5 УПК предлагается дополнить п. 33¹ следующего содержания: «процессуальная форма – установленный Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Кодексом, другими федеральными законами порядок производства процессуальных действий, принятия процессуальных решений, фиксации принятых решений, хода и результатов процессуальных действий, а также соответствующие процессуальные акты».

1.3. Показания, как процессуальная форма сведений, могут быть получены при производстве допроса, очной ставки и предъявлении для опознания. Это следует из того, что при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания основным поисково-познавательным методом является метод расспроса, получаемая информация – устная вербальная, процессуальная форма получения такой информации – относительно детально, обогащена рядом процессуальных гарантий и позволяет считать данные действия следственными. Изложенные характеристики (поисково-познавательный метод, природа информационного сигнала, процессуальная форма) дают основания рассматривать как аналогичный и результат таких действий – вид процессуальной формы полученных сведений.

1.4. В случае, когда гражданский истец, гражданский ответчик не являются соответственно потерпевшим, обвиняемым, они должны допрашиваться именно в качестве гражданского истца и гражданского ответчика. Гражданский истец должен нести уголовную ответственность как за отказ

от дачи показаний, так и за дачу заведомо ложных показаний. Гражданский ответчик как представитель стороны защиты не должен предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Результат допроса гражданского истца и гражданского ответчика – показания, а не объяснения, поскольку такой результат формируется а) в ходе использования метода расспроса как основного метода, б) посредством передачи устной вербальной информации, в) в особой процессуальной форме допроса.

Законный представитель потерпевшего, обвиняемого (подозреваемого), который не является соответственно гражданским истцом или гражданским ответчиком, должен допрашиваться в качестве свидетеля.

В ч. 2 ст. 74 УПК необходимо внести изменения, предусмотрев в качестве самостоятельных видов процессуальной формы сведений «показания гражданского истца» и «показания гражданского ответчика».

1.5. Близость некоторых видов процессуальной формы сведений, тем не менее не означает их идентичность, в связи с чем объединение их в одном пункте ч. 2 ст. 74 УПК представляется нецелесообразным.

Отсюда ч. 2 ст. 74 УПК предлагается изложить в следующей редакции: «2. Данные сведения могут существовать в процессуальной форме: 1) показаний подозреваемого; 2) показаний обвиняемого; 3) показаний лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости; 4) показаний потерпевшего; 5) показаний гражданского истца; 6) показаний гражданского ответчика; 7) показаний свидетеля; 8) показаний эксперта; 9) показаний специалиста; 10) заключения эксперта; 11) заключения специалиста; 12) вещественных доказательств; 13) протоколов следственных и судебных действий; 14) иных документов.

2. Кроме предмета, показания обвиняемого отличаются от показаний иных участников судопроизводства особенностями процессуального статуса обвиняемого, связанными с дачей показаний и некоторыми процедурными правилами их формирования.

2.1. Предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 77 УПК: «Показания обвиняемого – процессуальная форма сведений, сообщенных им на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187-190, 192, 193, 275, 289, настоящего Кодекса».

2.2. В законодательном определении предмета показаний обвиняемого следует разграничить обстоятельства, о которых вопросы обвиняемому должны задаваться обязательно (при его согласии дать показания) и обстоятельства, о которых он может быть допрошен. В этой связи предлагается следующая формулировка ч. 2 ст. 77 УПК: «При согласии обвиняемого дать показания он допрашивается по существу предъявленного обвинения.

Обвиняемый может быть допрошен и об иных обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу».

2.3. Часть 3 ст. 77 УПК следует изложить в следующей редакции: «Признание лицом своей виновности в совершении преступления в ходе дачи показаний в качестве обвиняемого может быть использовано при решении вопроса о продолжении уголовного преследования данного лица и признании его виновным лишь в случае подтверждения признания совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

2.4. Обвиняемый (подозреваемый) должен знать о возможной уголовной ответственности за заведомо ложный донос, учиненный, в том числе, и в момент дачи им показаний. В этой связи необходимо дополнить п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК положением о том, что при согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренной ст. 306 УК. Аналогичные дополнения следует внести в п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК применительно к подозреваемому.

2.5. Часть 3 ст. 76 УПК необходимо изложить в следующей редакции: «Признание лицом своей виновности в совершении преступления в ходе дачи показаний в качестве подозреваемого может быть использовано при решении вопроса о продолжении уголовного преследования, привлечении данного лица в качестве обвиняемого и признании его виновным лишь в случае подтверждения признания совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

3. Порядок получения показаний свидетеля и потерпевшего едиобразен, однако статус свидетеля и потерпевшего, а также предмет показаний этих участников различен, что дает основание для рассмотрения показаний потерпевшего и свидетеля как самостоятельных видов процессуальной формы сведений.

Часть 2 ст. 78 УПК необходимо сформулировать следующим образом: «Потерпевший может быть допрошен относительно возникшего подозрения, предъявленного обвиняемому обвинения, имеющихся в уголовном деле доказательств, а также о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу».

Предлагается следующая редакция п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК: «давать показания в любой момент производства по делу. Ходатайство потерпевшего о допросе подлежит обязательному удовлетворению».

3.1. Свидетель – лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовному делу и которое вызвано для дачи показаний за исключением лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля. Данное определение целесообразно закрепить законодательно в ч. 1 ст. 56 УПК.

3.2. Допрос должностных лиц, производивших следственное действие, в качестве свидетелей неправомерен в тех случаях, когда имеются сведения о преступных нарушениях, допущенных должностным лицом, производящим процессуальное действие. Допрос в качестве свидетеля должностного лица в этом случае ограничивает его право на защиту. Субъект, производивший следственное действие, может быть допрошен лишь в качестве подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу, в случае, если оно будет возбуждено.

В тех ситуациях, когда сомнение в допустимости полученного доказательства не связано с возможной незаконностью действий субъекта, производившего процессуальное действие, он может быть допрошен в качестве свидетеля.

3.3. Допрос лица о его причастности к совершению преступления, а также об обстоятельствах, основанных исключительно на его специальных знаниях, в качестве свидетеля невозможен. Отсюда ч. 2 ст. 79 УПК целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Свидетель может быть допрошен о любых, относящихся к уголовному делу, обстоятельствах, за исключением его причастности к совершению преступления и обстоятельствах, основанных на специальных знаниях».

4. По гносеологическим характеристикам показания специалиста являются показаниями свидетеля, «сведущего свидетеля». Однако в связи с определенными особенностями предмета его показаний допустимо и выделение особой категории показаний – показаний специалиста.

4.1. Предметом показаний специалиста могут быть 1) обстоятельства, требующие специальных знаний; 2) обстоятельства, необходимые для разъяснения ранее высказанного мнения, в том числе в ранее данном заключении.

4.2. Сведения об обстоятельствах, входящих в предмет показаний специалиста, могут быть получены посредством допроса.

Не исключается получение показаний специалиста посредством очной ставки. Производство очной ставки возможно 1) между специалистами, давшими противоречивые показания относительно обстоятельств, требующих специальных познаний; 2) между специалистами, давшими противоречивые показания относительно мнения, выраженного одним из них в заключении или в ходе иных процессуальных действий.

Формирование показаний специалиста посредством предъявления для опознания исключается.

4.3. Поскольку получение сведений консультационного характера возможно посредством допроса специалиста, а также в связи с необходимостью обеспечить реальную состязательность в возможностях использования специальных знаний для сторон обвинения и защиты, заключение специалиста предполагает проведение исключительно исследований.

Иные, кроме должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, участники уголовного судопроизводства, представляющие стороны, могут воспользоваться консультацией специалиста посредством формирования «иного документа».

4.4. Специалиста правомерно допросить о выводах, которые он сделал посредством осмотра предмета. В данном случае необходимо использовать именно такую процессуальную форму сведений, как показания специалиста, а не его заключение.

4.5. Допрос лица в качестве специалиста возможен при необходимости получить от него показания об обстоятельствах, связанных с дачей заключения или выражением своего мнения, если они имеют значение для уголовного дела. Допрос специалиста в качестве свидетеля повлечет его отвод, что может поставить решение вопроса об отводе специалиста в зависимость от действий определенных лиц. Таким образом, в ч. 4 ст. 80 УПК необходимо предусмотреть, что специалист может быть допрошен об обстоятельствах, требующих специальных познаний либо с целью разъяснения мнения, ранее высказанного специалистом в заключении или при производстве иных процессуальных действий, а также об иных обстоятельствах, связанных с выраженным специалистом мнением, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

4.6. Получение показаний эксперта в ходе предъявления для опознания исключается. Однако показания эксперта могут быть получены в ходе очной ставки между экспертами, давшими комиссионное заключение, в показаниях которых имеются существенные противоречия; между экспертом и специалистом, разъяснившим заключение эксперта с существенными противоречиями; между экспертом и лицом, давшим показания об обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если в показаниях эксперта и данного лица будут усмотрены существенные противоречия.

4.7. Ст. 282 УПК «Допрос эксперта» предлагается сформулировать в следующей редакции:

1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства, для разъяснения данного им заключения или иных обстоятельств, связанных с производством экспертизы, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

2. После оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы. В случае назначения экспертизы по ходатайству стороны защиты участники процесса, представляющие данную сторону, задают вопросы первыми. Затем вопросы задает сторона обвинения. После чего вопросы могут быть заданы судом. В случае назначения экспертизы по инициативе следователя, дознавателя, первой вопросы задает сторона обвинения. В

случае назначения экспертизы по инициативе суда, первым вопросы задает суд, затем сторона обвинения и защиты.

3. При необходимости суд вправе предоставить эксперту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон.

5. Определяя самостоятельный вид процессуальной формы доказательства и исходя из характеристики документа именно как «иногo», т.е. не подпадающего под признаки документов, составляющих форму других видов доказательств, можно предложить следующее определение: иной документ – материальный носитель информации любой физической формы об обстоятельствах, имеющих значение в ходе уголовного судопроизводства, полученный в установленном УПК порядке, и не подпадающий под признаки других видов процессуальной формы сведений, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК.

5.1. Иными документами, т. е. процессуальной формой сведений, являющихся доказательствами, выступают документы любой физической природы; документы, полученные как в ходе уголовного судопроизводства, так и за его пределами; составленные как должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, так и иными участниками уголовного судопроизводства, полученные как в связи с производством по уголовному делу, так и вне связи с производством по таковому.

5.2. Результатами получения устного заявления о преступлении и устного заявления о явке с повинной также является получение «объяснений». В случае развития процессуальной формы получения объяснений, принятия устного заявления о преступлении, устного заявления о явке с повинной может быть поставлен вопрос о признании полученных результатов показаниями.

5.3. Регламентация процессуального статуса приложений к протоколам следственных действий, являющихся результатами применения технических средств фиксации хода и результатов таких действий, должна быть конкретизирована. В этой связи ч. 8 ст. 166 УПК следует дополнить предложениями следующего содержания: «Если указанные материалы соответствуют признакам вещественного доказательства, они осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств. В иных случаях полученные материалы выступают в доказывании в качестве иных документов».

Приложения к протоколу допроса, очной ставки, предъявления для опознания в форме аудио и видеозаписи являются формой фиксации показаний.

5.4. Следственные действия, влекущие формирование показаний, одновременно способны сформировать и иные документы (фото и киносъемка, видеозапись), т. е. в тех случаях, когда с помощью этих средств на допросе, очной ставке, предъявлении для опознания фиксируется невербальная информация. Это обстоятельство следует прямо закрепить в ч. 8 ст. 166

УПК: «Показания, вещественные доказательства и иные документы, полученные в результате применения технических средств фиксации хода и результатов следственных действий допустимы в качестве доказательств лишь при наличии соответствующего протокола следственного действия, в ходе которых они были получены».

5.5. Документ, представленный защитником по результатам опроса лица с его согласия, следует рассматривать не как иной документ, а как ходатайство о допросе данного лица. Если лицо не может быть допрошено, никакие составленные иными субъектами документы, отражающие результаты беседы с ним, не могут использоваться как доказательства по причине того, что для получения устной вербальной информации законодатель предусмотрел определенную процедуру, использование которой позволяет обеспечить допустимость и служит достоверности полученных сведений. Отсюда, на взгляд диссертанта, из ч. 3 ст. 86 УПК следует исключить п. 2.

5.6. Протокол допроса, очной ставки или предъявления для опознания, исходя из изложенной в нем информации, может быть признан вещественным доказательством по нескольким признакам. Во-первых, протоколы указанных следственных действий могут служить орудиями преступления. Во-вторых, могут сохранить на себе следы преступления. В-третьих, на показания, содержащиеся в обозначенных протоколах, могут быть направлены преступные действия. В таких случаях заверенная копия соответствующего протокола должна осматриваться, признаваться вещественным доказательством и приобщаться к материалам уголовного дела, возбужденного по факту посягательства на доказательственную информацию или доказательства.

6. Исходя из изложенных особенностей формирования показаний ст. 83 УПК следует изложить в следующей редакции:

Статья 83. «Протоколы следственных действий и судебного заседания».

«Сведения, удостоверяющие значимые для производства по уголовному делу обстоятельства, содержащиеся в протоколах осмотра, осмотра и прослушивания фонограммы, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, принятия устного заявления о преступлении, принятия устного заявления о явке с повинной, а также в протоколе судебного заседания в его соответствующей части, составленных в порядке, установленном настоящим Кодексом, являются доказательствами по уголовному делу».

Наименование ст. 83 УПК необходимо скорректировать и изложить в следующей редакции: «протоколы следственных действий и судебных заседаний». Такое же наименование должно быть использовано в ч. 2 ст. 74 УПК.

7. Соотношение показаний с заключением эксперта и специалиста значимо в двух аспектах: 1) соотношение показаний иных субъектов уголовного процесса (за исключением эксперта и специалиста) с заключением эксперта и специалиста; 2) соотношение показаний эксперта и специалиста с заключением эксперта и специалиста.

7.1. Заключение эксперта и специалиста – это, как и показания, процессуальная форма вербальной информации. Отсюда все языковые проблемы, свойственные показаниям, свойственны и данным видам доказательств.

7.2. Заключение специалиста предполагает производство исследований как в случае, когда оно получено по инициативе должностных лиц, осуществляющих производство по делу, так и в случае, когда оно сформировано по инициативе иных представителей сторон.

7.3. Концептуальным положением для разрешения проблемы соотношения заключения эксперта и заключения специалиста с показаниями эксперта и специалиста является положение о невозможности рассмотрения нескольких взаимосвязанных видов доказательств как комплексного доказательства.

7.4. Заключение и показания специалиста – это две самостоятельные формы сведений, имеющих значение для уголовного дела, и они могут быть использованы следователем (дознавателем) как вместе, так и по отдельности.

В этой связи заключение эксперта, показания эксперта, заключение специалиста, показания специалиста следует предусмотреть в самостоятельных пунктах ч. 2 ст. 74 УПК.

Библиография

I. Официальные документы и нормативные акты

1. Всеобщая декларация прав человека : [принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций : 10 декабря 1948 г.] // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. – М. : Юридическая литература, 2000.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 1994. – № 12.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод : [Рим, 4 ноября 1950 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : [от 19 декабря 1966 г.] // Международная защита прав и свобод человека. – М., 1990.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [с послед. изм. и доп.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : [1960 г.]. – М., 2001.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации : [по состоянию на 04.08.2014]. – М., 2014.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : [по состоянию на 21 июля 2014 г.]. – М., 2014.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : [по состоянию на 1 сентября 2014 г.]. – М., 2014.
10. О концепции судебной реформы : постановление Верховного Совета РСФСР : [от 24 октября 1991 г.] // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44, ст. 1435.
11. О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 31 мая 2001 г. : с послед. изм. и доп.]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 27 июня 2000 г. № 11- П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 27, ст. 2882.

14. По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 14 января 2000 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 5, ст. 611.

15. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 8 декабря 2003 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 51, ст. 5026.

16. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 6 февраля 2004 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 14, ст. 1341.

17. По жалобе гражданина Капустяна Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 165 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 8 июня 2004 г. № 194-0] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 29, ст. 3080.

18. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 29 июня 2004 г. № 2 13-П] // Рос. газ. – 2004. – 7 июля.

19. По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 8 ноября 2005 г. № 2 439-0] // Рос. газ. – 2006. – 31 янв.

20. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР : [от 16 марта 1971 г. № 1] // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Рос. Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

21. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 23.12.2008 № 28 : ред. от 30.06.2009] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 3.

22. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 10.02.2009 № 1] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 4.

23. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 05.03.2004 № 1 : ред. от 23.12.2008] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2004. – № 5.

24. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 29 июня 2010 г. № 17] // Рос. газ. – 2010. – 7 июля.

II. Монографии, учебные пособия, справочники

25. Алексеев, Н. С. Показания свидетеля. Советский уголовный процесс / Н. С. Алексеев. – Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 470 с.

26. Алексеева, Н. С. Советский уголовный процесс / Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 470 с.

27. Алиев, Т. Т. Уголовно-процессуальное доказывание / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, Л. В. Макаров. – М. : Книга сервис, 2002. – 128 с.

28. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В. Д. Арсеньев. – М. : Юрид. лит., 1964. – 179 с.

29. Бабаева, Э. У. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления / Э. У. Бабаева. – М., 2001. – 164 с.

30. Баев, О. Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие / О. Я. Баев, Д. А. Солодов. – М. : Эксмо, 2009. – 204 с.

31. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России / Б. Т. Безлепкин. – М. : Проспект, 2003. – 480 с.

32. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России : учебник / Б. Т. Безлепкин. – М., 2004. – 205 с.

33. Белкин, А. Р. Теория доказывания / А. Р. Белкин. – М., 1999. – 429 с.

34. Божьев, В. П. Глава 7. Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты / В. П. Божьев // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – М. : Спарк, 2002. – 704 с.

35. Буринский, Е. Ф. Судебная экспертиза документов / Е. Ф. Буринский. – СПб., 1903. – 368 с.

36. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
37. Воробьева, И. Б. Допрос лиц, обладающих специальными знаниями / И. Б. Воробьева // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной практики : межвуз. науч. сб. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1989. – 116 с.
38. Громов, Н. А. Уголовный процесс России / Н. А. Громов. – М., 1998. – 552 с.
39. Гуськова, А. П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов / А. П. Гуськова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2002. – 160 с.
40. Давлетов, А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов. – Свердловск : Издат. Уральского института, 1991. – 156 с.
41. Доля, Е. А. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Е. А. Доля ; под общ. ред. В. М. Лебедева ; научн. ред. В. П. Божьев. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.
42. Дорохов, В. Я. Понятие доказательств. Теория доказательств в Советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов. – М., 1966.
43. Дьяченко, М. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / М. С. Дьяченко ; отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2003. – 797 с.
44. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы : монография / З. З. Зинатуллин. – Ижевск, 2002. – 175 с.
45. Каминская, В. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / В. И. Каминская. – М., 1960. – 157 с.
46. Карнеева, Т. М. Показания свидетелей и потерпевших. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Т. М. Карнеева ; отв. редактор Н. В. Жогин. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.
47. Карнеева, Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Л. М. Карнеева. – Волгоград, 1988. – 68 с.
48. Карнеева, Л. М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебное пособие / Л. М. Карнеева. – М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 48 с.
49. Кокорев, Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе / Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1973. – 276 с.
50. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под. ред. А. М. Сухарева. – М., 2004. – 325 с.

51. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Издат. Группа ИНФРА-НОРМА-М, 2004.

52. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 848 с.

53. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. Л. Радченко ; научн. ред. В. Т. Томин, М. Л. Поляков. – М. : Юрайт- Издат, 2004. – 763 с.

54. Коршунов, А. М. Отражение, деятельность, познание / А. М. Коршунов. – М. : Политиздат, 1979. – 216 с.

55. Костенко, Р. В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств / Р. В. Костенко. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 240 с.

56. Костенко, Р. В. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств / Р. В. Костенко. – Краснодар : Экоинвест, 2005. – 300 с.

57. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – М. : Юрид. лит., 1989. – 640 с.

58. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие / В. А. Лазарева. – М. : Высшее образование, 2009. – 344 с.

59. Лупинская, П. А. Доказательства в советском уголовном процессе / П. А. Лупинская. – М., 1966. – 815 с.

60. Мотовиловкер, Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе / Я. О. Мотовиловкер. – М., 1956. – 176 с.

61. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев ; науч. ред. В. П. Божьев. – 2-е изд. – М. : Спарк, 2003. – 1007 с.

62. Образцов, В. А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. – М., 2003. – 160 с.

63. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1990. – 639 с.

64. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, И. Ю. Шведова. – М., 1985. – 736 с.

65. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, И. Ю. Шведова. – М., 1995. – 928 с.

66. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юрист, 2009. – 175 с.

67. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.

68. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.

69. Очередин, В. Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания / В. Т. Очередин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 248 с.

70. Петрова, О. В. Уголовно-процессуальное доказывание : учебное пособие / О. В. Петрова. – Курск : КФ ОрЮИ МВД России, 2007.

71. Петуховский, А. А. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий : учебное пособие / А. А. Петуховский, Н. Г. Шурухнов. – М. : ЮИ МВД России, 2002. – 88 с.

72. Петуховский, А. А. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий : учеб. пособие / А. А. Петуховский, Н. Г. Шурухнов. – М., 2002. – 360 с.

73. Победкин, А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : монография / А. В. Победкин. – М., 2005. – 419 с.

74. Победкин, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Победкин, В. Н. Яшин ; под ред. д. ю. н., проф. В. Н. Григорьева. – М., 2004. – 633 с.

75. Победкин, А. В. Уголовно-процессуальное доказывание : монография / А. В. Победкин ; ТФ ГОУ ВПО РПА Минюста России. – Тула : Папирус, 2007. – 388 с.

76. Победкин, А. В. Уголовно-процессуальное доказывание / А. В. Победкин. – М. : «Юрлитинформ», 2009. – 416 с.

77. Полещук, О. В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве / О. В. Полещук [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 232 с.

78. Порубов, Н. И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике / Н. И. Порубов ; под ред. А. Р. Ратинова. – Минск : Вышэйшая школа, 1968. – 276 с.

79. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. – Минск, 1978. – 175 с.

80. Рахунов, Р. Д. Признание обвиняемым своей вины / Р. Д. Рахунов. – М., 1975. – 166 с.

81. Рыжаков, А. П. Собираание (проверка) доказательств. Показания как средство доказывания : научно-практическое руководство / А. П. Рыжаков. – М. : Издательство «Экзамен», 2007. – 349 с.

82. Рыжаков, А. П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства / А. П. Рыжаков. – М., 1997. – 416 с.

83. Рыжаков, А. П. Уголовный процесс : учебник для вузов / А. П. Рыжаков. – 3-е изд. – М., 2004. – 432 с.

84. Селина, Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам / Е. В. Селина. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 128 с.

85. Селина, Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе / Е. В. Селина. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 144 с.

86. Семенов, Е. А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе (теоретические, процессуальные и организационные аспекты) : монография / Е. А. Семенов. – СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. – 165 с.

87. Скопинский, А. В. Свидетели по уголовным делам / А. В. Скопинский. – М., 1911. – 194 с.

88. Словарь основных терминов по уголовному процессу / под ред. канд. юрид. наук, доц. В. К. Боброва. – М. : Изд-во «Щит- М», 2001. – 160 с.

89. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса / В. К. Случевский. – Изд. 3-е. – СПб., 1910. – 684 с.

90. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М., 1968. – Т. 1. – 470 с.

91. Суворова, Л. А. Идеальные следы в криминалистике / Л. А. Суворова. – М. : «Юрлитинформ», 2006. – 200 с.

92. Тетерин, Б. С. Протокол судебного заседания / Б. С. Тетерин. – М., 1960.

93. Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М. : Госюриздат, 1960. – 176 с.

94. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. проф. М. А. Чельцова. – С. 140.

95. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 2005. – 736 с.

96. Ульянова, Л. Т. Показания свидетеля. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Л. Т. Ульянова. – М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. – 509 с.

97. Ушаков, Ю. А. Применение заключения и показаний специалиста в состязательном уголовном процессе / Ю. А. Ушаков // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений : межвузовский сборник научных трудов / Сибирский юрид. институт МВД России ; отв. ред. С. Д. Назаров. Выпуск 9. – Красноярск : СЮИ МВД России, 2006. – 195 с.

98. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – Второе, дополненное издание. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1976. – 119 с.

99. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Кораблевой, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М., 2003. – 576 с.

100. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий ; под ред. А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – 607 с.
101. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1951. – 511 с.
102. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
103. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
104. Шейфер, С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С. А. Шейфер. – Саратов, 1986. – 171 с.
105. Шейфер, С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методические и процессуальные проблемы / С. А. Шейфер. – Изд. Сарат. универ-а, 1986. – 170 с.
106. Якуб, М. Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе / М. Л. Якуб. – М., 1973. – 736 с.

III. Статьи

107. Агутин, А. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве / А. В. Агутин // Законность. – 2004. – № 3. – С. 12.
108. Александров, А. Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля в судебном следствии по уголовному делу / А. Александров // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 87-88.
109. Андросенко, Н. Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ / Н. Андросенко // Рос. следователь. – 2007. – № 23. – С. 6-7.
110. Антонов, А. Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при заведомо ложных показаниях, заключении эксперта, специалиста или неправильном переводе / А. Г. Антонов // Рос. судья. – 2011. – № 8. – С. 5-7.
111. Балакшин, В. Понятие доказательств в уголовном процессе / В. Балакшин // Законность. – 2005. – № 5. – С. 43-47.
112. Белоусов, А. В. О степени дословности записи показаний в протоколе допроса / А. В. Белоусов // Сибирский юридический вестник. – 2000. – № 2. – С. 32-34.
113. Бестаев, А. О. Представление и исследование в уголовном суде заключения специалиста, полученного защитником на договорной основе в ходе досудебного производства / А. О. Бестаев // Рос. судья. – 2007. – № 5. – С. 22-24.

114. Бобраков, И. Проблемы квалификации принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) / И. Бобраков // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 8-10.
115. Божьев, В. П. Изменения в УПК РФ – не всегда средство его совершенствования / В. П. Божьев // Законность. – 2005. – № 8. – С. 2-6.
116. Будников, В. Показания в уголовном процессе / В. Будников // Законность. – 2006. – № 9. – С. 43-44.
117. Будников, С. Б. Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу: возможные варианты решения проблемы / С. Б. Будников // Рос. следователь. – 2013. – № 17. – С. 4-9.
118. Булатов, Б. Б. Совершенствование показаний как вида доказательств в уголовном процессе / Б. Б. Булатов, П. В. Козловский // Рос. следователь. – 2012. – № 9. – С. 19-22.
119. Быков, В. М. Проблема допустимости доказательств / В. М. Быков // Следователь. – 2007. – № 10. – С. 32-34.
120. Воробьев, П. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда / П. Воробьев // Законность. – 2005. – № 11. – С. 34-36.
121. Гаспарян, Н. Можно ли оглашать показания свидетелей без согласия сторон? / Н. Гаспарян // Рос. юстиция. – 2003. – № 10. – С. 49.
122. Григорьев, В. Н. О методологии совершенствования доказательственного права / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин // Гос-во и право. – 2003. – № 10. – С. 55-62.
123. Говорков, Н. Лжесвидетели / Н. Говорков // Законность. – 2005. – № 1. – С. 33-34.
124. Гришина, Е. П. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста / Е. П. Гришина, С. А. Саушкин // Рос. следователь. – 2005. – № 8. – С. 16-19.
125. Желтобрюхов, С. Оглашение в суде показания умершего / С. Желтобрюхов // Рос. юстиция. – 2003. – № 6. – С. 52.
126. Давлетов, А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы / А. Давлетов // Рос. юстиция. – 2003. – № 9. – С. 47-48.
127. Данилова, Л. С. К вопросу об источниках доказательств в уголовном судопроизводстве / Л. С. Данилова, Н. А. Громов // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 20-23.
128. Данилова, С. И. Особенности участия специалиста в досудебном уголовном производстве [Электронный ресурс] / С. И. Данилова. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
129. Доля, Е. А. Проект Общей части УПК Российской Федерации: юридический анализ / Е. А. Доля // Государство и право. – 1995. – № 5. – С. 83-92.

130. Дорохов, В. Я. Понятие доказательств / В. Я. Дорохов // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1966. – С. 227-267.
131. Дубинин, Л. Г. Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего / Л. Г. Дубинин // Рос. следователь. – 2012. – № 6. – С. 40-41.
132. Дубинин, Л. Г. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по уголовным делам о заведомо ложных показаниях свидетеля и потерпевшего / Л. Г. Дубинин // Рос. следователь. – 2012. – № 18. – С. 4-7.
133. Васяев, А. А. Стандарты европейского суда по правам человека части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия в Российской судебная практика / А. А. Васяев, С. А. Князькин // Адвокат. – 2013. – № 7. – С. 19-25.
134. Зажицкий, В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права / В. И. Зажицкий // Рос. юстиция. – 2007. – № 9. – С. 56-58.
135. Зажицкий, В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67-74.
136. Зайцева, С. А. Специалист и его заключение в уголовном процессе / С. А. Зайцева // Следователь. – 2004. – № 2. – С. 17-18.
137. Игнатъев, М. Е. Некоторые практические советы по тактике допроса / М. Е. Игнатъев // Рос. следователь. – 1999. – № 6. – С. 50-53.
138. Карпенко, В. М. Понятие доказательств по УПК РФ / В. М. Карпенко // Сборник научных трудов. – М. : ВНИИ МВД России, 2005. – С. 70.
139. Круглов, С. В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ / С. В. Круглов // Законность. – 2005. – № 3. – С. 14-16.
140. Кузнецова, Ю. В. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе / Ю. В. Кузнецова, А. К. Тихонов, Н. А. Громов // Следователь. – 2004. – № 1. – С. 11-12.
141. Куссмауль, Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту / Р. Куссмауль // Рос. юстиция. – 2003. – № 2. – С. 33-35.
142. Лазарева, Л. К вопросу о правовой сущности заключения специалиста / Л. Лазарева // Уголовный процесс. – 2009. – № 1. – С. 93-98.
143. Логвинец, Е. А. Заключение специалиста (Проблемы использования в доказывании) / Е. А. Логвинец // Эксперт-криминалист. – 2008. – № 1. – С. 33-36.
144. Масликова, Н. В. Некоторые аспекты противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого в процессе познания по уголовным делам / Н. В. Масликова // Рос. следователь. – 2012. – № 24. – С. 7-10.
145. Махов, В. Н. Становление заключения и показаний специалиста как доказательства в уголовном процессе Российской Федерации / В. Н. Махов // Рос. следователь. – 2013. – № 9. – С. 6-9.

146. Мурадян, Э. М. Итерации в судебном процессе / Э. М. Мурадян // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 55-61.
147. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 122-124.
148. Новиков, С. А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости / С. А. Новиков // Рос. юстиция. – 2014. – № 2. – С. 41-44.
149. Овсянников, И. Заключение и показания специалиста / И. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 32-35.
150. Осипов, С. Предписания ч. 3 ст. 281 УПК РФ и психолингвистический аспект достоверности показаний потерпевшего и свидетеля / С. Осипов // Законность. – 2004. – № 6. – С. 35-36.
151. Петуховский, А. А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института / А. А. Петуховский // Рос. юстиция. – 2003. – № 9. – С. 49-50.
152. Победкин, А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России / А. В. Победкин // Гос-во и право. – 2003. – № 1. – С. 57-64.
153. Подволоцкий, И. Н. К вопросу о регламентации использования результатов применения специальных знаний в качестве доказательств по уголовным делам / И. Н. Подволоцкий // Следователь. – 2004. – № 3. – С. 45-47.
154. Попов, Д. В. Показания специалиста как сведущего свидетеля / Д. В. Попов // Юридический аналитический журнал. – 2006. – № 1. – С. 30.
155. Попова, Е. А. Показания эксперта как источник доказательств / Е. А. Попова, Н. А. Громов // Следователь. – 2003. – № 8. – С. 29-31.
156. Сверчков, В. Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод / В. Сверчков // Законность. – 2002. – № 11. – С. 9-11.
157. Селина, Е. В. Специальные познания в уголовном процессе / Е. В. Селина // Гос-во и право. – 2003. – № 7. – С. 45-50.
158. Серго, А. Электронный документооборот / А. Серго // Рос. юстиция. – 2003. – № 5. – С. 69-70.
159. Соловьев, А. Использование специальных познаний при доказывании по УПК РФ / А. Соловьев // Уголовный право. – 2007. – № 2. – С. 95-99.
160. Смолькова, И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде / И. В. Смолькова // Рос. судья. – 2013. – № 6. – С. 11-14.
161. Татьяна, Л. Г. Проблемы защиты прав обвиняемого по уголовным делам, расследуемым в форме дознания / Л. Г. Татьяна // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 2. – С. 32-33.

162. Темираев, О. Компетенция специалиста / О. Темираев // Законность. – 2005. – № 6. – С. 39-40.

163. Уренева, О. В. Принцип состязательности сторон и оглашение в судебном заседании показаний лиц, данных при производстве предварительного расследования или ранее данных в судебном заседании / О. В. Уренева // Рос. судья. – 2003. – № 3. – С. 3-6.

164. Ушаков, А. Ю. О понятии специалиста в уголовном судопроизводстве России / А. Ю. Ушаков // Рос. следователь. – 2008. – № 9. – С. 8-9.

165. Фаткуллин, Ф. Н. О новом уголовно-процессуальном кодексе РСФСР / Ф. Н. Фаткуллин // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Ученые записки. Том 121. Книга 7. – Казань, 1961. – С. 90-124.

166. Филин, Д. Дифференциация доказательственной информации / Д. Филин // Законность. – 2001. – № 2. – С. 46.

167. Францифоров, Ю. В. Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого / Ю. В. Францифоров // Рос. судья. – 2002. – № 5. – С. 11-14.

168. Хозова, Л. П. О правах подозреваемого и обвиняемого в ходе доказывания по действующему УПК РФ / Л. П. Хозова, А. А. Рябцев // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 2. – С. 26-27.

169. Хрусталева, В. Н. Заключение специалиста как источник доказательств в уголовном судопроизводстве / В. Н. Хрусталева // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – 2005. – С. 61-69.

170. Чеканов, В. Я. Документы как источник доказательств / В. Я. Чеканов // Правоведение. – 1963. – № 2. – С. 121-128.

171. Шаламов, М. П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого / М. П. Шаламов // Сов. государство и право. – 1956. – № 8. – С. 44-50.

172. Шалумов, М. Собираение и оценка доказательств по уголовному делу / М. Шалумов // Законность. – 2005. – № 3. – С. 2-5.

173. Шалумов, М. УПК РФ: вопросы доказательственного права / М. Шалумов // Законность. – 2004. – № 4. – С. 2-6.

174. Шейфер, С. А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ; шаг вперед? / С. А. Шейфер // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 41-42.

IV. Диссертации и авторефераты

175. Агибалова, В. О. Процессуальные и иные документы как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Агибалова В. О. – Краснодар, 2003. – 230 с.

176. Аненко, И. В. Допустимость протоколов следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук / Аненко И. В. – Краснодар, 2005. – 206 с.

177. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : дис. ... д-ра юрид. наук / Балакшин В. С. – Екатеринбург, 2005. – 533 с.
178. Бельский, А. И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / Бельский А. И. – М., 2006. – 175 с.
179. Веселова, Ю. А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Веселова Ю. А. – С.-Петербург, 2005. – 172 с.
180. Веснина, С. Н. Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенности тактики их допроса : дис. ... канд. юрид. наук / Веснина С. Н. – Саратов, 2002. – 201 с.
181. Воробьева, Ю. Ю. Современные проблемы процесса доказывания в Российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Воробьева Ю. Ю. – Оренбург, 2006. – 187 с.
182. Гасанов, В. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук / Гасанов В. Ш. – Н. Новгород, 2006. – 228 с.
183. Ильина, Е. Р. Проблемы оценки заключения судебно-медицинского эксперта в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / Ильина Е. Р. – Самара, 2005. – 216 с.
184. Зверев, А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Зверев А. Г. – Краснодар, 2005. – 209 с.
185. Камышин, В. А. Иные документы как свободное доказательство в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Камышин В. А. – Ижевск, 1998. – 171 с.
186. Колесов, О. М. Письменные доказательства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / Колесов О. М. – Н. Новгород, 2006. – 165 с.
187. Константинов, А. В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / Константинов А. В. – М., 2006. – 217 с.
188. Коковкин, М. С. Участие свидетеля в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / Коковкин М. С. – Владимир, 2007. – 228 с.
189. Коркина, И. В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Коркина И. В. – М., 2006. – 173 с.
190. Коровина, М. С. Проблемы доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук / Коровина М. С. – Иваново, 2007.

191. Костенко, Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / Костенко Р. В. – Краснодар, 2006. – 421 с.
192. Круглов, С. В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук / Круглов С. В. – Саратов, 2006. – 252 с.
193. Левченко, О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : дис. ... д-ра юрид. наук / Левченко О. В. – Астрахань, 2004. – 418 с.
194. Леднев, А. Е. Показания свидетеля как уголовно-процессуальное доказательство : дис. ... канд. юрид. наук / Леднев А. Е. – Новгород, 2006. – 240 с.
195. Леонов, С. И. Расспрос как познавательный метод получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / Леонов С. И. – М., 2010. – 214 с.
196. Ломакина, Е. В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Ломакина Е. В. – Оренб., 2006. – 174 с.
197. Макеев, А. В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Макеев А. В. – М., 2004. – 24 с.
198. Маркелов, А. Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Маркелов А. Г. – Н.- Новгород, 2004. – 215 с.
199. Мачихин, С. Г. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук / Мачихин С. Г. – М., 2006. – 187 с.
200. Николаева, Н. М. Письменность предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Николаева Н. М. – Омск, 2002. – 27 с.
201. Пилюшин, И. П. Получение и закрепление показаний в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Пилюшин И. П. – Омск, 2006. – 218 с.
202. Пискун, О. А. Истина в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Пискун О. А. – Иркутск, 2006. – 192 с.
203. Поляков, М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук / Поляков М. П. – Н. Новгород, 2002. – 442 с.
204. Сабиров, Х. А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Сабиров Х. А. – Краснодар, 2000. – 182 с.

205. Саушкин, С. А. Актуальные вопросы теории и практики участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве) : дис. ... канд. юрид. наук / Саушкин С. А. – Саратов, 2002. – 182 с.
206. Семилетов, С. И. Документы и документооборот как объект правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семилетов С. И. – М., 2003. – 27 с.
207. Сидорова, Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сидорова Н. В. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
208. Татаров, Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления : дис. ... канд. юрид. наук / Татаров Л. А. – Ростов н/Д., 2006. – 194 с.
209. Царева, Н. П. Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Царева Н. П. – Саратов, 2003. – 268 с.
210. Федоров, А. А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Федоров А. А. – М., 2006. – 190 с.
211. Филь, В. С. Показания подозреваемого в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Филь В. С. – Краснодар, 2003. – 176 с.
212. Шейфер, М. М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук / Шейфер М. М. – Самара, 2005. – 235 с.
213. Шуличенко, А. А. Показания обвиняемого: правовой, психологический и нравственный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Шуличенко А. А. – М., 2008. – 193 с.
214. Ярмак, К. В. Правовые и научные проблемы совершенствования структуры и содержания заключения эксперта-криминалиста в условиях компьютеризации экспертной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / Ярмак К. В. – Волгоград, 2003. – 207 с.

Монография

кандидат юридических наук
Гришина Елена Борисовна

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 0814 от 15.10.13 г.

Подписано в печать _____ Формат 60x90^{1/16}.
Усл. печ. л. _____. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2.